

МОЛЧАНИЕ САБРИНЬЫ

ДЕЙСТВИЕ I

...из Габена

Владимир Торин

Annotation

В Габене осень. Эта история начинается в Саквояжном районе у фонарного столба перед переулком Фейр. Здесь стоит мистер Джейкоб Фортт, который ожидает появления своего то ли лучшего друга, то ли заклятого врага. Который должен принести с собой целый мешок тайн.

Владимир Торин
Молчание Сабрины

Пролог. Признание

Человек в черном фраке и двугулке, прячущий лицо под белой носатой маской и обмотавшийся длинным алым шарфом, запустил фонограф. Цилиндр на валике завращался. Человек в двугулке набрал в легкие побольше воздуха и начал надиктовывать свою аудиодраму. Речь его была напевной, тягучей, шелестящей:

«Аудиодрама “Молчание Сабрины”.

Действие первое.

Твой воображаемый друг.

Слишком долго я молчал. Слишком много лет. Ты прости, прости меня, но тер-пе-нья бо-льше нет... Одиночество мое — путь во мрак, одиночество мое — просто так. Сам себя изволил запереть в сундук, не терпел я жалость глаз, притворство слов, прикосновенье рук. Отношения мои с городом большим ограничили порогом лавки кукол, колокольчиком дверным, что висит над ним. Колокольчик — дзинь! Колокольчик — брень! И в мою ловушку для теней очередная попадает тень. Покупатель, клиент: кто-то клюнул на вывеску? Он заходит сюда с таким видом, будто выбора нет, будто прочие лавки закрыты, будто его сюда загнали шквал и гроза. Первым делом он протирает глаза. Здесь темно, неудобно, все в забвенье, в пыли. Нет игрушек на полках. Где же они?

Озирается и, верно, думает он, не ошибся ли дверью, не ошибся ли домом? Стоит в горле вопрос удушливым комом. Но нет, попал он по адресу, туда, куда нужно! Но отчего же так сердце скрежещет натужно? Отчего липкий холодок ползет по спине? Он уже хочет уйти, когда «Заблудились, мистер?» вдруг звучит в тишине.

Люди боятся этого места. Люди все смелы в соседнем квартале. А я обретаюсь в подвале на заднем дворе кабаре, где плясали и плясали, плясали ночами, где клóунили клоуны, а дивы были сычами. Сюда больше не заходят — только случайно. И жизни здесь, как в тлеющем угольке. Они все смелы там, вдалеке! Вдалеке!

Но стоит кому-то свернуть в мой переулок, но стоит им пройти до моего тупика, увидеть пыльные окна лавки игрушек, как дрогнет их сердце, голосок внутри заунывно застонет, камешек мелкий в туфлю прокрадется, душу предчувствие мрачное тронет, и даже нога их тотчас споткнется. Только что шум людной улицы был, а сейчас тишина и туман, не горят фонари. Но любопытство неизменно толкает в капкан, любопытство шепчет: «Загляни! Что внутри?» Он идет, он бредет, он себя мне несет. И лишь только открывает он дверь лавки моей, как мечтает убраться отсюда скорей. Но поздно! Ты пришел, ты зашел, тебя затянуло крюками. Не уйдешь от меня ты с пустыми руками. Это лучший подарок из всех, какие можно найти! Или нет! Просто тот, которого ты, друг, достоин. А в голове копошатся сомнения роем... Ты в нее влюбишься с первого взгляда, или инфаркт тебя хватит на месте. Ты сразу поймешь, что тебе надо, и уйдешь отсюда с куклою вместе.

Мои куклы! Мои славные, славные куклы! В них больше жизни, в них больше чувств, чем

в тех, кто играет в любовь. Чем в тех, кто наяву отдается на растерзание пленительных снов. Чем в тех, кто, сгибаясь в дугу, подбирает жизнь под ногами. Больше, чем в тех, кто по сердцу чужому топчется сапогами. Чем в тех, кто играет в эту смешную, нелепую, приевшуюся до невозможности злую игру!

Ты уносишь с собой не просто игрушку. Ты волочишь домой злобную кроху, что вцепится в горло любого ребенка, с которым наедине ее ты оставишь. Зайдя в мою дверь и куклу купив, на улицу в туман ты выходишь другим. И отдаляясь от лавки, не знаешь о том, что несешь убийцу в свой теплый дом. Раньше мне удовольствие и даже какое-то счастье приносили мысли, что труд мой не напрасен, что какой-то ребенок будет наказан и заплатится за то, что не ценит детство свое, в то время как другие его лишены. Но сейчас... хм... но сейчас... Я не рад, мне теперь все равно. Кого моя кукла задушит шарфом, кому вонзит в шею клыки, а кого затащит в кошмарные сны, в колодцы пустые, что так глубоко.

Я устал от всего. Я устал быть один. Я устал делать кукол, кого-то наказывать. Сам себе раб, сам себе господин, нет сил больше интриги завязывать... Я устал от шарниров, от ключей и от нитей. От пресных и блеклых безсобытийных событий. Я словно пытаюсь кричать заштопанным ртом. Я краду крохи души, будто комнатный вор. Одиночество мое пожрало все кругом, и я с куклами завожу разговор.

Кукольник — не кукловод и никак ему им не стать. Сколь угодно ты можешь пытаться, но никем тебе не управлять. Ты даешь куклам жизнь, но нет их — нитей в твоих руках, зато слепит тебя свет лампы и жжет тебя сцены страх. Сценарий забудешь, лишь выйдешь, пальцы дрогнут, ноги запнутся, мысли смешаются — все было не так в твоих прекрасных вчерашних мечтах! Да, ты из тех, кто мечтает... Ну убейте за это! Ты, закрыв глаза, представляешь себе, как нисходят с балконов, партера и лож аплодисменты, и слезы текут по щекам, смывая грим, и ты — словно плачущий мим, только твои слезы... они настоящие — радости, счастья слезы. И летят к ногам твоим розы, а зритель громом несет тебе «Браво!» И тебя накрывает волна — это она, твоя слава... и сердце от счастья болит. Затем ты открываешь глаза, а вокруг — ничего. Кругом пыль и забвенье, темно и зал пуст, слезы текут, но уже от горя, тоски, одиночества. Слезы текут и сердце просто... болит...

Кукольник — не кукловод и никак ему им не стать. Ты не играешь своими игрушками, ты способен их лишь создавать. Играет же неизменно кто-то другой — бездарный, тривиальный, никчемный, простой! Сердца и мозги, вложенные в резные поленья, — это подлинное искусство. Эмоции, страсти и чувства... Я кроил и выкраивал, сверлил и вытачивал, я шивал и пристрачивал. Я в головы деревянные вкладывал мысли, мысли и мысли. Искусство! И когда-то мне хватало его, но где я теперь, что имею? Пустоту. Ничего.

И вот... вы двое... Как же давно я вас сделал, сколько с тех пор жизнь нанесла мне ран! Но молодой и наивный кукольник тогда ни за что не мог знать, что однажды в его голове созреет идея — идея, переросшая в план. Вас ждут страдания и боль, ампула жертв, трагичная судьба и... смертельная роль.

Возможно, кому-то вы придется по вкусу, кому-то понравится, быть может, кто-то вас даже полюбит. Но я обещаю, что до конца всей этой пьески кто-то кого-то уж точно погубит.

Со следующим ударом часов я отброшу засов, и мои искусственные дети, пропахшие

нафталином, пыльные, дрянные, перепачканные с головы до ног гуталином, начнут оживать...

Я буду недалеко, уж поверьте, вот здесь. Здесь, за углом! А затем я последую за вами, ну а вы... Смейтесь, смейтесь же, куклы! Уже раздаются фанфары, и ветер качает портьеры. Это день, которого вы так ждали, — день вашей премьеры! Вы — главные герои, персонажи спектакля. Вы будете чувствовать себя одиноко, я знаю, но сто́ит вам оглянуться назад, как вы тут же почувствуете мой пристальный взгляд. Будет ваш путь пуст и тревожен, грустью наполнен и нелюдим. Я же всегда буду с вами — незрим. Буду спереди — ждать вас, позади — наставлять, слева — манить, и справа — бранить. Я буду сверху и снизу, я затаюсь внутри вас. Я буду вокруг! И если когда-нибудь случится так вдруг, что вам покажется — нет меня, вы спасены, вы свободны! — уж я напомню вам о себе, ведь я всегда с вами — отныне я ваш воображаемый друг. Отныне я ваш... воображаемый... друг...

Это все прелюдия! Это открывающая часть, и предвкушение от этой замечательной драмы никому у меня не украсть. И вот она начинается!

Начинается ни со слова, ни с чего-то иного, и даже не с мысли! Пьеса начинается с убийства. Убийства меня...»

Глава 1. Пустое Место и Манера Улыбаться

В Габене всю властвовала осень — премерзкая пора, которая делала этот и без того неприятный городишко просто невыносимым.

Тучи над городом были похожи на грязную вату, и кое-кто даже подумывал о том, чтобы поджечь их, представляя себе, как бы славно они горели. Правда, этот «кое-кто» ни за что не дотянулся бы до них со своей спичкой. К ночи ожидался дождь — и не нужно было сверяться со свежими метеокарточками, чтобы понять это.

Местами уже накрапывало. Холодный ветер носил по улочкам опавшие листья, пытался сорвать с прохожих шляпы. Анемометры на шпилях угловых зданий крутились, не останавливаясь, а подрагивающие флюгеры — все, как один, сообщали о том, что ветер — восточный.

Подхваченная ветром грязная, не раз побывавшая под чьими-то башмаками мятая страница газеты «Сплетня» неслась по улице Бремроук. Она кружилась, наталкивалась на прохожих, цеплялась за гидранты и водостоки, влипала в стволы деревьев и фонарные столбы, пока в какой-то момент ветер не распластал ее на боку старой афишной тумбы, стоявшей на углу Бремроук и Харт. На миг показался заголовок: «ЗУБНАЯ ФЕЯ ВЕРНУЛАСЬ?! КОГО НА САМОМ ДЕЛЕ ВИДЕЛИ НА ПЛОЩАДИ НЕМИ-ДРЁ?!» А за страничка сорвалась и понеслась дальше, пока не прибилась к стеклу заднего окна ржавого трамвая с маршрута «Почтовая площадь — Блошиный район», который, закрыв дверигармошки, отошел от станции и лениво пополз через Тремпл-Толл в сторону канала.

Тремпл-Толл... старый нетрезвый дядюшка Тремпл-Толл, также известный, как Саквояжный район. Именно здесь находится городской вокзал, а улицы полнятся приезжими с чемоданами и саквояжами, — отсюда и название. А еще он полнится злодеями различного пошиба.

Именно один из таких злодеев и стоял сейчас неподалеку от трамвайной станции на улице Бремроук — у фонарного столба возле входа в темный и довольно зловещий переулок Фейр.

— А ну, отвали от меня, — сквозь зубы процедил человек у столба. Рядом с ним никого не было, но обращался он ни много, ни мало к самой Осени, ведь та, словно пьяная певичка из кабаре, совсем позабыла о приличиях и настойчиво пыталась с ним обняться. Вот только ему не нравились ни холодный ветер, пробирающийся под пальто, ни мерзкая морось, впитывающаяся в шляпу и шарф.

Человек у фонарного столба был неприятным и недружелюбным. Торопящиеся мимо джентльмены и дамы не обращали на него внимания и делали это явно демонстративно — так, словно его и вовсе не существует, словно он — пустое место. Что ж, человек у фонарного столба на них зла не держал, ведь его именно так и звали — Пустое Место. Ну или, правды ради, это был сценический псевдоним, в то время как вне подмостков его имя представляло собой нечто скучное, отдающее нафталином и чердачной пылью. Имя это не привлекло бы ничье внимание, даже будь оно напечатано на афише большими буквами. Человека у фонарного столба звали Джейкоб Фортт.

Джейкоб Фортт выглядел *не очень-то*... Это был шут из уличного театрала-балагана, но сейчас он *не очень-то* походил на шута — скорее, он напоминал бродягу, которого с неуклонной периодичностью пинает то жизнь, то туфля прохожего. Кутался Джейкоб Фортт

в старое коричневое пальто, на голове его сидел засаленный котелок, а вокруг шеи был обмотан выцветший полосатый шарф (полосы когда-то были красными и синими, но со временем стали — пожухло-серыми и линяло-серыми). Шарф этот, к слову, был очень длинным — его концы спускались до самой земли, а обтрепанная бахрома темнела от уличной грязи.

Как и говорилось, Джейкоб Фортт был злодеем. Или, вернее, человеком, зачем-то пытающимся казаться отъявленным злодеем, но беда в том, что выходило это у него плоховато. Он являлся обладателем открытого круглого лица, что очень редко бывает у плохих людей, слегка оттопыренных ушей, а еще больших карих глаз, заверяющих: «У этой души нет двойного дна, зато много искреннего любопытства». Все эти черты не очень-то подходили злодею, и тем не менее Джейкоб Фортт по прозвищу «Пустое Место» был угрюм, печален, сердит и зол. И все это одновременно, или, вернее, попеременно. Он ведь был шутком — и это его обязывало, а еще он жил в Габене — и это многое объясняло.

Проводив немигающим взглядом укативший вниз по улице скрежещущий трамвай, Фортт шморгнул носом.

— Где же ты ходишь? Сколько еще тебя ждать?..

Фортт простоял у входа в переулок Фейр уже довольно приличное время — должно быть, целых полчаса! Он злился на того, с кем у него была назначена встреча, потому что тот бессовестно опаздывал. При том, что он сам опоздал. Примерно на полчаса.

Шут мерз и топтался на месте, подчас согреваясь прогулкой вокруг фонарного столба и мечтами о каштановой настойке, которую он, кажется, забыл в своем ящике в гримерке.

Кажется — потому что в кармане пальто, где она обычно лежала, ничего не было. Но при этом...

«Я ведь помню, что брал ее с собой... И как это вяжется с тем, что ее нет? Неужели я ее... потерял?»

Пугающая мысль заставила шута замереть на месте и погрузить обе руки по локоть в карманы пальто. В одном из них его ждала находка, которая тут же вызвала у него приступ отчаянья. В левом кармане была... дыра.

«Только не это! Может, она завалилась за подкладку?!»

Фортт попытался расковырять дыру и одновременно прощупать эту самую, будь она неладна, подкладку. Он пыхтел, сопел и старался изо всех сил, и в какой-то момент... Да! Пальцы коснулись бутылки — неудивительно, что он не ощущал ее веса: она была размером со склянку для пилюль от психоза.

Джейкоб Фортт самозабвенно потянул бутылочку из дыры, и тут...

Ему на плечо легла чья-то рука.

Пустое Место от неожиданности подпрыгнул и резко обернулся, при этом вскинув кулаки в попытке защититься и едва не залепив себе же обоими в нос.

На него глядел такой же неприятный потрепанный тип, как и он сам.

Джейкоб Фортт опустил руки и поджал губы.

Это был его то ли лучший друг, то ли заклятый враг — все зависело от дня недели.

То ли лучший друг, то ли заклятый враг всегда носил зеленое пальто и темно-зеленый шарф. Длинные спутанные волосы неопределенного цвета разметывал ветер — шляпа отсутствовала, но будь она, Фортт мог бы поклясться, что она тоже была бы зеленого цвета. Дело в том, что этот шут (к слову, это тоже был шут, совершенно не похожий на шута) просто ненавидел зеленый цвет, но при этом отчего-то обожал себя мучить.

Шута звали Финн Гуффин (сценические псевдонимы: «Гуффин» и «Манера Улыбаться»). Свое прозвище он получил потому, что никогда не улыбался, и легче было вымолить у богатого скряги из Старого центра монетку в полфунта, чем у Гуффина хотя бы проблеск улыбки. Когда шута однажды спросили, почему он не улыбается, он ответил: «Не ваше собачье дело!» и «Отвалите!» — но Джейкоб Фортт знал, что он украл эту манеру у какого-то доктора, посчитав ее забавной и оригинальной.

Манера Улыбаться никогда не расставался с двумя вещами: со склонностью огрызаться и с зеленым неоднократно залатанным зонтиком. Отношения Гуффина с этим зонтом были весьма странными: он мог держать его раскрытым в помещении и даже не подумать использовать во время самого сильного ливня. «Вот ведь чудачество», — сказал бы кто-то. «Дело вкуса и привычки», — ответил бы сам Финн Гуффин и плюнул бы в того, кому что-то там не нравится.

Вот этот шут был откровенным злодеем. Все классические злодейские черты имелись в наличии: тонкие губы, хмурые брови и коварный прищур, а серость его тонущих в черных кругах глаз лишь подчеркивала серость его морали. При этом, словно бы в противовес своему другу, Гуффин пытался казаться не таким уж и плохим. Что ж, у него это так же получалось не слишком удачно. А все оттого, что он постоянно злился: была ли для этой злости реальная причина, или дело заключалось в недосыпании, недоедании и гипертрофированной мнительности, значения не имело.

— Откуда ты взялся? — удивленно спросил Фортт, когда испуг от неожиданного появления друга отступил.

— Из трамвая вышел.

— Не ври! Я во все глаза глядел на трамвай — тебя там не было.

Гуффин поморщился и тут же выдал очередное вранье:

— Ладно, я из люка выбрался.

— Ну да! Не вижу что-то поблизости люков...

— Ну ты и зануда, Пустое Место! Уговорил: скажу. Я спустился с неба на этом вот зонтике!

Фортт машинально задрал голову. Хмурые тучи нависали низко-низко и едва не цепляли своими подошвами крыши.

«А может, Гуффин и правда спустился с неба, прилетев на зонтике? — на миг задумался он, но тут же одернул себя. — Да ну! Чепуха! Наверное, он просто обошел меня незаметно и подкрался, чтобы испугать...»

— Я уж и не думал, что ваша светлость соизволит явиться! Время близится к пяти! — раздраженно сказал Фортт. — И где мы, позвольте спросить, ошивались?

Гуффин раздраженно фыркал, сражаясь с зонтом и пытаясь сложить его; нос шута покраснел — Манера Улыбаться то ли был пьян, то ли просто замерз. А быть может, и то, и другое.

— Я не ошивался, а зашивался, пока нитки не кончились! — заявил он, наконец превратив зонт в горбатую трость и засунув его подмышку. — Почему все постоянно суют свои сопливые носы в мои дела?

Гуффин, прищурившись, бросил пару быстрых взглядов по сторонам, глянул на круглое окошко чердака ближайшего дома, а затем — на проползший мимо паровой экипаж «Трудс», словно пытался понять, не наблюдает ли кто за ним. К мерзлой пьяности или пьяной мерзости шута добавилась не особо свойственная ему обычно подозрительность. По

мнению приятеля, вел он себя довольно странно — еще более странно, чем обычно.

«Гуффин что-то замышляет, — подумал Фортт, — или уже замыслил. Что-то здесь не так...»

— И все же...

— Что «все же»? — Гуффин вдруг уставился на друга так, словно тот являлся единственной досадной помехой перед каким-то его личным великим свершением.

— Я спрашиваю потому, что у нас, вообще-то, дело, — сказал Фортт. — А ты где-то пропадаешь. Я у этого фонаря торчу с прошлой недели! В то время как ты, небось, где-то набивал свое брюхо пирожками или подглядывал за расфуфыренными балеринками из «Трех Чулок». — Фортт приняхался. — Ну точно! От тебя же несет пирожками и дамскими духами!

— Поймал с поличным! — огрызнулся Гуффин. — Я съел пирожок! С начинкой из расфуфыренной балеринки. Вкуснотища — пальчики оближешь, хоть он и был малость пересолен...

— Пересолены здесь только твои шуточки...

— Хватит ворчать, — прервал друга Гуффин. — И вообще, не забывай, что ты здесь сейчас не по моей воле. Уж я бы с удовольствием справился с делом без тебя и твоего надокучливого ворчания! Нужно поторапливаться. Чем быстрее мы закончим, тем быстрее вернемся в Фли.

Сказав это, он повернулся и с легко читаемой опаской глянул в темноту переулка. Джейкоб Фортт повторил его взгляд, будто под копирку. А затем оба шута, не сговариваясь, проглотили вставший в горле у каждого ком.

Переулок Фейр казался заброшенным и до невозможности жутким. Этот не очень-то широкий проход между домами был похож на темную дыру в теле города, которую кто-то зачем-то прогрыз. Из переулка тянуло затхлостью, как из старого погреба, и с улицы казалось, будто там кто-то копошится. Обе стены выходящих в переулок домов были сплошь заклеены выцветшими, частично ободранными плакатами «РАЗЫСКИВАЕТ ПОЛИЦИЯ», на которых едва угадывались изображения уже давно позабытых злодеев прошлого.

— Превосходное место для различных неприятных типов, — прошептал Фортт.

— Эй! — вспомнил вдруг Гуффин. — Мы ведь тоже неприятные типы, забыл? Хватит трястись от страха!

— Это холод, а не страх, — дрожащим голосом ответил приятель. — Что, не видно?

— Как скажешь, — безразлично ответил Гуффин. — Ну что, пойдём?

— Уйдём? — с надеждой «недослышав», уточнил Фортт.

— Нет, пойдём.

И они пошли...

Фортт хорошо знал Гуффина и понимал, что его решимость была столь же искусственной и напускной, как румянец на щеках танцовщицы из кабаре «Тутти-Бланш». Румянец девушки мгновенно покрылся грязью с подошвы башмака Манеры Улыбаться, когда тот наступил ей на лицо. Наполовину утонувший в луже старый плакат погрузился глубже.

В самом переулке Фейр было еще более мерзко, чем казалось с улицы Бремроук.

Пустое Место и Манера Улыбаться попали на задворки некогда популярного, но уже давно стоявшего покинутым кабаре «Тутти-Бланш». Ныне здесь все окна были задрапированы вовсе не бархатом, а гнилыми досками. Над дверью черного хода висел старый фонарь — пурпурные стекла плафона были разбиты и остатки их торчали кривыми

зубами. Когда-то у этой двери дежурил черный (как и сам ход) великан Грог, привезенный хозяевами заведения из жарких стран. Рядом располагалась ниша, заклеенная выцветшими афишами, — в ней между своими номерами некогда курили танцовщицы и певицы, но теперь, прислонившись к стене, в грязи сидел сломанный деревянный манекен.

Землю в переулке покрывал толстый ковер опавших листьев, в котором проглядывал сметенный сюда с Бремроук мусор: ржавые консервные банки, клочки газет, труп кошки.

Пустое Место стучал зубами от... холода, а Манера Улыбаться что-то легкомысленно насвистывал, пытаясь не выдать, что ему также не по себе. Как говорил тот, кто послал их сюда: «Шут трусоват, трус шутоват»...

Фортт и Гуффин, вроде как, были в переулке одни, но при этом в кучах листьев у стен то и дело что-то шевелилось.

— Мне здесь не нравится, — негромко сказал Фортт, стараясь не обращать внимания на это шевеление и насильно приписывая его проделкам ветра.

— Да уж, дыра дырой, — согласился Гуффин. — Наш тупичок поуютнее будет. А здесь все насквозь провоняло дурными временами. Когда-то переулок Фейр был полон жизни: в нем звучал смех красоток из «Тутти-Бланш», вон за той дверью располагалась винная лавка, в которой продавался чудесный «Искринн», а вон там, — он ткнул пальцем в сторону темнеющей вывески над очередной заколоченной дверью, — книжный магазинчик «Лисица в очках». А эти огоньки, — Гуффин дернул головой, указывая на развешанные над переулком и раскачивающиеся на ветру разбитые лампочки на тонкой проволоке, — вели к... — он вдруг замолчал и сплюнул в грязь. — А теперь здесь сыро, как в колодце, развелись крысы и гремлины. Еще и лужи прячутся под листьями — чтобы уж точно промочить пятки, подхватить простуду и умереть. Да и коряги какие-то под ногами... Да чтоб тебя!

Едва упомянув коряги, Гуффин споткнулся и, едва не растянувшись на земле, лишь чудом удержал равновесие.

Выругавшись и наделив корягу парочкой проклятий, Манера Улыбаться спохватился и, испуганно оглядевшись по сторонам, продолжил путь, не оборачиваясь. А зря. Куча листьев, которую он зацепил, немного поредела, и то, что оголилось под ней, определенно, не было корягой...

— Он нас ждет? — спросил Фортт.

— Надеюсь, не ждет, — пробурчал Манера Улыбаться, — иначе может что-нибудь придумать, чтобы вывернуться. С его-то четырьмя мерзкими ручонками проделать это будет проще простого. Нет уж, мы застанем его врасплох и возьмем на горячем... гм... в смысле, тепленьким.

— Но если он все же вывернется, — уточнил Фортт осторожно, — что мы скажем Брекенбоку?

И мысленно добавил: «Что я скажу Брекенбоку?»

— Он не вывернется, Пустое Место, поэтому мы ничего не скажем Брекенбоку. Мы просто вернемся в «Балаганчик», отдадим Брекенбоку выбитый у этого хмыря четырехрукого долг, получим дополнительную порцию похлебки за труды и отправимся спать.

Фортт покивал, но все же уточнил:

— Ты вообще уверен, что он там? — Манера Улыбаться пожевал губами — так он выказывал абсолютную уверенность, и Пустое Место продолжил: — Должно быть, после закрытия «Тутти-Бланш» дела у него основательно ухудшились.

— Именно поэтому он и наделал долгов, полагаю, — сказал Гуффин. — Именно поэтому мы здесь.

— Именно поэтому мы здесь, — повторил Фортт, словно эхо.

— Эй, ты словно эхо, Пустое Место! — воскликнул Гуффин. — А ну, прекрати, и без тебя здесь хватает мерзостей. Мерзость!

— И без тебя здесь хватает мерзостей... — раздался сбоку голос-эхо, но на этот раз говорил вовсе не Фортт.

— Ты что, меня не понял?! — Гуффин был уже в ярости — он просто ненавидел эхо.

— Это не я! — возмущенно ответил Фортт. — Это оттуда раздалось! — он ткнул рукой, указывая на дверной проем.

Пустое место и Манера Улыбаться заглянули в темный подъезд и увидели высокую фигуру, прислонившуюся к лестничным перилам, огонек папиретки и облако красно-желтого дыма.

«“Осенний табак”, — подумал Фортт. — Его курят самые отъявленные негодяи, а еще Брекенбок. Или вернее такие же отъявленные негодяи, как Брекенбок...»

Гуффин между тем сжал кулаки в глубоких карманах пальто — открыто сжать кулаки он не решался. Шут действительно был трусоват, а дерзко и вызывающе он себя вел далеко не со всеми, да и то временами.

Что происходило сейчас в его голове, Фортт не знал, но предполагал, что там в эти самые мгновения копошатся какие-нибудь исключительно гаденькие мысли. Что ж, он был прав.

Прижимая локтем к боку любимый зонт, Манера Улыбаться жалел, что у него при себе нет ничего лучше этого зонта, чтобы защититься, вздумай незнакомец докурить, выпрыгнуть из подворотни и напасть. При Гуффине была лишь неудачная шутка... вот только подобное оружие, к его глубочайшему сожалению, брало не всех — лишь людей с утонченным чувством юмора. В принципе еще можно было бы прикрыться Пустым Местом и дать деру, ну, или грязно обругать незнакомца. Хотя грязные ругательства и так присутствовали во всех сценариях развития событий.

«И вообще, — подумал Гуффин. — Здесь ведь никого не должно быть...»

Незнакомец между тем бросаться на них, видимо, не собирался — судя по всему, парочка шутов его и вовсе не заботила, и они решили отплатить ему взаимностью — не останавливаясь, прошли мимо и вскоре и думать о нем забыли.

Фортт вернулся к прерванному разговору:

— Но это ведь очень старый долг, что если он о нем и вовсе забыл?

— У меня полные карманы пилюль от провалов в памяти.

— Ты что, аптеку ограбил?

— Это же образно! — утомленно вздохнул Гуффин. — Как можно было не понять, Пустое Место?

— Ну, кто тебя знает... — проворчал Фортт. — А что мы будем делать, если он откажется возвращать денежки?

Гуффин покосился на друга так, что тот даже вздрогнул.

— Уж поверь мне, у меня найдется парочка весьма замысловатых способов заставить его раскошелиться.

— Да-да, видимо, у тебя еще и полные карманы пилюль от жадности, — сказал Фортт и добавил: — А если у него попросту нет денег? Сумма-то немаленькая. Ты же сам говорил,

что дела у него идут в последнее время не то чтобы хорошо.

— У кукольников всегда что-то припрятано — на дне сундучка со старыми игрушками, — заявил Гуффин. — Да и вообще, у меня хорошее предчувствие. Такое же предчувствие у меня в последний раз было перед тем, как мне достался поцелуй от Красотки Бэлли из «Трех Чулок».

— Она подарила тебе поцелуй? — Фортт от удивления даже присвистнул: Красотка Бэлли считалась самой неприступной дамочкой из тех, кто танцует на сцене у мадам Велюрр.

— Подарила? — приподнял бровь Гуффин. — Разве я что-то говорил о подарке? Я украл поцелуй! Не пропадать же хорошему предчувствию.

Фортт представил, как именно Гуффин похищает у девушки поцелуй, и его едва не стошнило.

Хотя долго об этом думать ему не пришлось. Совершенно неожиданно Пустому Месту представился новый повод для тошноты.

— О! — воскликнул он. — Труп!

— О. Труп, — повторил Гуффин равнодушно. — Подумаешь... Что, мы раньше трупов не видали? Удивил. Сейчас ведь осень — самая трупная пора.

В переулке действительно был труп. Труп не лежал, не сидел и даже не стоял. Он висел. Был подвешен за петлю, обвязанную вокруг горла, — свисал с карниза, как фонарь на кованой опоре. На трупе были старый фрак, черные штаны и забрызганные грязью туфли. На голове у него сидела съехавшая набок двуголка с поникшим пером, лицо скрывала белая маска с длинным носом. Алый шарф дополнял петлю и свисал до самой земли.

Пустое Место и Манера Улыбаться остановились в нескольких шагах от висельника.

Гуффин зевнул от скуки, словно и правда ничего особенного здесь не было, а Фортт уставился на покойника и тяжело задышал.

— Это не просто труп! — потрясенно прошептал он. — Это наш труп!

— Что значит «наш»? — с безразличием спросил Гуффин, перетаптываясь на месте от нетерпения. — Наши трупы, к счастью, еще никакие не трупы. Уж поверь, я бы заметил.

— Да я не о том, — оборвал его Фортт. — Это же тот хмырь, к которому мы идем! Понимаешь? Его труп.

— То есть уже не наш? — уточнил Гуффин.

— Ты можешь быть серьезным? — Фортт уже порядочно злился: его друг был совершенно невыносим.

— Я не собираюсь быть серьезным, — резко ответил Гуффин, — потому что это не кукольник.

— С чего ты взял? Он ведь в маске. Да и многих ты знаешь, у кого есть четыре руки?

У висельника действительно имелось в наличии на две верхние конечности больше, чем у остальных людей, — для лишних рук во фраке также были предусмотрены рукава.

Гуффин закатил глаза и тут же начал разъяснять Пустому Месту, словно малому ребенку:

— Талли Брекенбок не читал в газетах некрологов о скоропостижной кончине кукольника, иначе не послал бы нас к нему за долгом. Погляди на беднягу — этот уже все отдал.

— Верно, — не стал спорить Фортт, — Брекенбок не посылал бы нас. Но может, это свежий труп, а в газетах просто еще ничего нет?

— Чтобы в «Габенской Крысе» или «Сплетне» не было ничего о трупe кукольника? — Гуффин глянул на приятеля с сомнением. — Да они бы все знали еще до того, как он испустил последний вздох. К тому же почему он висит именно здесь, а не в лавке? Там же должно быть достаточно места. Здесь как-то холодно и неудобно... Лично я бы не хотел...

Фортт покачал головой — доводы друга не просто не убеждали, они представляли собой какой-то совершеннейший абсурд. Неужели Гуффин хоть на миг всерьез полагал, будто он, Джейкоб Фортт, не узнает кукольника? Да он ведь запомнил его именно таким, разве что ноги этого несчастного тогда твердо стояли на земле.

— Это точно кукольник — кто же еще! Я видел его представление в Скверном сквере. Тебе совсем не интересно, что стало с беднягой?

— Все и так понятно, — равнодушно бросил Гуффин. — Самоубийство. Сейчас ведь осень — самая самоубийственная пора. Тем более, я слышал, от портов идет меланхолическая зараза — Черная Хандра. Вдруг, он заразился, ну, и того...

— Не похоже на самоубийство. — Фортт задумчиво почесал подбородок. — Тебя ничего не смущает в этом покойнике?

Все четыре руки висельника были связаны за спиной. А в груди слева, там, где сердце, торчал нож. И все же Манера Улыбаться, видимо, ничего не смущало.

— Нет, — заявил Гуффин с показной утомленностью. — Классическое самоубийство. Хоть и весьма профессиональное. Сразу видно: навык, отточенный многочисленными попытками. Я бы вот так не смог. Просто зависть берет...

— Не смешно.

— А вот и смешно!

— Человек мертв.

— А вот и не мертв!

— Хватит, Гуффин! Этот труп красноречивее любых...

Манера Улыбаться перебил друга:

— Это вообще не труп.

— Как же не труп?

— А вот так! Это даже не человек.

— Мне надоело выслушивать всю эту че...

Гуффин зарычал, что должно было символизировать его вселенскую усталость, подошел к висельнику, поднял кулак и постучал костяшками по его животу. К удивлению Фортта, раздался звук, как будто стучали по дереву — «Тук-тук».

— Кто там? — скривившись, спросил Манера Улыбаться. — Да это же я — глупая кукла, переодетая в костюм кукольника и повешенная здесь, чтобы два неких джентльмена, явившихся за возвратом старого долга, решили, будто кукольник повесился, и ушли восвояси.

— Всего лишь кукла? — все еще не веря, спросил Фортт и, подойдя, уставился на того, кого принял за кукольника.

— Ну да. Этот пройдоха подумал, что подобная нелепая мистификация нас проведет, но я, вообще-то, куклу с первого взгляда распознаю — в какое бы тряпье она ни была одета.

Фортт нахмурился.

— Но почему ты сразу не сказал, что это кукла?

— Забавно было наблюдать, как мистер Пустое Место тут уже едва ли не флика из себя начал корчить и настоящее расследование собирался устраивать. К тому же я сразу сказал, что это не кукольник.

Фортт чувствовал себя полнейшим болваном. И хуже всего было то, что он сам выставил себя на посмешище, не поверив Гуффину.

— Может, уже пойдем? — угрюмо спросил он.

— Ну наконец, а то я уж и не наде...

Слова Манеры Улыбаться прервали самым неожиданным образом. В переулке, где-то над головами шутов, раздались пять ритмичных металлических ударов, сопровождаемых омерзительным, режущим уши скрежетом. Как будто кто-то засунул в трубу ворону и принялся бить по этой трубе железным ломом.

— Ч-что это т-такое было? — спросил Гуффин дрожащим голосом, когда все смолкло.

— Всего лишь часы. — Фортт с усилием отцепил судорожно искривленные пальцы друга от своего запястья. — Просто часы, которые пробили в одном из этих домов. Пять часов унылого серого осеннего дня. Вот наши посмеются, когда я им расскажу, как ты вцепился в меня от страха.

Гуффин еще не полностью пришел в себя, но разъяренно ослабиться ему это не помешало:

— Только попробуй! И вообще, мы уже порядочно проторчали в этом мерзком переулке. Нужно поскорее заканчивать здесь и возвращаться в Фли.

Фортт кивнул, и они двинулись дальше, вглубь переулка Фейр.

Пустое Место думал о покойнике, который оказался вовсе не покойником, и все же его не покидала мысль, что дело тут совершенно не в том, чтобы отвадить их с Гуффином. А еще его посетило неприятное ощущение: вдруг это никакая не кукла? Да, Гуффин постучал по «труп», но...

«Все-таки нужно было самому удостовериться...»

Фортту казалось, что его затылок сверлит чей-то взгляд, но шут боялся оглянуться, опасаясь увидеть, что висельник повернул к нему голову. Все-таки мама приучила его не доверять покойникам. Урок он запомнил на всю жизнь после того, как механическим голосом она со своего стула отдавала ему указания спустя неделю после собственной кончины, мастерски прикидываясь живой.

Гуффин меж тем безуспешно пытался застегнуть собственное зеленое пальто, но сделать это, учитывая то, что многие пуговицы отсутствовали, было непросто. Его зонтик при этом болтался подмышкой, как стрелка внутреннего компаса, мечущаяся между отметками *«Просто плохое настроение»* и *«Все безысходно»*.

Шуты были слишком заняты своими мрачными мыслями, чтобы обратить внимание, как потревоженная Гуффином куча листьев зашевелилась, а «коряга», за которую он зацепился, дернулась — скрюченные деревянные пальцы со скрипом сжались, словно на чьем-то невидимом горле...

Джейкоб Фортт между тем искоса глянул на Гуффина и невесело усмехнулся:

— Знаешь, — сказал он. — Я любил его представления.

— Кого? — не понял Гуффин.

— Ну, кукольника. Мама водила меня на его кукольные спектакли в Скверном сквере. Все дети из нашего квартала обожали его замечательных кукол. Как они вытанцовывали на своей маленькой сцене! А какие у них были костюмчики! А эти пьески, которые они ставили... Я помню, как испугался кукольника, увидев его в первый раз: ну, эти жуткие четыре руки, сам понимаешь... Но мама сказала, что нижние руки у него деревянные и он использует их, чтобы еще ловчее управлять марионетками. Вскоре я и сам в этом убедился.

Жаль, он давно не дает представлений...

Лицо Гуффина исказилось в злобе.

— Старый дурак. И его уродливые куклы. Его время давно ушло. И пьесы у него дурацкие были... наверное... Думаю, они только глупых детей могли восхищать.

— Ты, разве, не видел ни одного его представления?

— Не у всех были дурацкие мамочки, которые водили их на дурацкие кукольные представления.

— Это очень грустно, дружище.

Гуффин рыкнул.

— Шуты не грустят, Пустое Место! Мы ведь не эти жалкие нытики-арлекины.

Фортт ничего на это не сказал. Гуффин был прав, говоря, что время кукольника ушло. Он, разве что, не упомянул о том, что время шутов также ушло. Как и время арлекинов. Театры в Габене вообще давно были никому не нужны.

Как-то Фортт застал своего друга в сильнейшем душевном раздрае. Тот метался по фургончику и крушил все, до чего мог дотянуться. Гуффин не сказал, в чем дело, но Фортт и так все понял — еще бы, ведь он тоже прочитал в газете тот некролог: умер последний габенский арлекин. Гуффин презирал арлекинов, часто называя их «мерзкими сентиментальными плаксами», но это событие надолго выбило его из колеи: «Ушла эпоха», — только и сказал он тогда. И это тоже было очень грустно...

Пустое Место знал Манеру Улыбаться, казалось, целую вечность: они делили фургон в балаганчике, вместе репетировали роли, готовясь к какой-либо пьесе, вместе выпивали и жульничали в карты, то и дело обыгрывая прочих членов труппы. Порой дрались и выдирали друг другу волосы, но в итоге неизменно мирились. И все же Джейкоб Фортт не представлял, что творится на душе у Гуффина — тот всячески оберегал душу от любых вторжений, словно кладбищенский смотритель свою печальную вотчину от похитителей трупов.

Да и о самом Гуффине Фортт не то чтобы много знал и совершенно не представлял, чем тот занимался, прежде чем попал в балаганчик. Хотя в этом не было ничего удивительного: у всех в труппе была та, прошлая, жизнь, о которой не любили распространяться. Как говаривал сам Брекенбок: «К уличному театру прибиваются те, кого жизнь вышвырнула на улицу, иначе он не звался бы, собственно, уличным».

Ну а что касается прошлой жизни Гуффина, то в ней явно было много несчастий, и многие из этих несчастий — Фортт был уверен — именно Гуффин причинял другим. То, как он играл на сцене злодеев, не могло не восхитить и не ужаснуть. Попросту нельзя быть настолько талантливым, невозможно настолько вживаться в роли. Порой Фортту казалось, что Гуффин и вовсе ничего не играет, всегда оставаясь... собой.

И вот это шута по прозвищу «Пустое Место» беспокоило сильнее всего: сейчас, когда они были не на сцене, его друг притворялся и играл какую-то роль. В чем она заключалась, понять пока что было попросту невозможно, и оставалось надеяться, что вскоре все разъяснится.

— Кажется, мы пришли, — сказал Фортт. — После чего неуверенно добавил: — Или нет?

Пустое Место и Манера Улыбаться остановились, упершись в тупик, — путь им преграждала стена дома и единственная во всем переулке не заколоченная дверь, к которой спускались несколько ступеней. В этой двери имелось большое прямоугольное окно с

невероятно мутным стеклом, по бокам от входа располагались два больших окна, покрытые толстым слоем пыли.

— Так мы пришли? — снова спросил Фортт.

— А мне почему знать! — раздраженно ответил Гуффин. — Я никогда здесь не был.

Фортт нахмурился.

— Ты ведь сам рассказывал о том, каким этот переулок был в прошлом, — напомнил он. — Ты можешь хоть иногда не врать?

— Ты и правда хочешь, чтобы шут прекратил врать? — спросил Гуффин. — Вранье — это то, что делает шута шутком, вообще-то.

— А я думал, шута шутком делает остроумие.

— Тебя тобой делает скудоумие, — едва слышно проскрипел Гуффин.

— Что?

— Говорю: прочитай, что там написано, — шут в зеленом пальто ткнул зонтиком в вывеску над дверью.

Как и прочие вывески в этом переулке, эта представляла собой жалкое зрелище: составленная из витиеватых букв надпись когда-то была красно-золотой, но краски давно не обновляли, и она выцвела.

Подойдя чуть ближе и прищурившись, Фортт прочитал:

«Лавка игрушек мистера Гудвина».

— Это значит, что мы пришли, — сказал Манера Улыбаться. — Нам нужен кукольник Гудвин. Это «Лавка игрушек мистера Гудвина». Мы пришли по адресу...

Переглянувшись, Пустое Место и Манера Улыбаться спустились по ступеням и, замерев у двери, прислушались.

Тихо...

Гуффин повернул ручку и толкнул дверь. Было не заперто.

Колокольчик над притолокой зазвенел, оповещая хозяина лавки о появлении посетителей...

Что ж, шуты и правда пришли по адресу. И то, что они вскоре должны были найти в лавке игрушек, грозило изменить все. Откуда шутам было знать, что именно их беспечность послужит началом отсчета, который впоследствии приведет к ужасающим событиям, всеохватывающим трагедиям и невероятным внутренним переживаниям определенных личностей.

Лучше бы они остановились прямо сейчас! Лучше бы забыли обо всем и отправились туда, откуда явились! Но нет, разумеется, они не знали того, что должно было произойти. И так парочка шутов, которые явно считали себя умнее, чем они были на самом деле, попали в ловушку.

Глава 2. Книга учета клиентов

Ветер пронес несколько опавших листьев через открытую дверь.

Войдя в лавку игрушек, Пустое Место споткнулся, зацепившись за порог. Следовавший за ним Манера Улыбаться умудрился повторить его неловкость один в один, не забыв ойкнуть от неожиданности (Гуффин помнил: прежде он здесь не бывал).

Дверь за шутами закрылась, и лавка вновь погрузилась в темноту.

В тот же миг, как колокольчик угомонился, Джейкоба Фортта посетила приправленная дурным предчувствием тревожная мысль: «Не стоило! Не стоило сюда идти!»

Рядом стучал зубами вмиг растерявший всю свою былую уверенность Гуффин.

На мгновение и Пустое Место, и Манера Улыбаться словно забыли, зачем пришли. Свет почти не проникал в лавку игрушек через пыльные окна, и темнота внутри казалась живой — она будто бы шевелилась и ползла к двум незванным гостям, протягивая к ним руки с десятками длинных извивающихся пальцев на каждой.

По спине Фортта пробежал холодок: ему вдруг померещился стоящий в темном углу хозяин этого места, наблюдающий за двумя нелепо топчущимися у порога посетителями, но на деле это была лишь вешалка-стойка с висящим на ней пальто.

— Позови его! — прошептал Манера Улыбаться, вглядываясь в темноту.

— Вот сам и зови, — таким же шепотом ответил Пустое Место.

Гуффин разгневанно глянул на друга, но, видимо, смирившись, что всю работу придется делать ему самому, собрался с духом и, крепко сжав ручку зонтика (на всякий случай), воскликнул:

— Эй, Гудвин! Нас послал Талли Брекенбок!

Никто не ответил. Темнота в лавке будто бы насмеялась над шутком. И хоть Гуффин привык, что над ним кто-то постоянно насмеяется, сейчас он был не на службе и терпеть подобного не собирался! Требовалось немедленно поставить темноту на место.

— Доставай свечу! — велел шут в зеленом пальто. — Здесь недолго обо что-то споткнуться и свернуть себе шею. Не люблю собственную свернутую шею, знаешь ли.

Стянув с головы котелок, Фортт вытащил из вшитого под тулью кармашка огарок, а из-под манжеты пальто — обломок спички. Шут попытался зажечь спичку о собственную щетину, но у него ничего не вышло.

Не в силах смотреть на мучения бедной спички, Гуффин вырвал и ее, и свечу у друга из пальцев, а затем чиркнул по собственной угловатой щеке. Спичка загорелась, огонек переполз на фитиль свечи. В лавке стало чуть светлее, но бóльшая ее часть по-прежнему тонула во мраке.

Шуты огляделись.

Фортту сразу же стало не просто неудобно, а по-настоящему не по себе — несмотря на вывеску, в этом месте не было ничего, что хоть как-то связано с детьми или детством. Разве что с тем детством, когда ребенка наказывают и запирают в чулане, бьют плетью или выгоняют из дома. А все потому, что никаких игрушек здесь не наблюдалось.

Лавка выглядела покинутой. Почти все место в ней занимали покосившиеся деревянные стеллажи, на которых, видимо, прежде сидели марионетки, плюшевые медведи, резные щелкунчики и заводные автоматы, а ныне в паутине висели кверху ногами дохлые пауки.

Повсюду была пыль, на полу лежали занесенные сюда, судя по всему, еще прошлой осенью сухие листья. Пахло в лавке трухлявой, прогнившей обивкой унесенной на чердак мебели, старой обувью и ядом от гремлинов.

— Как же здесь отвратно, — сказал Фортт. — Не похоже, что в этой каморке обитает кто-то, кроме клопов.

— Пока рано судить, — ответил Гуффин. — Мы ведь только пришли.

— Даже дураку понятно, что в лавке давно никого не было и...

— Рад, что тебе понятно...

Будто не заметив шпильки, Фортт продолжил:

— ...и искать здесь кукольника так же бессмысленно, как и требовать возврат долга от того висельника в переулке.

— Ну да, — не стал спорить Манера Улыбаться и добавил со знанием дела: — Покойники раскошеляются только в том случае, если при них найден кошелек. Вряд ли в петле так уж удобно раскачиваться с карманами, набитыми денежками... а сколько там Гудвин должен? Я до стольки и считать-то не умею.

— Постой-ка, ты сказал «покойники»? — Фортт с подозрением глянул на друга. Лицо того выразило крайнюю досаду — было видно, что он не собирался этого говорить. — Там ведь, вроде как, кукла висела. Или все же нет? Ты не хочешь мне рассказать, что здесь творится на самом деле, Гуффин?

Сжав зубы, Манера Улыбаться процедил:

— Не глупи. Конечно, там была кукла. Здесь нет никакого «на самом деле». Два шута из «Балаганчика Талли Брекенбока» всего лишь пришли забрать у кукольника Гудвина старый долг. Такой вот неприятный сюжетец. Пьеска в одном действии без внезапных неожиданных поворотов и чего-то, вроде «всё не то, чем кажется». Скука смертная...

— Зря мы все же не стащили с висельника маску, — сказал Фортт, — ну, чтобы убедиться.

— Не в чем убеждаться, Пустое Место. К тому же, даже если там и висел бы настоящий кукольник Гудвин, ты бы все равно не узнал его без маски, верно?

Манера Улыбаться сейчас совсем на себя не походил: он не шутил, не склочничал, не огрызался. Он был предельно серьезен, пытаясь убедить Пустое Место в том, что все идет своим чередом и все именно то, чем кажется. И как раз это-то и было самым подозрительным.

«Пьеска в одном действии, говоришь? Я и правда словно участвую в каком-то чокнутом спектакле», — подумал он и вдруг поймал себя на мысли, что просто не переживет, если ему досталась роль того, кто должен превратиться в покойника. Все знают, что, если в самом начале спектакля появляется труп, это уж навряд ли история о любви — даже если этот труп поддельный, в чем Фортт, к слову, уже всерьез сомневался.

Гуффин между тем прекращать играть свою роль (какая бы она, эта роль, ни была) не собирался, и у Фортта попросту не осталось выбора — только подыгрывать и держать ухо востро.

«Подыгрывать я умею, — напомнил себе шут. — Я на подыгрывании не одну собаку съел! Нужно просто притворяться... и наблюдать. Каждый спектакль рано или поздно заканчивается...»

— Ладно, мы ведь и правда не можем вернуться к Брекенбоку с пустыми руками, — вздохнул Фортт.

Гуффин почти-почти улыбнулся, но вовремя спохватился и все же не изменил своей привычке.

— Вот-вот, — сказал он. — Кукольник где-то здесь. Прячется — я уверен. Боится, как бы мы из него душонку заодно не вытрясли. Нужно отыскать этого пройдоху.

Подняв свечу повыше, он первым двинулся по центральному проходу между стеллажами, который вел от двери вглубь лавки. Круг света поплыл вместе с ним.

Фортт замешкался и остался один в темноте, но тут же, вздрогнув, поспешно шагнул следом за Гуффином.

В лавке игрушек было тихо: не раздавалось ни звука, если не считать шагов незваных гостей. Шуты шли медленно, вертели головами, шурились, пытаясь разглядеть хоть что-то в темноте.

Манера Улыбаться внезапно остановился, словно в самый последний момент обнаружил открытый люк в полу. Пустое Место едва не натолкнулся на друга.

— Гм! — издал Гуффин.

— Что еще за «гм!»? — испуганно спросил Фортт. — Это он?

Гуффин покачал головой, и Фортт, выглянув из-за его спины, понял, что именно стало причиной остановки.

Центральный проход между стеллажами упирался в громоздкую стойку, на которой темнел монструозный кассовый аппарат.

Перед стойкой стояли два стула. Один из них пустовал, а на другом сидела девушка в зеленом бархатном платье и с рыжими волосами, поднятыми и собранными в прическу, похожую на луковицу, или, вернее, на огонек свечи. Девушка не шевелилась, будто спала, опустив голову на грудь.

— М-мисс? — дрогнувшим голосом позвал Фортт, но девушка никак не отреагировала. — Д-добрый вечер, мы...

— Она не слышит, — прошептал Гуффин. — И не дышит. И уж точно не спит.

Фортт попытался унять возникшую в руках от этих слов дрожь, но у него ничего не вышло.

— Она... она мертва?

— Я бы не сказал.

— Тогда что... что с ней?

Гуффин прищурился, но ничего не сказал.

Идти к сидящей неподвижно девушке в глубине темной лавки игрушек Фортту совершенно не хотелось, но Гуффин шагнул к ней, и ему не оставалось ничего иного, как последовать за ним. Голова наполнилась тревожными мыслями: «Одна... в темноте... Почему она здесь? Кто она такая? И отчего... отчего не шевелится?»

Свет от огонька свечи в руке Манеры Улыбаться медленно напоз на девушку, и Фортт затаил дыхание — ему вдруг показалось, что она сейчас поднимет голову, но незнакомка, как и до того, не подавала признаков жизни...

И тут он увидел нечто такое, что вызвало у него одновременно злость и... облегчение. Разозлился он на себя за свою мнительность и пугливость, а облегчение испытал от того, что понял: девушка в зеленом платье — не *настоящая*. Не бывает у настоящих девушек выточенных из дерева пальцев на шарнирах, лака, покрывающего «кожу», и пуговиц на месте глаз.

— Кукла! Это всего лишь кукла!

Гуффин хмыкнул.

— Само собой, кукла. А ты кого ожидал увидеть?

— Но что она здесь делает?

— Мы ведь в лавке игрушек, Пустое Место, — резонно заметил Манера Улыбаться. —

Где ей еще быть, как не здесь.

Гуффин взял пальцами куклу за подбородок и поднял ее голову. Огонек свечи вырвал из темноты узкое бледное лицо с рыжими бровями и зелеными губами. Это лицо было таким печальным, что у Фортта защемило сердце.

— Какая уродина, — буркнул Гуффин. — Фу! Мерзость!

Фортт лишь покачал головой. На самом деле, кукла была довольно красива, и все же этой красоты будто бы и вовсе не ощущалось из-за множества грубо заделанных трещинок и царапин на искусно вырезанном из дерева лице. Все это походило на следы наказаний, которые кто-то пытался скрыть.

— Она из *этих*, как думаешь? — неуверенно спросил Фортт. Гуффин глянул на него непонимающе, и он пояснил: — Ну, из живых кукол?

— Вероятно.

— А почему она тогда?..

— Наверное, кукольник ее... не знаю, выключил?

Гуффин отпустил подбородок рыжей куклы, и ее голова, качнувшись, опустилась обратно на грудь.

— Раз она здесь сидит недавно, — сказал Манера Улыбаться, — то это значит, что и Гудвин должен быть поблизости.

— С чего ты взял, что она здесь недавно? — удивился Пустое Место.

— На рыжей уродине нет пыли.

И правда: платье куклы, ее волосы и проглядывающие части деревянного тела выглядели так, будто по ним недавно как следует прошли щеткой.

— Мисс? — Фортт осторожно прикоснулся к кукольному плечу. — Вы меня слышите?

— Что ты делаешь? — спросил Гуффин.

— Пытаюсь ее... ну, включить. Может, она знает, где Гудвин. Как она включается?

— А мне почем знать? Может, ее нужно как следует стукнуть, чтобы она ожила.

Манера Улыбаться уже поднял было зонтик и замахнулся, собираясь ударить куклу, но Пустое Место остановил его:

— Не делай этого!

— Что? Почему?

Кукла выглядела совершенно несчастной и потерянной. Фортту стало ее жалко: возможно, она и представляла собой всего лишь большую игрушку, но при этом казалась беззащитной, как ребенок. К тому же она ведь была живой, а говорят, что такие куклы всё чувствуют не хуже людей.

— Зачем ее бить? Ей же будет больно... наверное...

Сказав это, он тут же понял, как глупо прозвучали его слова, и Гуффин, разумеется, тут же ожидаемо презрительно скривился.

— Эй, Пустое Место! — прошипел он. — Ты что, решил покорчить из себя добряка? Забыл, к чему приводит добрячность?

Фортт не забыл. Гуффин часто говорил, что люди делятся лишь на два типа: на добряков и злыдней. При этом он считал, что добрякам вечно не везет и с ними постоянно

приключаются беды. Ну а за примерами того, как с хорошими людьми эти самые беды приключаются, далеко ходить не нужно было: хватало открыть любой выпуск газеты. Само собой, Фортт не хотел стать одним из этих бедолаг и уже давно решил быть злым, вот только его «добрячность» постоянно вылезала не к месту, словно пух из прорех старого плюшевого мишки.

— Это же просто никчемная кукла, — продолжил Гуффин. — Кому какое дело?

— Мне есть дело.

Манера Улыбаться наделил друга хмурым взглядом.

— А может, ты в эту рыжую уродину того, втюрился?

— Что? Нет! — возмутился Фортт. — И не называй ее так!

— Она же не слышит.

— Все равно не называй ее так!

Гуффин сморщил нос, словно учуял что-то мерзкое.

— Фу ты, ну ты! Столько шума из-за какой-то дурацкой куклы. И вообще, мы бессмысленно тратим время. Может, все же поищем Гудвина? Если ты все еще помнишь о деле...

— Гудвин и денежки Брекенбока, — кивнул Фортт. — Как бы я мог забыть, спрашивается, и... и вряд ли он там.

Шут ткнул рукой, указывая на прячущуюся за стойкой невысокую дверь, которая, судя по всему, вела в задние помещения, — на ней висел большой замок.

— Если только он не умеет проходить сквозь стены, — согласился Гуффин. — Хотя кто его знает. Вот если бы меня спросили... эй, что это с тобой?

Фортт застыл. Он глядел куда-то в бок, и на нем совершенно не было лица.

Гуффин проследил за его взглядом и округлил глаза:

— Да будь я проклят!

На стене слева от стойки висела большая мрачная картина в массивной резной раме, на которой был изображен не кто иной, как хозяин лавки собственной персоной и в полный рост. Свечной огонек вырвал из темноты: фрак, четыре руки, белые перчатки, длинный алый шарф, двуголку и носатую маску.

Переглянувшись, Пустое Место и Манера Улыбаться подошли к портрету и принялись его разглядывать. Оба при этом морщились и сопели — из них вышли бы недурные галерейные критики: в искусстве шуты ничего не смыслили.

Картина была написана в весьма темных тонах — так, что создавалось ощущение, будто сам хозяин лавки стоит перед посетителями, выглядывая из окружающего его мрака. Неизвестному художнику удалось изобразить кукольника Гудвина весьма похоже. Пугающе похоже.

Гудвин из переулка Фейр вовсе не был добрым игрушечником, который любит дарить детям счастье и радость, создавая чудесных кукол. Он был таинственным и скрытным господином, от которого всегда веяло жутью. И даже когда Гудвин не надевал свой сценический костюм с двумя дополнительными руками, менее жутким он не становился. От одного взгляда на него в эти моменты в голове возникала мысль: «Любопытно, где сейчас две его другие руки? Может быть, они ползут по полу или по стене, подбираясь ко мне, чтобы вцепиться?»

И все же самым зловещим в Гудвине было то, что никто не знал, как он выглядит на самом деле, ведь кукольник никогда не снимал свою маску. Многие гадали, кто же под ней,

но эта тайна так и осталась тайной...

В последние годы о Гудвине ничего не было слышно, и Фортт думал, что тот давно умер. В любом случае Пустое Место искренне считал, что явиться к нему за долгом — идея не из лучших, и сейчас, разглядывая зловещую картину, он почувствовал, как его недоброе предчувствие переросло в уверенность: нужно убираться отсюда, пока не поздно...

И все же, как бы Фортту ни хотелось покинуть это мрачное место, он не мог просто развернуться и уйти. Шут напомнил себе: «Играй роль», — и, постучав костяшками пальцев по холсту с нарисованным хозяином лавки, позвал:

— Гудвин! Неужели ты думаешь, что можешь позволить себе вот так просто... э-э-э... как это называется?

— Окартиниться? — предположил Гуффин, ткнув пальцем в картину и нечаянно проделав в холсте дыру.

— Окочуриться, — уточнил Фортт, вспомнив висельника в переулке.

— Ой, какое плохое, некрасивое слово. Мне нравится!

Гуффин подставил глаз к проделанной дырке и начал вглядываться в нее с таким усердием, словно за холстом была вовсе не стена лавки.

— Что там? — спросил Фортт.

— Стена лавки. А на ней надпись: «*Нужно найти Гудвина, Пустое Место*». Здесь должны быть какие-нибудь следы. Может, потайной ход, или еще что...

Шуты взялись за поиски. Они исследовали один за другим все проходы между стеллажами, заглянули за старые, еденные молью портьеры на стенах, сунули носы в ящики, в которых были лишь опилки да скомканная оберточная бумага. Ни потайных ходов, ни хозяина, ни каких-либо его следов они не нашли. И это несмотря на то, что в лавке игрушек все же было нечто такое, что кому-то чуть более наблюдательному могло бы показаться странным: в этом темном, кажущимся покинутом месте имелись в наличии несколько предметов, которые весьма активно пытались, образно выражаясь, не бросаться в глаза. Если бы уже упомянутый чуть более наблюдательный, чем шуты, господин сейчас здесь присутствовал, он непременно составил бы список. И список этот выглядел бы так:

1. Среди трухлявых тростей в отделении для зонтов вешалки-стойки прячется дубинка. Она один-в-один похожа на те дубинки, которыми господа полицейские прокладывают себе дорогу к повышению по службе, стуча ими по головам прохожих. Почему она здесь? Зачем? На что она намекает?..

2. На ручке запертой двери, ведущей в задние помещения, висит нитка, а на ней — обрывок алой резинки: когда-то это был прелестный воздушный шарик. Что он делает в этом запустелом месте? Достаточно ли он неуместен здесь и сейчас, чтобы вызвать подозрение?

3. На одном из стеллажей пылятся кукольные очки. Но зачем куклам очки, если у них не может испортиться зрение? Для чего этот предмет нужен на самом деле?

4. У стены, выглядывая из-под бурого кленового листа, лежит грязный носовой платок, на уголке которого вышиты инициалы «Г.Б.». Кому он может принадлежать? Самому Гудвину? Или же кому-то другому? А если покупателей у него здесь давно не водится, то кто же в таком случае потерял этот платочек?

5. В комьях пыли внутри маятникового ящика настенных часов притаились корешки от бланков для почтовых пересылок. На них еще можно различить гербы Почтовой службы

Пыльного моря и Почты Габена. Кто, куда, кому и что пересылает?

6. Из кармана ветхого черного пальто — единственного предмета одежды на вешалке — торчит поварешка. Крайне неуместный и странный предмет для лавки игрушек. Вряд ли Гудвин замыслил сделать куклу-повара. Так что же поварешка тогда здесь делает? Украдена? Не могла же она сама появиться в этом кармане?!

Было и еще кое-что — то, что скрывалось на полу, прямо за стойкой, но шуты ни на что из перечисленного не обратили внимания. Что уж говорить о каких-то лопнувших шариках и поварешках, если их особо не заинтересовал даже замок на двери, ведущей в задние комнаты, который выглядел так, будто его нарочно повесили, чтобы скрыть за этой дверью все тайны мира.

В какой-то момент Манера Улыбаться потерял терпение и воскликнул:

— Не прячься от нас, Гудвин! Мы все знаем! Мы все понимаем! — в его голосе прозвучало деланное сочувствие. — Однажды почтовый дирижабль упал на кабаре «Тутти-Бланш», возник пожар, все сгорело, весь квартал зачах, и один несчастный кукольник оказался совсем на мели. Ему нужно было спасти семейное дело, и он пошел к своему старому (ныне покойному) другу. Без задних мыслей он взял в долг две сотни пуговичных фунтов на поддержание семейного дела. Но время шло, и задние мысли появились сами собой! Мыслишки вроде тех, что состоят из черных ходов, путей к отступлению, провалов в памяти и избегания разговоров и встреч. Ты, верно, думал, Гудвин: «Раз мой друг умер, долг можно и не платить! Какое удачное стечение обстоятельств! Зачем ему денежки? Смерть разорвала договор!» Но спешу тебя огорчить! Есть расписочка! Мистеру Талли Брекенбоку, сыну Грэхема Брекенбока, у которого ты, Гудвин, и взял в долг упомянутые двести «пуговиц», они срочно нужны! Вот прямо сейчас! Мы тут, знаешь ли, пьесу новую ставим, так что...

— Он не ответит, — сказал Фортт, когда стало очевидно, что ни в одном из углов в лавке хозяин не прячется. — Его здесь нет.

— Либо он просто хочет, чтобы мы так подумали, — упорствовал Гуффин. — Я видел на стойке какую-то тетрадку. Может, в ней что-нибудь найдется любопытненькое...

— Что еще за тетрадка? — удивился Фортт. — Ничего там не было. Думаешь, я бы не заметил ее?

— Кажется, кому-то самое время обзавестись моноклем, — хмыкнул Гуффин. — Двумя моноклями! На оба глаза.

— Может, просто очками?

— Нет двумя моноклями, потому что ты дважды слепой, как гигантский сом из канализации...

— Сома из канализации не существует, — пробурчал Фортт. — Это городская легенда...

Пустое Место и Манера Улыбаться вернулись к стойке, и у Джейкоба Фортта глаза на лоб полезли. На ней, рядом с ржавым звонком для вызова хозяина и кассовым аппаратом, и правда лежала толстая тетрадь в темно-красной кожаной обложке.

Гуффин поставил свечу рядом со звонком и потянулся было за тетрадью, но Фортт успел первым.

«Нет уж, — схватив ее, подумал он. — Хоть что-то я выясню сам — без... подсказок».

Раскрыв тетрадь, Фортт увидел на первой же странице выведенное изящным

размашистым почерком заглавие: «Книга учета клиентов».

— Что там? — с досадой и нетерпением спросил Гуффин.

— Кажется, кукольник записывал сюда сведения о проданных куклах и о тех, кто их у него заказывал, — ответил Фортт, листая тетрадь.

— Ску-у-ука!

«Может, и скука, а может, я узнаю, кто ты...»

Фортт на миг оторвался от книги учета и бросил быстрый взгляд на неподвижную куклу. И вновь ощутил иголку, кольнувшую сердце. Он ни за что не признался бы Гуффину, что чувствует, и уж тем более не сказал бы ему ни слова о том, кого ему напомнила эта кукла. А напомнила она ему почему-то девушку с соседней улицы, к которой он когда-то испытывал тайные теплые чувства и которую однажды, в тот самый день, как он наконец осмелился сообщить ей о своих чувствах, на куски разрезал трамвай.

Фортт проглотил вставший в горле ком, сжал зубы и нахмурил брови, вновь напяливая на себя костюм того, кем не являлся, и продолжил листать тетрадь с напускным равнодушием.

— Эй, Манера Улыбаться, — усмехнулся Пустое Место, ткнув пальцем в страницу, — ты только погляди на это красноречие, на этот слог! Вычеркнуто! Вычеркнуто! Все клиенты Гудвина или мертвы, или выбрали себе более... гм... более...

— Более что-то другое, — добавил Гуффин. Шут вновь склонился над куклой и принялся ее изучать, едва не возя по ней носом. На его лице при этом было написано обычное Гуффиновское отвращение. — Пустое Место, перелистай на конец... поглядим на даты...

Фортт облизнул палец и взялся листать страницы. Делал он это неаккуратно и поспешно, а зря — если бы он вник в строки, которые так легкомысленно пропускал, то узнал бы много занимательных вещей. Жизненно важных вещей. Возможно, его доверие к некоторым людям после прочитанного оказалось бы под вопросом, а чувство собственной безопасности стало бы всего лишь слабеньким, сильно переболевшим ощущением, которое окончательно развеялось бы от первого же сквозняка. Но он все листал и листал, оставаясь в полном неведении. Наконец, он нашел страницу, на которой записи обрывались.

— Ага! — воскликнул Фортт. — Одно из двух: либо кукольнику стало откровенно лень вести учет должным образом, либо учет вести было попросту не о чем! Если судить по датам, последнюю куклу у него купили, когда я еще был глупым ребенком и играл с деревянным парходиком!

— Только давай без преувеличений, — проворчал Гуффин. — Преувеличения — для дураков!

— Ладно-ладно! Когда у Гудвина купили последнюю куклу, я то ли был в пабе, то ли валялся под пабом, то ли отсыпался после паба, то ли в паб как раз собирался. Но это все равно было давненько. Не последний паб, так сказать.

— А какой? «Пустобрех»?

— До него. Еще до того, как повесился дядюшка Букки, а я поссорился с дядюшкой Джеральдом и решил больше никогда не быть добряком. Кажется, это был паб «Старая, мерзкая, злобная теща, которая мечтает придушить тебя, пока ты спишь, так что ни за что не смыкай глаз, дружок».

— Так давно? — поразился Гуффин, пристально рассматривая пуговицы на платье куклы. — Когда мы в последний раз были в «Старой, мерзкой, злобной теще, которая

мечтает придушить тебя, пока ты спишь, так что ни за что не смыкай глаз, дружок»?
Прошлой осенью? Позапрошлой?

— Где-то так. — Фортт сморщил лоб, припоминая. — Его ведь закрыли. Слышал, старая гримза таки добилась своего и задушила зятя-трактирщика подушкой. А жаль — приятное было местечко.

— Да, жаль. — Гуффин был искренен, казалось, впервые за этот вечер.

Поскребя одну из пуговиц на зеленом платье длинным нестриженным ногтем, шут хмыкнул и, оставив куклу в покое, с ловкостью одноногого однорукого горбуна забрался на стойку. А затем принялся тыкать зонтиком в кассовый аппарат, пытаясь его открыть. Древний механизм поначалу давал достойный отпор, но в итоге все же поддался... Пустота внутри разочаровала шута, но, видимо, он не сильно-то и надеялся на что-то.

Манера Улыбаться начал расхаживать по стойке, словно по мосткам над сценой, пошатываясь и маневрируя между звонком и свечой. В пыли на стойке при этом оставались следы от его ног, по полу и по потолку прыгала тень в пальто.

— Талли Брекенбок устал ждать, пока вы, мистер должник, — он вновь обратился к невидимому кукольнику, — явитесь с замечательным и прекраснодушным намерением все вернуть! Ну что же ты за персонаж такой? — добавил Гуффин оскорбленно, как будто были задеты его личные чувства. — Может, хватит уже поступать шаблонно? Брать долг и не заботиться о том, чтобы его отдать, пока парочка неприятных типов не займется в гости и не позвонит в дверь. — Для убедительности Манера Улыбаться наступил на звонок, словно на механическую педаль. — Почему просто было не вернуть денежки Талли Брекенбоку? Я не понимаю... Или ты думал, что Брекенбок забудет? Что он простит? Так вот, всем известно, что злобный шут Талли Брекенбок никогда ничего не прощает и не забывает. Разве что прощает себе жестокое обращение с актерами, а забывает он лишь нас покормить, но это ведь не относится к вашему с ним делу!

— Кукольник! — взял слово Фортт. — Ты слышишь?! Если ты не покажешься вот прямо сейчас же, мы берем дело в свои руки! А мы на руки не особо чисты! — Пустое Место положил тетрадь на стойку и для пущей наглядности ткнул вверх обе ладони — судя по их черноте, он долгое время подрабатывал на должности чужих рук, тягающих угли прямо из огня.

— Ты ведь понимаешь, что это значит, кукольник?! — добавил Гуффин.

— Мы заберем всю твою лавку! — важно заявил Фортт.

— Ну, это ты, конечно, загнул! — Манера Улыбаться глянул на Пустое Место, как на умалишенного. — Она ведь большая! Мы ее не утащим! — После чего вновь задрал голову — почему-то шутам казалось, что хозяин лавки прячется где-то над ними. — Кукольник, мы просто заберем все, что нам понравится!

Фортт поспешно согласился:

— Да, мы заберем все, что нам понравится!

— Ты забыл, что я говорил о дурацком эхо?

— Прости.

— Шуты не извиняются.

— Да. Прости...

Манера Улыбаться неодобрительно покосился на Пустое Место и продолжил угрожать пустой лавке:

— Кукольник, я не шучу! — Он топнул по стойке, поднимая пыль. — Мы заберем все,

что нам понравится! И я уже кое-что присмотрел!

— Я тоже! — добавил Фортт. — Мы думаем об одном и том же?!

Гуффин спрыгнул на пол, задев свечу и едва не смахнув в огонь всю лавку.

— Ну разумеется! — воскликнул он задиристо. — Что здесь еще брать? Давай скажем одновременно!

— Давай!

— Зеленая кукла! — сказал Гуффин.

— Звонок на стойке! — сказал Фортт.

— Что? — удивился один.

— Что? — вторил ему другой.

— Какой еще звонок? — презрительно скривился Гуффин. — Какой от него прок?

Другое дело — кукла! Она полезна!

— Полезна-бесполезна! Она же даже не живая! Ты что, не видишь? Наверное, она сломана или еще что...

— Уверен, Брекенбок что-нибудь придумает, — важно заявил Гуффин. — Говорят, его покойный папаша тоже был кукольником.

Фортт задумчиво покивал.

— Это многое объясняет. Теперь ясно, отчего он так ненавидит их братию. Но почему ты считаешь, что кукла будет полезна?

— Погляди на нее! Нет, ты погляди! — Гуффин продолжал стоять на своем при том, что никто с ним по сути и не спорил. — Рыжие волосы, мерзкое, отвратительное зеленое платье. А пуговицы!.. Ты погляди, сколько их на ней, погляди, какие они! Да за каждую такую пуговицу на Рынке-в-сером-колодце можно выручить не то что шатер, а целый фургон, а если сторговаться, то еще и клячу добавят! Каждая такая пуговица стоит пяти долгов Гудвина!

Фортт придирчиво оценил пуговицы — он в них мало что смыслил.

— Зачем Гудвину вообще тогда было занимать денежки, раз у него тут такое богатство?

— А мне почем знать, что творится в его кукольничьей голове? Может, тот, кто заказал у него куклу, — какой-то богач...

— Раз ты говоришь, что пуговички дорогие, — осторожно начал Пустое Место, — мы можем, — он перешел на шепот, — отрезать их и... оставить себе. Поделим поровну, Брекенбок ничего не узнает... Это же целое состояние!

— Ничего мы не будем себе брать! — Гуффин отвесил приятелю подзатыльник, отчего котелок последнего слетел на пол. — Если Талли Брекенбок пронюхает о том, что мы что-то от него утаили, он отрежет нам головы и поменяет их местами. Уж прости, Пустое Место, но я не хочу, чтобы твоя кочерыжка сидела на этих вот изящных плечах. Эй, ты чего? Обиделся? Выглядишь как будто у тебя селедка торчит из глотки.

Селедке в глотке у Фортта взяться, само собой, было неоткуда, но выглядел он и правда потерянным и чрезвычайно испуганным. Дело в том, что, подбирая шляпу и уже намереваясь должным образом ответить Манере Улыбаться, шут увидел такое, от чего все его внутренности мгновенно словно завязались узлом, а мурашки на спине встряхнулись и понеслись отплясывать, не дожидаясь музыки.

Из-под стойки что-то вытекало. Он машинально коснулся пальцем поверхности лужицы и со страхом понял: из-под стойки вытекала кровь.

Для него это было уж слишком: труп Гудвина, повешенный на улице, кровь в лавке... А

что, если они с Гуффином здесь не одни и где-то рядом притаился... убийца? И сейчас он слушает? Вдруг он наблюдает за ними?

Гуффин встряхнул Пустое Место за плечи и заглянул в его глаза, будто в горлышко бутылки, пытаясь определить, осталось ли что-то на дне:

— Эй! Ты там? Внутри?

— Д-да! — Фортт пришел в себя. — Я согласен! Нужно забирать куклу! Гудвин сам виноват — не объявился, ну и пропади он... — исправился, — провиси он пропадом. Берем рыжую с собой, а там уж Брекенбок сам разберется, что с ней делать: либо в камин — на растопку, либо даст ей какую-то роль в новой пьесе.

— Вот так бы сразу! — осклабился Гуффин, доставая из кармана пальто нечто скомканное, что на поверку оказалось большущим холщовым мешком, после чего повернулся к кукле: — Кто знает, может, Брекенбок даст ей не просто какую-то роль, а главную роль. Как по мне, она же идеальная Бедняжка: печальная и изможденная.

— Ты спятил, Гуффин? — Фортт решил, что ослышался. — Главную роль? Надеюсь, твои слова не дойдут до Марго: если она прознает, что ты прочил на ее роль какую-то куклу, она приколотит подкову к твоей голове.

— Думаю, ей скоро будет не до подков и каких-то ролей, — под нос себе пробурчал Гуффин.

— Что? Ты о чем?

— Ни о чем. — Манера Улыбаться склонился над куклой и зашипел так, словно она его слышала: — Эй ты, зеленая кукла! А ну, полезай в мешок! Живо! Ну же, будь хорошей девочкой! Наш славный театрик-на-колесах «Балаганчик Талли Брекенбока» ждет. Не волнуйся, с тобой, разумеется, будут плохо обращаться! Как и прочих, будить тебя будут ушатом грязной воды из-под фургона, а еще тебе не светит никакого жалования. Даже кукольного. Теперь ты собственность Талли Брекенбока, уяснила? Полезай в мешок!

— Нужно ей помочь, да побыстрее! — сказал Фортт торопливо — шут изо всех сил старался не коситься на стойку.

— А это что у нас такое?

Фортт глянул на то, во что тыкал пальцем Гуффин, и только сейчас заметил, что кукла что-то держит в руке. Это нечто было размером с грушу и походило на часовой механизм: из него торчали шестеренки, пружины и прочие детали, названия которых шут не знал.

Гуффин попытался забрать странный предмет у куклы, но у него ничего не вышло — деревянные пальцы впились в механизм, как клещи цирюльника в гнилой зуб перед тем, как его вырвать.

— Что это за гадость такая? Мы так не договаривались.

— Да оставь ты как есть, — раздраженно бросил Фортт. — Потом разберемся...

— Ну да, — согласился Манера Улыбаться. — Потом сама отдаст. Или отпилим руку — тогда и выясним, что это за штуковина такая. Никак не возьму в толк, что это...

— Эта штуковина не тикает? Значит, не бомба...

— Кукольник! — Гуффин снова задрал голову. — Гудвин! Ты слышишь?! Мы забираем эту куколку с собой! Упаковывать не нужно! — И тихим злым шепотом добавил: — Мы сами...

Шуты схватили куклу и со сноровкой, которой мог бы позавидовать и опытный похититель, засунули обладательницу зеленого платья в мешок.

Манера Улыбаться кряхтя взвалил мешок на плечо.

— Прощай, мистер болван! Ты сегодня очень сглупил. Спасибо за покупку! Может, зайдем еще!

— Мы уже можем идти? — поторопил друга Фортт, понимая, что если они не уберутся отсюда сейчас же, то рискуют сглупить именно они. — Пойдем скорее! И зачем тебе вообще мешок? Откуда он? Ты что, постоянно его с собой таскаешь?

— Ну да, — простодушно заявил Гуффин. — А вдруг пригодится?

— Пригодится? На какой такой случай?

— Например, на такой, как этот.

Пустое Место и Манера Улыбаться поспешили к выходу.

Уже у самой двери Пустое Место напоследок оглянулся. Ну и жуткое местечко!

— Чего застыл? — прошипел Гуффин. — Вперед!

Рука Фортта коснулась дверной ручки. Та скрипнула, поворачиваясь...

Это был именно тот момент, когда наивный и нелепый шут, который на самом деле не был никаким злодеем, совершил поистине злодейский поступок: для него это была всего лишь дверная ручка — откуда он мог знать, что, повернув ее, он привел в действие спусковой механизм, который запустил глобальную катастрофу.

Катастрофа проснулась и начала потягиваться. Она умоется после сна, выпьет свой кофе и выйдет на улицы. Ей лишь нужно немного времени...

Колокольчик над притолокой зазвенел, на этот раз оповещая хозяина, что неприятные личности убираются прочь.

В лавку протиснулся резкий холодный порыв ветра. Грубо растолкав своими ледяными плечами Пустое Место и Манеру Улыбаться, он пронесся по проходу к стойке и подхватил обложку книги учета клиентов. Тетрадь распахнулась на середине. По центру страницы, словно пытаясь затеряться среди других имен, стояло: «*Финн Гуффин, шут*». Как и прочие имена, это имя было вычеркнуто.

В Тремпл-Толл почти стемнело, а переулочек Фейр и вовсе утонул в сплошной кромешности, словно в небе над ним прохулился грузовой дирижабль, перевозивший чернила.

Ближайшие огни горели лишь на Бремроук: там, фыркая, тархтели самоходные экипажи, ползли кэбы, скрипели рессорами трициклы. Ползли мимо, появлялись и исчезали...

За то время, что шуты провели в лавке, переулочек будто бы стал уже, а дома по обе стороны от него, словно сделали по паре шагов друг к другу. Стена старого кабака с заколоченными окнами выглядела еще угрюмее, чем какие-то полчаса назад.

Стало холоднее. Редкая морось капала, будто нарочно, лишь за шиворот.

Пустое Место и Манера Улыбаться брели по ковру из опавших листьев. Оба шута думали о своем — в обоих случаях «свое» было мрачным и невзрачным.

Фортт дрожал от страха. И в то время, как Гуффин тащил на плече мешок, он отчаянно пытался увеличить дыру в кармане пальто при помощи ногтей — ему сейчас было жизненно необходимо сделать хотя бы глоточек каштановой настойки. Еще бы — только что он не просто покинул зловещую лавку кукольника — он, можно сказать, выжил! Столько переживаний — и все были развешаны на расхлябанных шутовских нервишках, как стиральное белье какой-нибудь матроны из квартала Странные Окна, где он жил до того, как перебрался в Фли.

Джейкоба Фортта не успокаивали ни спокойствие и беззаботность Гуффина, ни понимание того, что Гуффин не даст его в обиду, если произойдет действительно что-нибудь мерзкое. Его не утешало даже то, что они уже покинули лавку, и все ее страхи, вроде как, остались позади. На самом деле шут Пустое Место прихватил оттуда с собой нечто, что впилося в него пиявкой, повисло на нем, прикидываясь лишь частью костюма, и затаилось. Тревога... Фортту казалось, что чем дальше они отходят от лавки игрушек, тем сильнее сгущаются над ним и Гуффином тучи какой-то неявной угрозы.

Висельник в переулке. Кровь, вытекающая из-под стойки. Еще и кукла эта непонятная. Зачем Гудвин ее оставил? И кто сидел на втором стуле? (Фортт заметил, что на нем совершенно не было пыли).

Пустое Место изо всех сил пытался понять, что происходит, но в какой-то момент с горечью осознал, что, кажется, он попросту недостаточно умен для этого: шут, вроде как, почти-почти ухватывался за торчащие ниточки, но они рассыпались в пыль под его пальцами...

Сходу напрашивалась мысль: Гудвин ожидал того, кто заказал у него куклу, но вместо последнего явился убийца. Этот мрачный и безжалостный незнакомец связал кукольника, заколол его и повесил в переулке на всеобщее обозрение, словно... оставил кому-то послание!

Глядя на идущего чуть впереди приятеля, согбенного под весом мешка, Фортт поймал себя на еще одной неприятной мысли: «Не стоило нам ее брать. Не зря она сидела на том стуле в пустой лавке. Кто-то рано или поздно должен был явиться за подобным-то сокровищем, и это явно не мы. Эх, нужно было как следует изучить книгу учета клиентов! Она ведь уже была у меня в руках, и почему я ее оставил?! Может, там, на одной из страниц,

указан тот, кому предназначалась эта рыжая?!»

Пустое Место обернулся. Он чувствовал, что в этой тетрадке найдет ответы. Но вернуться туда? Ни за что! Только не сейчас! Да и Гуффину нипочем не объяснишь, зачем это было бы нужно...

Гуффин, в свою очередь, скрипел зубами, спотыкался через шаг и бубнил под нос: он обещал себе, что больше никогда и ни за что — как бы ему ни хотелось! — не станет швырять камни в уличные фонари. Сейчас, ничего не видя под ногами, он вдруг осознал, для чего уличные фонари нужны.

Весь вид Манеры Улыбаться говорил о том, что ему, как и его другу, не терпится поскорее покинуть это гнетущее место. Вот только из-за мешка ему приходилось едва волочиться. В мешке этом когда-то хранились боа и парики, которые шут украл из гримерки кабаре «Три Чулка», и уж они-то были полегче этой куклы, которая весила ничуть не легче настоящей женщины. У кого-то мог бы возникнуть здравый вопрос: «Неужели Финн Гуффин прежде таскал женщин в мешках?» — на что сам шут без лишних слов показал бы любопытствующему «чайку», грубый жест рукой, за который можно было запросто загреметь в полицейский «собачник» и который буквально означал: «Отвали!» и «Не твоего ума дело!»

— Ненавижу Тремпл-Толл! — рявкнул Гуффин, внезапно сорвавшись на ни в чем не повинном райончике.

— И я, — поддержал чуть отстающий Фортт. — А ты почему?

— В Тремпл-Толл всегда происходят странные вещи. Здесь обретаются флики, судьи, адвокаты и... зубные феи, — объяснил Манера Улыбаться. — Они на этих улочках повсюду. Вот в нашем Фли такой нечисти не водится. А еще... Саквояжня нагоняет на меня... как это называется?.. удушливость.

— Да, есть здесь что-то удушливое...

— Поскорее бы перебраться через канал и вернуться в «Балаганчик». Эх, труппа сейчас, наверное, уже собралась под кухонным навесом и под руководством мадам Бджи начинает готовить ужин...

— Ужин... слюнки текут.

— Надеюсь в этот раз она добавит побольше приправ. А то прошлая кошка была пресной...

— А вот мне она пришлась по вкусу... разваренная, мягонькая...

— Это потому что вкус у тебя дурацкий!

Гуффин ожидал, что Фортт вот-вот парирует чем-то, вроде «Мой вкус вообще-то намного вкуснее твоего», но приятель молчал, и молчание неприятно затягивалось...

Внезапно Манера Улыбаться обнаружил, что по переулку он идет один.

И тут за его спиной раздалось отвратительное пугающее бульканье.

Гуффин застыл на месте от ужаса. Перед глазами предстала картина: Фортт с перерезанным горлом, на его губах выступают кровавые пузыри, а за ним стоит высокий человек в черном с папиреткой «Осенний табак» в зубах. И он поднимает нож уже над самим Манерой Улыбаться...

Шут обернулся и недоуменно распахнул рот, не в силах поверить собственным глазам.

— Нашел время, будь ты неладен! — в ярости прошипел Гуффин.

— А что такое? — как ни в чем не бывало спросил Фортт, вытирая губы после каштановой настойки.

— Ты треклятый эгоист!

— Все шуты эгоисты, — веско подметил Пустое Место.

Гуффин на мгновение задумался.

— Хм... ты прав. Но неужели все же нельзя было подождать, пока мы не выйдем отсюда или не сядем в трамвай?

— Ты и сам был бы не прочь срочно промочить горло на моем месте, если бы бессовестно не забыл кое о чем.

— О чем? — удивился Гуффин.

Фортт тыкнул пальцем куда-то за спину Манеры Улыбаться:

— Наш труп.

Гуффин обернулся и закусил губу — у трубы водостока, возле которой еще совсем недавно в петле висел четырехрукий человек с ножом в сердце, никого не было. В переулке не осталось и намека на то, что меньше, чем полчаса назад, там кого-то раскачивал ветер.

— Так я и думал. — Гуффин вздохнул с облегчением. — Всего лишь показалось.

Фортт в гневе отшвырнул прочь пустую бутылочку из-под настойки — соприкоснувшись со стеной дома, она со звоном разбилась.

— Ты сбрендил?! Тебе не могло показаться, потому что я тоже его видел! Мы же обсуждали висельника все это время!

— Мало ли что мы там обсуждали, — легкомысленно заявил Гуффин. — Висел кто-то в петле или не висел — не все ли равно? И без повешенных здесь весьма, знаешь ли... мерзость!

Фортт сокрушенно хлопнул себя по бокам:

— Я хотел доказать тебе, что висельник — это и есть наш кукольник Гудвин, а не какая-то кукла! И куда он мог деться?

— Проклятые мародеры, — пожал плечами Гуффин.

— Или полицейские, — предположил Фортт.

— Проклятые полицейские мародеры.

Пустое Место был сбит с толку: к имевшим место странностям добавилась еще одна.

— Теперь мы ничего не узнаем, — сказал он с сожалением.

— Нужно выбираться отсюда, — бросил Гуффин и, поудобнее перехватив мешок, продолжил путь.

Фортт, ворча, последовал за ним, с подозрением оглядывая темные закоулки и заколоченные окна «Тутти-Бланш». А еще он все не мог успокоиться:

«Куда же подевался повешенный? Кто его забрал? Полиция? Нет, если бы здесь побывали флики, переулок гудел бы, как развороченный улей. Тогда кто? Сам убийца? Труп в петле вообще был посланием, или нет? Что за глупый-преглупый и совершенно непонятный спектакль?!»

Фортт поежился от холодка, пробежавшего по спине: ему вдруг показалось, что у этого непонятного спектакля было всего два зрителя и что тот еще далек от своего завершения.

«Дело дрянь, — подумал он. — Нда-а... Что бы здесь ни творилось, я так просто не позволю *им* застать меня врасплох. Я подготовлюсь... Сразу как вернемся в “Балаганчик”, прокрадусь в фургон Брекенбока и стащу у него из ящика стола ту шуковину, а потом пусть только кто-то ко мне сунется! Надо только добраться до “Балаганчика” — надеюсь, по пути ничего не произойдет...»

Удовлетворенный этой идеей, Пустое Место слегка успокоился, ведь «шуковиной из

ящика Брекенбоковского стола», о которой он подумал, был старый четырехствольный револьвер «Грамбл». С ним, шут не сомневался, он будет чувствовать себя в четыре раза храбрее (согласно количеству стволов). А четырежды храбрый трус — это дважды храбрый храбрец. Вот такая вот шутовская арифметика...

— Ты просчитался... — проскрипел Гуффин, словно прочитав мысли приятеля.

Фортт вздрогнул.

— Ты о чем?

— Я ведь тебя знаю, Пустое Место, как свои четыре пальца на левой ноге. Ты уже всю думаешь, как бы начать разыскивать висельника и корчить из себя разнюхивательного сыщика. Даже я уже понял, что здесь творится то, что не по уму простым балаганным шутам, и, если ты считаешь иначе, то ты уже просчитался. Просчитался, понял?!

— Да понял я, понял...

Фортт хотел было уточнить у друга, куда делся один палец с его ноги, как тут в их разговор вклинился еще кое-кто. А именно — старые знакомые часы в одном из домов. Они ударили внезапно и резко — в своем стиле.

Бом! — раздалось откуда-то сверху.

От неожиданности Манера Улыбаться едва не выронил мешок.

Часы отбили половину шестого унылого осеннего вечера, но случилось не только это.

В тот же миг, как ударили часы, произошло некое событие, которое, как на него ни взгляни, просто не могло быть случайностью.

Кукла в мешке дернулась и зашевелилась.

— Вы только поглядите, кто у нас проснулся! — презрительно бросил Гуффин. — А ну, хватит там копошиться, соня!

Он подкрепил слова ударом локтя. Дерганье в мешке успокоилось, ему на смену пришел всхлип, который перерос в плач.

Джейкоб Фортт попытался уверить себя, что бой часов и пробуждение куклы — просто совпадение. Шут ведь не был писателем, сочиняющим детективы, и даже не был детективом-персонажем из какой-нибудь книжки — он преспокойно мог позволить себе верить в совпадения. И все же, как Фортт ни старался, убедить себя ему ни в чем не удалось.

— Вот, кто все нам расскажет! — воскликнул он, взволнованно глядя на мешок. — Давай расспросим ее.

— Расспросим, не сомневайся. Но только не здесь. Вернемся в Фли, и уже там потребуем у нее ответы.

Фортт раскрыл было рот, чтобы начать спорить, как тут же захлопнул его. Он и не заметил, как они вышли из переулка Фейр и оказались на Бремроук. Гуффин был прав: место это для допроса куклы не выглядело слишком уж подходящим — когда хочешь получить ответы, не стоит вызывать лишние вопросы...

На Бремроук было много прохожих, ковыляющих в своей тривиальности по никому не интересным делам. Непритязательные самоходные экипажи, скрипя колесами и чихая дымом, ползли по мостовой. Едва не цепляя чердаки и птичники своим брюхом, над кварталом в сторону Набережных проплыл ржавый толстый дирижабль с полустертой надписью «Фоннир» на оболочке, оставляя за собой густой дымный след.

Пустое Место и Манера Улыбаться направились к виднеющейся вдали трамвайной станции «Бремроук-Фейр».

Фортт угрюмо глядел себе под ноги: ему казалось, что, хоть он и покинул зловещий

переулок и лавку игрушек, часть его осталась там.

Отметив выражение лица приятеля, Гуффин хмыкнул и спросил:

— Чего такой хмурый, Фортт? Мы ведь сделали дело. Скоро будем дома.

— Это верно, Гуффин, но до дома еще добраться нужно. А ты чего радуешься? Я в последний раз видел такое воодушевление на твоём лице, когда у всей труппы, кроме тебя, появилась зеленая сыпь.

— Почему я радуюсь? Хе-хе... это не радость, это злорадство. Говорят, шутам нельзя доверить ничего серьезного, но мы с тобой справились, дружище! Брекенбок не верил, что у нас выйдет. Я знаю: он полагал, что мы его подведем, когда отправлял нас в лавку игрушек...

— Я тут подумал, — взволнованно сказал Фортт, — а вдруг он взбесится из-за того, что мы украли куклу у Гудвина?

— Чепуха! Гудвин сам виноват: если бы он был в своей лавке, кукла бы осталась у него, а мы получили бы денежки, которые он должен. К тому же лавка была открыта — кто угодно мог зайти и забрать куклу.

— Но зашли мы.

— Вот именно.

Шуты приблизились к кованому навесу с часами, под которым расположились билетная тумба и два ряда жестких неудобных скамей.

Станция «Бремроук-Фейр» встретила Фортта и Гуффина шелестом газетных страниц, папиретным дымом и обсуждениями последних новостей и сплетен второй свежести: «Вы слышали? Говорят, Зубную Фею видели на площади Неми-Дрё! Это впервые после её таинственного исчезновения год назад! Подумать только!», «А вы читали о шагающем дирижабле, который приполз ночью в Габен? Мой приятель работает в доках — он клянётся, что эта громадина вылезла из Пыльного моря...», «Ту тварь, которая завелась в канале, все еще не выловили! И куда только смотрит Дом-с-синей-крышей?..»

— Твоя очередь, — приглушенно сказал Пустое Место, глянув на друга.

— И без тебя знаю, — окрысился в ответ Манера Улыбаться.

— А с мешком на плече справишься?

— Мешок мне не помеха, — процедил Гуффин. — Я и с завязанными руками справлюсь...

Шуты смешались с толпой.

Кукла в мешке, услышав людские голоса, снова начала трепыхаться, но, получив очередной тычок локтем, на некоторое время затихла.

— Ну наконец-то! — воскликнула пухлая мадам в темно-синем платье и длинной шали в тон. — Я уж думала, гремлины опять пообедали рельсами...

— В прошлый раз вагоном управлял покойник, да и тот вел его явно быстрее! — добавил хмурый джентльмен в твидовом пальто, складывая газету.

— Кажется, тетушка Пэтти все же дождетя меня к чаю, хотя я уж думал, что попаду, разве что, на ее похороны, — возмущенно прошамкал старик с глазами, глядящими в разные стороны. — С каждым годом Трамвайное ведомство работает все хуже и хуже...

Ажиотаж на станции был понятен: вдали показался трамвай, надвигающийся, как плохое настроение. Из труб валил дым, несколько фонарей светились, подобно глазам какого-то гигантского насекомого.

Будущие пассажиры поднялись на ноги, достали билеты.

Людное место и появление трамвая, который должен был отвезти Джейкоба Фортта

домой, подействовали на него ободряюще, и недавние страхи постепенно начали казаться шуту чуть ли не надуманными. Переулок, задворки кабаре «Тутти-Бланш» и лавка кукольника словно остались во вчера. А вчера — все знают — мало кого может испугать, ведь оно было... вчера. Страх отступил или, вернее, уступил место поселившимся в голове Фортта неясным мутным предчувствиям, а сам он, если представить, что все это и правда был какой-то спектакль, на время уступил место главного героя кое-кому другому.

Фортт успел лишь подумать: «А вдруг кукла все же проснулась именно от боя часов? И тогда это значит... тогда это значит... значит... ззнуазз...»

Пластинка мыслей шута на этом месте заела, словно проигрывалась на старом, расхлябанном граммофончике. Дальше то, о чем он думал, узнать не удалось бы, поскольку с этого мгновения на какое-то время он стал в этой истории лишь второстепенным героем.

На сцену вышел кое-кто другой...

...Если вернуться немного назад, примерно на пять минут, отнять парочку перебранок, несколько ругательств и совсем чуть-чуть шморганья носом, то можно снова увидеть Пустое Место и Манеру Улыбаться бредущими через переулок Фейр.

Часы пробили половину шестого, и кукла проснулась.

В первое мгновение она не поняла, что происходит.

«Где я?! — подумала кукла в отчаянии. — Темно! Тесно! Я... Меня куда-то несут!»

Она попыталась вспомнить хоть что-то, но в голове было пусто, как будто до того, как она пришла в себя, ее попросту не существовало, но... это ведь не правда!

«Сабрина...»

Имя въелось в память, словно клеймо, вытравленное выжигательной лампой. Ее звали Сабрина. Хозяин дал ей это имя, когда сделал ее...

Сабрина зашевелилась, пытаясь выбраться.

Рядом раздался чей-то злой голос, а затем ее ударили.

Сабрина заплакала. Хозяин научил ее испытывать боль и плакать. Хозяин жесток. Хозяину нравятся ее слезы — как-то он сказал, что они делают ее настоящей и похожей на... кого? Она не помнила.

Кукла неожиданно осознала, что ее пальцы что-то сжимают. Она попыталась рассмотреть, что это, но в мешке было слишком темно, и Сабрина лишь поняла, что держит какой-то... механизм, или деталь механизма, или деталь детали механизма. Она не имела ни малейшего представления, что это такое, но откуда-то знала, что это нечто очень важное. «Глядите, не потеряйте...» — всплыл в голове тихий шелестящий голос Хозяина, и, не совсем понимая, что делает, Сабрина открыла крошечную дверцу в груди, а затем спрятала внутрь себя этот странный предмет.

Поблизости звучали голоса. Два неприятных, хриплых, о чем-то спорящих незнакомых голоса. Кому же они принадлежат?

Сабрина расковыряла дыру в мешковине и сквозь нее увидела промозглый осенний вечер. Увидела улочку — даже меньше, чем улочку — какой-то темный проулок.

«Этого не может быть! — не в силах поверить своим глазам, подумала она. — Я больше не в лавке игрушек?! Я... я...»

Мысли смешались, но при этом совершенно причудливым образом в памяти возникли воспоминания...

Сабрина жила в лавке игрушек сколько себя помнила, но вот сколько именно... она как

раз и не помнила: может, год, может, все десять лет. Хозяин держал ее взаперти. Он любил мучить ее — в его беспросветной и безрадостной жизни это было последним развлечением. Он убеждал Сабрину, что никогда ее не отпустит, что не позволит ей сделать хоть шаг за порог лавки игрушек. Его старых кукол одну за другой всех раскупили — даже мерзкого Мальша Кобба. Сабрина мечтала... изо дня в день, словно сирота из приюта, грезилась о том, чтобы и ее забрали, но Хозяин убеждал «свою любимую куклу», что скорее разберет ее на части и бросит в камин, чем продаст, но... что же тогда произошло? Что изменилось?

«Хозяин передумал? Он... продал меня?!»

Выходило, что так. Все ее существо будто распалось на две части: одна — боялась поверить своему счастью — Хозяин больше не будет ее избивать, мучить и унижать, а другая... просто боялась — куклу пугала неизвестность: кто ее купил? куда ее тащат?

Сабрина попыталась разглядеть обладателей хриплых голосов. Рядом шел незнакомый мистер в коричневом пальто и котелке, у него были грустное лицо и длинный-предлинный шарф. Ей вдруг показалось, будто он заметил, что она подглядывает, и испуганно отстранилась от дыры.

Тем временем ее покупатели словно выбрались из ящика — они оказались посреди лязга, скрежета, скрипов, жужжания и фыркания. А еще здесь горел свет.

Сабрина снова прильнула к дыре в мешке и попыталась разглядеть это новое пугающее место.

Ей предстала затянутая дымом и паром улица. Вдоль нее располагались тесно жмущиеся друг к другу лавки и мастерские, цирюльни и пабы — и все со светящимися окнами и с витиеватыми вывесками.

По улице сновали прохожие. Сабрина увидела джентльменов с тростями и дам с крошечными сумочками, увидела маленьких людей (они называются — «дети»), которых старшие вели за руку, увидела странных животных на поводках, которые отчего-то были совсем не похожи на... ее охватила дрожь... любимицу Хозяина Карину.

«Собаки, — вспомнила кукла. — Эти животные зовутся собаками...»

И хоть Сабрина впервые оказалась за пределами лавки, она странным образом многое понимала, словно не раз уже бродила по этому городу, словно выросла на улице, чем-то напоминающей эту улицу. Вот только она нигде не росла, потому что никогда не рождалась. Она — просто кукла, сделанная Хозяином. И все же...

Сабрина не представляла, откуда знает, что механические рыбы с проволочными усами и жестяными плавниками в витрине лавки «Чешуя Филлипа», мимо которой шли ее покупатели, — это канальные сомы, гадкие на вкус больше, чем на вид; что некое подобие женских причесок, которые дамы укрывают от мороси под дырявыми зонтами, называется «Кур-курль» и что местные цирюльники, неумело пытаясь повторить оригинальную прическу из Старого центра, превращают своих клиенток в потрепанных крысок, прибитых к краю канавы; что паровые самоходные экипажи, ползущие по мостовой, — это «Трудсы» и «Горбины», а красный дым, который они выплевывают из труб, — это следствие сгорания химвастилки «Труффель», от которой выпадают зубы и вылезают волосы. А еще она знала, что это Тремпл-Толл, Саквояжный район Габена, а весь Тремпл-Толл — это один большой старый чулан-клоповник, и неприятности здесь могут приключиться, стоит только сделать лишний шаг с площади Неми-Дрё.

Для нее было загадкой, откуда она все это знает, если до того видела лишь переулок Фейр через окна лавки игрушек. Все казалось таким знакомым, таким *привычным*, словно

она — обычная мисс из Саквояжного района...

Сабрина была совершенно растеряна — ей вдруг показалось, что она не просто забыла себя, а что она — это не она...

Ее покупатели меж тем следовали вверх по улице и о чем-то препирались.

Сабрина прислушалась, надеясь, что из их слов поймет, что происходит...

Несмотря на свои надежды, кукла быстро поняла, что ее покупатели — вовсе не хорошие люди, к которым она мечтала попасть. Человек в коричневом пальто, вроде бы, был немного добрее — или, скорее, он казался менее злобным, в сравнении с тем, кто ее нес. Ну а тот, другой... В его тоне и словах Сабрина различила изворотливость и коварство.

А потом она поняла, что ее покупатели — шуты. Это было не просто плохо — это было по-настоящему ужасно: шуты — самые гадкие из театральных актеров, они плохо обращаются с куклами — хуже всех. Даже Хозяин отзывался о них лишь с презрением и отвращением. Шуты ломают кукол, портят, бьют их и наказывают, после чего выбрасывают на свалку или отправляют в печь. А потом приходят к Хозяину и заказывают у него новых кукол. Хозяин, без сомнения, нарочно продал ее шутам...

Эти двое (их звали Фортт и Гуффин, что следовало из несмолкающих препирательств) все время упоминали кого-то по имени «Брекенбок». Сабрине сразу не понравилось это имя. Оно пугало ее. Пугало больше, чем собственное положение, больше, чем неизвестность, даже больше, чем новая подлость Хозяина (а то, что это все какая-то его подлость, она не сомневалась). Это имя, она чувствовала, не принесет ей ничего хорошего.

— Я тут подумал, — сказал Фортт, — а вдруг он взбесится из-за того, что мы украли куклу у Гудвина?

«Что?! — поразились Сабрина. — Украли? Они меня не покупали?! Но как же...»

— Чепуха! — ответил меж тем Гуффин. — Гудвин сам виноват: если бы он был в своей лавке, кукла бы осталась у него, а мы получили бы денежки, которые он должен. К тому же лавка была открыта — кто угодно мог зайти и забрать куклу.

«Значит, Хозяина не было в лавке, и они меня похитили! — Сабрина задрожала. — Где же Хозяин? Что они задумали?!»

Ее посетила мысль позвать на помощь, но она тут же запретила себе даже думать об этом — кто знает, что шуты с ней в таком случае сделают... а если никто ей не поможет?..

Похитители (больше никакие не покупатели) Сабрины оказались на трамвайной станции. Они остановились, и кукла с тревогой принялась гадать, что же будет дальше.

Вскоре подошел трамвай, и она больше ничего не смогла разглядеть из-за подступивших вплотную людей.

Шуты, в свойственной им грубой манере, начали расталкивать всех кругом, и забрались в вагон в числе первых. Как минимум попытались.

Судя по вдруг поднявшейся волне ругательств, Гуффина, который ее нес, задел локтем кто-то из пассажиров.

Сабрина знала, что все шуты — задиры, и привычка цепляться к прочим — едва ли не ключевая часть их профессии, ну а эти двое были явно лучшими (или худшими) представителями своего племени.

— Эй, ты! — взвизгнул Гуффин в стиле оскорбленной до глубины души, истеричной примы-балерины. — Грязнуля-заморыш! Смотри, куда прешь! И вообще ты погляди на себя! Весь в грязи и листьях — небось, под скамейкой дрых! В таком виде нельзя ездить в трамваях с приличными людьми!

Что-то подсказывало Сабрине, что самого Гуффина вряд ли можно было назвать приличным человеком.

Незнакомец промолчал и, судя по всему, даже не удостоил взглядом шута.

Меж тем уже все пассажиры зашли в вагон. Двери-гармошки со скрежетом закрылись, и из медных рупоров-вещателей раздался голос: «*Следующая станция — “Пожарная Часть”*». После чего трамвай качнулся и тронулся в путь. А со станции раздавались чьи-то отдаляющиеся вопли: «Билеты! Кто-то украл мои билеты! Проклятый город!..»

В вагоне же сцена с участием трех человек и одного мешка с куклой внутри возымела продолжение:

— Эй, ты! — Склочный Гуффин явно не собирался так просто оставлять инцидент с задеванием локтем. — Грязнуля-заморыш! Да-да, ты — заморыш! Не прикидывайся, что не понял! Хватит глазеть в окно! С тобой говорят! Ты только глянь на него, Фортт! И кто это в наше-то время носит костюмы, пошитые из обивки кресел? Старухи из Сонного района?

— Оставь его, Гуффин! — прошептал распалившемуся спутнику Фортт, склонившись к самому его уху. — Я видел, у него в руках что-то блеснуло. Кажется, это был нож...

Гуффина эти слова, видимо, не на шутку испугали, и он спешно пошел на попятную: помимо склонности задирать людей, хороший шут умеет мастерски увиливать от драк, в которых не силен:

— Ладно, мистер, уж не обессудьте, — пробормотал он. — Мое трамвайное безрассудство не выдерживает никакой критики. Не стоило мне грубить — просто плохой день, понимаете? Уверен, вы не обиделись и не броситесь на меня с вашим чудесным ножичком — я же вижу, что вы выше этого, как фонарный столб — выше карлика.

Человек, к которому были обращены все эти излияния, остался все также безразличен. Должно быть, он воспринимал их лишь как назойливое жужжание где-то на грани слуха. Назойливое жужжание, в свою очередь, все не прекращалось:

— Вы это... э-э-э... и дальше смотрите себе в окно — вдруг чего-то интересного там увидите. Ну а я... я предлагаю оставить наши взаимные дразги в прошлом. Я не в обиде. Этс ведь габенский трамвай — здесь может случиться все, что угодно: толкнут, плюнут, ткнут локтем, по ногам потопчутся, в лучшем случае — присядут на коленки. Вы совершенно правы, красноречиво заявляя мне своей молчаливой спиной: хотел бы я комфорта — сел бы в аэрокэб. Прошу простить...

— Это ты уже перегнул, — сказал спутнику Фортт. — Шуты не извиняются, забыл?

— Извиняются, — хмуро ответил Гуффин. — Когда рискуют получить ножом. А чем мне ему прикажешь отвечать: глупой шуткой? дурным вкусом?

— Этому типу до тебя нет никакого дела, — заметил Фортт. — Там, в углу, есть, где присесть! Идем скорее, пока не появились старухи — эти падальщики, охотящиеся на свободные места.

Шуты поспешно уселись. Мешок Гуффин при этом поставил прямо на пол.

Трамвай трясся, как больной в судорогах, его дрожь передалась и кукле.

Сабрина увеличила дыру и увидела полутемный салон, в котором горел лишь один фонарь — да и тот был возле кабины трамвайщика. Вдоль бортов располагались грубые деревянные сиденья, занятые пассажирами.

Пассажиров в трамвае было не более дюжины. Кто-то читал газету, кто-то храпел на весь вагон, откинув голову на спину, кто-то безразлично глядел в окно, а кто-то, сгорбившись, держался за поручень с таким понурым видом, будто только того и ждал, когда

же все это, наконец, закончится: и дорога домой, и бездарная, бессмысленная жизнь в целом.

— Ничего не забыл? — спросил Фортт.

— Тебя забыл спросить! — огрызнулся Гуффин, и все же поднялся и подошел к механизму, прикрепленному к стенке вагона. Механизм был зубаст — он клацнул, едва не оттяпав шутовские пальцы. С прокомпостированными билетами Гуффин вернулся на место (даже шуты не могли позволить себе игнорировать установленные Трамвайным ведомством правила проезда и компостирования билетов — кто знает, на какой из станций может войти громила-контролер, который тут же потребует предъявить билеты, а с этими громилами лучше не связываться).

— Чего морщишься? — спросил Гуффин у своего спутника.

— Тот мистер, у которого ты украл билеты...

— Ловко я их вытащил у него из кармана, скажи?

— Да, но я не о том. С ним была маленькая девочка — наверное, его дочь.

— Вот и будет урок папочке этой соплячки впредь внимательнее следить за билетиками.

Фортт тяжело вздохнул, но ничего не сказал. Какое-то время похитители Сабрины ехали в молчании.

Вскоре трамвай замедлил свой ход возле кажущейся бесконечной стены из красного кирпича и встал.

Двери-гармошки открылись, выпустили-запустили пассажиров, голос из вещателей сообщил: «*Пожарная Часть*». Следующая станция — «*Трюмо Альберты*». После чего двери вновь закрылись, а трамвай продолжил путь по вечернему Габену.

— Этот голос, — проворчал Фортт, — с каждым разом становится все более механическим, как будто автоматон говорит, в самом деле.

— Это всего лишь помехи, — небрежно бросил в ответ Гуффин. — Будто ты не ездил на трамваях... Ладно-ладно, не косись косым взглядом — еще окосеешь. В чем-то ты, пожалуй, прав. Эти голоса из рупоров настолько отвратительны, что хочется выпрыгнуть из вагона прямо на ходу. Мерзость!

Шут пустился в рассуждения на тему трамваев, трамвайщиков, кривых рельсов и вонючей химрастопки, а затем плавно перешел к тому, что всегда мечтал сесть за трамвайные рычаги и, возможно, даже кого-нибудь переехать.

— Послушай! — едва слышно проговорил Фортт, перебив спутника, — его голос звучал взволнованно. — Это старичье что-то знает...

Упомянутым «старичьем» была парочка престарелых джентльменов в пыльных цилиндрах, которые сидели неподалеку. Они что-то бурно обсуждали.

— Ничего они не знают, — сказал Гуффин, когда понял, о ком именно речь.

— Я слышал, как один из них сказал: «кукла».

— Мало ли о какой кукле они толкуют, — Гуффин раздраженно скрипнул зубами. — Это ведь Тремпл-Толл — тут полным-полно всяких кукол...

И все же чужой разговор не оставил шутов равнодушными: подслушивать было едва ли не любимым их занятием.

Сабрина тоже заинтересовалась: быть может, те люди и правда говорят о ней? Она еще больше увеличила дыру в мешке, надеясь, что грохот трамвая заглушит треск ткани.

Говорил старик с клочковатой седой бородой. Он был так возмущен, как будто ему

одновременно наступили на мозоль, дернули за ухо и напомнили о каком-то неприятном деле, которое он пытался отложить на завтра:

— ...Нет, ну вы только подумайте! Этот город определенно сошел с ума!

— Так чтостряслось? Вы уже объясните наконец? И причем здесь кукла? — спросил престарелый джентльмен, сидевший рядом; он являлся обладателем длинных встопорщенных бакенбард.

Старик с клочковатой бородой сказал:

— Трамвай остановился на перекрестке Бремроук и Харт, и я увидел в окно прелюбопытнейшую картину. Что бы вы думали? Гляжу я и вижу, как вверх по Бремроук несется нечто странное! Нечто странное — это кукла, о которой я говорил! У нее были — вы не поверите! — четыре руки...

— Что вы говорите! — воскликнул обладатель встопорщенных бакенбард. — А с чего вы взяли, что это была именно кукла?

— Глаза-пуговицы! У нее ведь были глаза-пуговицы! Кукла мчалась по улице, грубо расталкивая прохожих, пока не оказалась на самом перекрестке. Все закончилось у фонарного столба, где со своей печью расположился продавец жареных каштанов. Не останавливаясь, кукла прыгнула прямо в печь и сгорела! Вы представляете?!

— Да, дела... — согласился собеседник. — Город и впрямь сошел с ума...

Еще какое-то время старики обсуждали странное происшествие, а потом переключились на обычные Саквояжные сплетни.

Сабрина ничего не понимала: кукла с четырьмя руками покончила с собой, запрыгнув в печь... с четырьмя руками... с четырьмя... Она замерла от посетившей ее догадки: «У Хозяина ведь тоже четыре руки! Это был он?! Хозяин мертв?! Или... нет же, он ведь никакая не кукла!»

— Что думаешь? — негромко спросил Фортт.

— Это висельник, который был в переулке, — сказал Гуффин. — Я же тебе говорил, что это не кукольник, а всего лишь кукла. А ты не верил.

— Да-да, теперь верю, — нетерпеливо ответил Фортт. — Но я не понимаю... Зачем этой кукле запрыгивать в печь?

— Не знаю. Плохой день? Сперва она попыталась повеситься — не вышло. А потом, пока мы были в лавке, завершила начатое.

— Или здесь что-то другое.

— Что другое?

— Может, кукла пыталась замести следы?

— Следы чего?

— Не знаю. Кукла ведь была без маски, так? Куда делась маска?

— Потерялась? Сломалась? Вышла из моды?

— Допустим. — Фортт заелозил на сиденье. — Но все равно это странно. Предположим, что кукольник зачем-то сделал куклу... гм... себя, но... где он сам?

— Спрятался? Сбежал? Отправился на обед?

В разговор вдруг кто-то вмешался. Сабрина его не видела, но этот новый вкрадчивый голос испугал ее — мягкий, едва слышный, так мог бы говорить *внутренний* голос — голос в голове:

— Или кто-то помог ему исчезнуть?

— Что значит исчезнуть? Вроде как, испариться? — задумчиво пробормотал Фортт, не

заметив появления в беседе третьего участника и, видимо, решив, что говорил Гуффин. — Но кто может заставить человека взять и испариться? Салонный маг какой-нибудь?

Незнакомец тихо уточнил:

— Не нужно быть салонным магом, чтобы помочь человеку испариться...

Сабрина попыталась подвинуться так, чтобы дыра в мешке оказалась напротив незнакомца. Гуффин заметил дерганья куклы и пнул ее каблуком, отчего та приглушенно охнула. И все же затея Сабрины удалась: она увидела говорившего. В темном углу, куда не доставал свет трамвайного фонаря, сидел джентльмен в черном костюме и в цилиндре. Его лицо невозможно было разглядеть, оно будто бы скрывалось за дымчатой завесой. На коленях у незнакомца стоял черный кожаный саквояж.

Кукла задрожала — она поняла, что, о чем бы ни говорили ее покупатели, этот человек неспроста встрял в разговор и, что самое пугающее, неспроста едет сейчас здесь. А оба шута доказали, насколько они на самом деле бестолковы, поскольку продолжали беседу, как ни в чем не бывало.

— А мне нравится твоя идея с салонным магом, Пустое Место, — сказал Гуффин. — Это бы все объяснило! Фокусами и особенно магией всегда можно все легко объяснить! Даже самое странное! Даже самое... необъяснимое! Чудесные спасения, неожиданные появления, пугающие исчезновения, а также всяческие сюжетные неувязки! Обожаю магию! А знаешь что? Может, в переулке Фейр был не просто салонный фокусник! А маг-месмерист! Он взял и профессионально нас загипнотизировал. Я слышал о подобном! Я видел подобное! Я и сам делал подобное... Ну, в смысле, однажды пытался повторить, только у меня ничего не вышло. Трактирщик не поверил, что я уже заплатил, выгнал меня на улицу под дождь и добавил еще кочергой по ребрам.

В вагоне вдруг раздался скрежет и скрип, будто трамвай поглотила стая ворон, и вороны эти попытались вцепиться в его стенки и крышу когтями, оторвать от рельсов, поднять в воздух, а затем утащить в небо. Но на самом деле это всего лишь голые ветви парковых деревьев, растущих вплотную к трамвайной линии, царапали вагон.

«Станция “Трюмо Альберты”», — сообщил голос из вещателей. Трамвай остановился, с минуту пробыл на станции, после чего раздалось: «Следующая станция — “Мост Ржавых Скрепок”», и вагон снова двинулся путь.

Разговор продолжался:

— Да, наличие месмериста все бы объяснило, — сказал Фортт. — Какой-то заезжий салонный маг развлекается на досуге. Ввел нас в...

— Сомнамбулическое оцепенение! — закончил Гуффин без единой запинки и с такой гордостью в голосе, будто всю жизнь готовился произнести эту фразу. — И мы стали как лунатики. А затем этот коварный магнетизёриска натолковал нам в уши, что повсюду жуткие дела творятся, какие-то висельники скрипят на веревках и тому подобную мистическую чушь. Может, этот маг вообще был подослан кукольным, чтобы нас отвадить. А что? Все сходится! Точно: нас за... эм-м-м... заразумотуманили!

Незнакомца в черном подобный вывод явно не устроил, и Сабрину посетило ощущение, что он пытается подвести к чему-то шутов:

— Или же все это просто домыслы, — сказал этот человек своим мягким уговаривающим голосом. — Как можно верить в подобную чепуху? Какой-то гипноз! Неглупые господа в такое не верят...

— Ну да, а мы же неглупые, — согласился Гуффин. — Месмеризм — это слишком

надуманно. К тому же месмерист — очень редкий зверь в Габене! Последний, о котором я слышал, так и вовсе в психушке деньки коротает.

— И вообще, мы бы знали, если бы столкнулись с месмеристом, — добавил Фортт. — Нас бы шатало и мигренило, и повсюду были бы слюни. Да и вообще, я думаю, кукольник Гудвин исполнил трюк с исчезновением без помощи какого-то магнетизёра. Но знаешь, Манера Улыбаться, мне кажется, что... — он вдруг замолк, словно боялся продолжать.

— Что? — мягко «подтолкнул» его незнакомец.

— Что тайна пустой лавки игрушек — это часть чего-то большего: более темной и мрачной тайны. Боюсь, мы без спроса заглянули в замочную скважину и увидели то, что не должны были видеть. Исчезновение кукольника, странные и жуткие вещи в переулке Фейр и в самой лавке... Уверен, эта кукла связана со всем, что здесь происходит. Все это очень подозрительно...

— Пронзительно подозрительно, — со скукой в голосе пробормотал Гуффин, а незнакомец уточнил:

— Какая кукла? Которая запрыгнула в печь?

— Та, которая в мешке, — ответил Фортт машинально.

И тут Гуффин вздрогнул, ткнул спутника локтем в бок и заодно пнул мешок каблуком:

— Это вообще-то личное, — сказал он грубо.

Оба шута в тот же миг словно впервые заметили незнакомца. Они стали серьезными и разозлились. Особенно Гуффин.

— Эй вы! — с вызовом бросил Гуффин. — Мистер в цилиндре! Вас что, манерам крысы в подворотне обучали? Кто позволил влезать в беседу почтенных — мы такие! — джентльменов?! Вообще-то, мы тут обсуждаем тайные дела, не предназначенные для чужих ушей!

— Оставь его! — прошептал Фортт дрожащим голосом. — У него в руках что-то блеснуло. Кажется, это был револьвер. Я слышал щелчок. Думаю, это взведенный курок...

Гуффин чуть подался назад и застыл.

Сабрина знала, что многие люди боятся щекотки, и уже поняла, что этот тип склонен сразу же терять всю свою злобу и спесь, когда дело доходит до того, что кто-то грозитя пощекотать его шкуру.

И то правда: в темных трамваях Саквояжного района можно было встретить кого угодно. И среди «кого угодно» частенько попадались те, кому не стоило грубить, кто попросту не понимал шуток. Между тем склочный характер неизменно служил шуту плохую службу, встречал ли он покрытого шрамами бандита, пьяного моряка или полоумную старуху, которая считала, что он решил покуситься на ее облезлую кошку, и которая повсюду таскала с собой припрятанный под шалью шестиствольный «Барнум».

Испугавшись уже второй раз за одну только эту поездку, Гуффин снова пошел на попятную — судя по всему, быть застреленным в грязном вонючем вагоне в его планы не входило:

— Э-э-э... ладно, мистер, — сказал он, — уж не обессудьте. Не хотел вас обидеть. Я давно не был в Саквояжне — уже забыл, как здесь любят встревать в чужие разговоры. Местным только дай повод — захотят обсудить с тобой политику, полицию, петицию, позицию и прочую «Констанцию». Какую еще «Констанцию»? Ну аудиодраму, которую крутят по радиофорам. В общем, прошу простить...

Незнакомец добродушно вернул курок на место и спрятал револьвер:

— Ну это вы уже перегнули. Шуты не извиняются, забыли?

— Эй, это моя фраза, мистер похититель чужих реплик! — возмущенно вскинулся

Фортт. — В театре, знаете ли, таких не любят.

— О, так вы из театра? Небось, из «Эксклюзиона»?

Шуты, не стовариваясь, выдали:

— Фу-у-у!

А Гуффин добавил:

— Вы, видимо, хотели нас оскорбить? Чтобы мы играли в этом тошнотворном и гадком «Эксклюзионе»? Нет уж, ни за что!

— Прошу прощения... — Незнакомец примирительно поднял руки в черных перчатках. — И еще за то, что так бесцеремонно влез в вашу беседу. Хотя, признаюсь, она меня весьма заинтересовала. Куклы, ну вы понимаете... Говорите, вы давно не были в Тремпл-Толл, почтенный? Полагаю, у вас здесь какие-то дела... гм... связанные с театром?

— Мы ставим новую пьесу... — начал было Фортт, но Гуффин на него шикнул.

— Что за интерес такой? — осторожно спросил шут. — Наши дела вас не касаются.

— Разумеется. Это просто праздное любопытство, ну и профессиональный, так сказать, интерес.

— А какова, позвольте узнать, эта ваша профессия? — спросил Гуффин.

— В этом нет тайны, — ответил незнакомец. — Я — профессиональный...

Договорить ему не удалось. Трамвай дернулся, как летучая мышь, которой металлической трубой врезали в брюхо, и резко остановился. Половина пассажиров при этом едва не попадала, другая половина даже не проснулась. Кто-то воскликнул: «Эй, почему встали?! Уголь вышел?»

Дверь кабины со скрипом открылась, и на пороге возник тучный водитель в бордовой форме и в фуражке; на мундире слева висела бляха, на которой значились какие-то цифры и буквенное сочетание «хм».

Сабрина откуда-то знала, что «хм» — это сокращение от «худший маршрут». В действительности все так и было: трамвай задевал Старый центр лишь краешком, но при этом едва ли не четверть его маршрута пролегла через тущобы Фли, Блошиного района, — по сути, это и вовсе был единственный городской транспорт, который еще заезжал туда.

Трамвайщик стоял, чуть покачиваясь. Козырек его фуражки отбрасывал тень на лицо, отчего глаз было не видеть. В руках он сжимал ключ для путей.

Какими-то дергаными, неестественными движениями толстяк дернул рычаг на панели у выхода, и передние двери со скрежетом раздвинулись. Покачиваясь, он спустился в темноту улицы, а затем раздался металлический лязг — перевели стрелку.

Вскоре трамвайщик вернулся в свою кабину. Двери закрылись, трамвай продолжил путь. Из рупоров вещателей раздался механический голос:

«Вагон маршрута “Почтовая площадь — Блошиный Район” в Блошиный район не идет — мост Ржавых Скрепок сломан. Вагон следует вдоль парка Элмз, идет на круг и возвращается в Старый центр».

— Проклятье! — выдохнул Фортт.

— Что такое? — спросил Гуффин. — Я прослушал...

— Единственный мост через канал сломан, — пояснил Фортт. — Мы не вернемся в «Балаганчик» к указанному времени. Брекенбок будет в ярости.

До Сабрины донесся едва слышный скрип — это карандаш скрипел по листку блокнота

в руках у незнакомца. Сабрина не видела, что он пишет. Как бы она испугалась, если бы узнала, что он выводит в блокноте: «Балаганчик... Брекенбок».

— Ох и устроит же он нам разнос, — продолжал сокрушаться Фортт. — И еще неизвестно как он отреагирует на эту куклу. С него станется сказать: «Эй вы, Пустое Место и Манера Улыбаться! Где мои две сотни фунтов? Зачем мне какое-то рыжее полено? Вы забрали куклу без спроса, то есть похитили, а флики и так за мной пристально наблюдают — не хватало еще из-за нее попасть в неприятности!»

— И что ты предлагаешь? Отправиться обратно и снова усадить куклу на ее стульчик в лавке? — Гуффин, казалось, уже устал спорить. — Мы должны были вернуться в «Балаганчик» не позднее шести. Если бы проклятый трамвай не собрался сворачивать, то мы бы успели вовремя. Мы тут не виноваты.

— То, что это не наша вина, не помешает Брекенбоку нас наказать... — хмуро сказал Фортт.

— Не переживай: я знаю, как нам перебраться через канал, — уверил его Гуффин. — У меня есть один... гхм... хороший знакомый, и он нам поможет. Надеюсь. Только бы вспомнить его имя и где он живет. И не волнуйся из-за куклы... Когда мы доставим ее Брекенбоку, мы, считай, свое дело сделали. Как говорил мой сержант на войне: «Не стоит переживать раньше времени, червяк! Не пытайся быть быстрее пули».

— Но ты ведь никогда не был на войне и не знаком с сержантами!

— Зато я прекрасно разбираюсь в переживаниях, — пробормотал Гуффин задумчиво, словно погрузившись в воспоминания.

Шуты замолчали: несмотря на слова Гуффина, оба явно переживали из-за опоздания. Незнакомец что-то строчил у себя в блокноте. Дописав, он спрятал огрызок карандаша в портсигар, и тот добавился к нескольким папиреткам с витиеватой надписью на каждой: «Осенний табак».

А трамвай, словно игрушка на ниточке, тем временем полз по рельсам вдоль парка Элмз. За его рычагами сидел толстяк в бордовой форме — он отрывистыми, ломаными движениями управлял тягой и торможением, незряче уставившись в огромное окно с треснутым стеклом. На его жетоне, прицепленной к мундиру, значилось: «432-хм», что напоминало вовсе не номер, а будто бы оканчивающийся обратный отсчет и чью-то зловещую усмешку.

Глава 4. Продавец воздушных шаров

Кукла тряслась в мешке. На этот раз не от страха — просто сам мешок трясся. А все из-за того, что кое-кто постоянно спотыкался.

Пустое Место и Манера Улыбаться брели по сонной улице Слив вдоль заросшей плющом ржавой парковой ограды, отстукивая стоптанными каблуками по камням выщербленной мостовой.

Сабрина пыталась подглядывать в дыру в мешке, но почти ничего видно не было. Улица тонула в вечерней дымке, фонари в парке Элмз не горели, да и сам парк походил на огромный спутанный ком черных ниток. Кое-где едва теплились окна выходящих на Элмз домов, то и дело тряслись трубы пневмопочты, по которым от квартиры к квартире сновали капсулы с посланиями. Ветер доносил до шутов и похищенной ими куклы крики чаек — в трех кварталах восточнее проходила граница между Саквояжным и Блошиным районами — Брилли-Моу, иначе Грязный канал или Подметка.

— Ты так и не сказал, — нарушил молчание Фортт, перепрыгивая лужу, — куда мы идем и кого ищем.

Шут уже порядком замерз: ветер буйствовал, словно забыл принять свои лекарства. Котелок на голове Пустого Места держался лишь чудом, где «чудо» — это рука самого Фортта. Шарф был не так ловок, как его хозяин: одним концом он цеплял листья с мостовой, а другим впитывал все лужи.

Гуффин не ответил. Пустому Месту это очень не понравилось: когда Манера Улыбаться не огрызался, это значило, что он о чем-то раздумывал. А все его «раздумки», «задумки» или «придумки» редко оборачивались чем-то хорошим.

— Судя по твоему хмурому лицу, — продолжил Фортт, — ты сейчас думаешь: «Ну что за напасть с этими трамваями и так не вовремя!» или «Кажется, за нами кто-то следит!», или «Надоедливый Пустое Место, когда он уже замолчит!»

Узнать, какой вариант — верный, возможным не представлялось, поскольку делиться своими мыслями Финн Гуффин явно был не намерен. И все же он, вне всякого сомнения, выделил в словах приятеля для себя кое-что важное и нахмурился еще сильнее, отчего все его лицо превратилось в комок из складок, бровей и поджатых губ.

— Почему ты решил, будто кто-то следит? — спросил шут.

— Из трамвая с нами вышли семеро... — начал Фортт.

— Включая нас? — уточнил Гуффин.

— Нет, — раздраженно ответил Пустое Место. — Я же сказал: с нами.

— Вот именно. С нами — семеро.

— С нами девятеро, если точнее.

— С учетом куклы?

— Проклятье! — не выдержал Фортт. — Да нет же! Не перебивай! Из трамвая вышли семь человек (помимо нас и куклы). Два престарелых пыльных мешка свернули к одному из домов возле станции. Сопливый клерк в треснувших очках выронил портфель и рассыпал бумаги по всему тротуару — тебя это еще очень разозлило, помнишь? Он остался собирать их. Старуха Убийца Макэббот, которая все время, пока мы ехали, сквозь сон бормотала: «Убийца — Макэббот», доковыляла до аптеки «Горькая Пиллюля Лемони», чтобы купить

там, наверное, порошок от кошмаров или бреда. Толстуха-швея со своей корзинкой и швейной машинкой в футляре направилась к каналу через туннель Уитлби.

— Да, подозрительно...

— Что подозрительного? Я еще не перешел к сути...

— Ты подозрительно медленно переходишь к сути, — попытался выкрутиться Манера Улыбаться, но вышло плохо — даже он сам это понял, и у него начался очередной приступ злости, выраженный в яростном сопении.

— Остались двое, — сказал Фортт. — Оба — наши с тобой... гм... добрые знакомые. Первый — тот нескладный тихий мистер в грязном костюме, будто пошитом из обивки старого кресла, а второй...

— Дай угадаю, мистер Тень? Тип в цилиндре?

— Угадал.

— И куда они направились?

— Не знаю, — сокрушенно ответил Фортт с таким видом, как будто только что с треском провалил экзамен на сыщика. — Я не успел заметить. Но кто-то из этих двоих точно идет за нами. Я мельком пару раз видел тень позади.

— Так может, это и есть мистер Тень?

— Я не уверен: тот, в костюме-обивке, тоже был не слишком-то дружелюбен.

— Мне казалось, что Костюм-Обивка вылетел из трамвая еще раньше нас...

— Я не уверен.

Гуффин выглядел равнодушным — подозрения приятеля не особо его испугали. Он ответил безразличным тоном, да и то только потому, что *нужно* было что-то ответить:

— То есть перед нами стоит «веселенький» выбор: у одного проходимца — нож, у другого — револьвер! Мерзость. — Даже любимое «мерзость» Гуффина прозвучало как-то неубедительно: серо, безэмоционально и сухо.

— Ты что-то слишком спокоен, — подметил Пустое Место.

— Я знаю, что делать, — важно заявил Манера Улыбаться. — Поверь, когда мы дойдем, этот тип (кем бы он из тех двух ни был) очень пожалеет, что решил преследовать двух таких благоразумных и порядочных джентльменов, как мы... ну и эту куклу-доходягу.

— Куда дойдем?

— Хм.

Фортт обернулся. Шедшая за ними тень шмыгнула за афишную тумбу.

— Как думаешь, что этому типу от нас нужно?

— Может, он хочет просто узнать время. Ну, или ограбить нас. А может, прирезать тебя (или пристрелить).

— Почему меня?! — поразился Фортт.

— Потому что у тебя лицо жертвы, Пустое Место... хе-хе...

— Не смешно!

— Да ты не бойся: если кто-то тебя и убьет, это буду я.

— Это, конечно же, утешает, — поморщился Фортт: ох, уж этот Гуффин и его шуточки...

Где-то неподалеку раздался нарастающий гул винтов. Над парком в темном небе появилось несколько желтых огоньков, и вскоре из-за деревьев медленно выполз вонючий и дымный почтовый дирижабль. Он был ржав, точно совесть старого менялы, несколько кривых труб выкашливали темно-фиолетовые облачка дыма, а винты крутились с таким

усилием, будто их приводили в действие вручную. Почтовик летел очень низко, и с земли можно было даже различить силуэты аэропочтальонов, сидевших в рубке за штурвалами.

Шуты проводили ползущую к каналу махину подозрительными взглядами, пока та не скрылась за домами.

— Что-то зачастили они, — пробормотал Фортт. — Не к добру это. Раньше почтовики коптели небо раз в неделю — и то в лучшем случае. Но только за сегодня это уже третий. Что-то назревает. Что-то нехорошее...

Фортт впервые озвучил свои предчувствия и вдруг поймал себя на мысли, что никакие это уже не предчувствия. Этими словами он будто бы все же поставил точку и вынес некий вердикт. Подчеркнул предопределенность. И та, словно только того и ждала, ожила. А когда оживает предопределенность, в душе поселяются липкий страх, бессилие и безысходность.

— «Назревает что-то нехорошее! Читайте во всех газетах!» — проворчал Гуффин.

Дальше шуты шли молча.

Слова Гуффина навели Фортта на определенные мысли. Шут искренне жалел, что не читает газеты — так он хотя бы знал, что творится в городе и, возможно, знал бы, чего ждать. Дядюшка Филлиус всегда говорил, что, если читать газеты, можно загодя подготовиться к мрачным временам: кто-то ограбил кондитерскую — запасайся печеньем; падают в цене акции корабельной компании «Бриклоу Бригантинн» — покупаешь печенье; безумный ученый изобрел жуткую убийственную штуковину и пытается свести всех с ума — лезешь в погреб за печеньем. Да, дядюшка очень любил печенье, но суть была в другом: Джейкоб Фортт полагал, что, обладай он нужными сведениями, быть может, тогда он смог бы понять, что именно надвигается. Быть может, в газетах писали, почему почтовики зачастили, что за поломка была на мосту Ржавых Скрепок и (он вдруг вспомнил разговор сплетников со станции «Бремроук-Фейр») что это еще за шагающий дирижабль, вылезший из моря?!

«Нужно будет раздобыть свежий выпуск “Габенской Крысы”, как только вернемся в «Балаганчик», — подумал он. — Там точно должно быть что-то, что все прояснит. Ну, если не все, то хотя бы кое-что...»

— Пришли! — вырвал его из раздумий Манера Улыбаться.

Пустое Место недоуменно огляделся по сторонам. Они никуда не пришли — просто остановились посреди улицы.

Единственное, что здесь было, это вход в парк. Рядом с ним, недалеко от арки с вывеской «Элмз», горел фонарь — едва ли не единственный на всей улочке.

Под фонарным столбом кто-то стоял. Из-за раскрытой газеты не было видно лица этого господина, но Фортт с первого взгляда, понял, кто это, благодаря темно-синему мундиру, шлему с кокардой и белым форменным перчаткам.

— Нет... — испуганно прошептал он.

— Да, — с неприятным блеском в глазах ответил Гуффин.

— Ты что, спятил?

— А ты что, струсил?

— И не стыжусь этого, — сказал Фортт. — Да этот хмырь, только нас увидит, тут же схватит и потащит за решетку.

— За что?

— За решетку.

— Нет, в смысле, мы же ничего плохого не сделали...

— А их брату плевать. Он что угодно может придумать: что ему наш запах не понравился, или взгляд, или походка, или сон, в котором мы ему якобы приснились прошлой ночью. Он закует нас в кандалы и посадит в «собачник». Забыл, что стряслось с моим кузенком Джимми? Я ведь тебе рассказывал: он тоже ничего не сделал — так просто полил ограду у какого-то дома, и все! Лучше связаться со стаей голодных бешеных собак, чем с одним фликом!

На самом деле Джейкоб Фортт еще очень смягчил. Полицейские в Габене делились лишь на две категории: непроходимо тупых, неотесанных чурбанов и хитрых, коварных лисов. И те, и другие, без исключения, обладали дурным нравом и черной душой. Не зря ведь говорили: «В Саквояжне есть три беды: бедность, болезни и полиция». Пустое Место решил, что приятель решил над ним подшутить: да будь ты даже самым честным и порядочным человеком, тебе не стоит соваться к констеблю, ну а в их с Гуффином случае... у него просто не было слов.

— Этот, вроде, не из злобных, — между тем сказал Манера Улыбаться. Прищурившись, он разглядывал здоровяка у фонарного столба. — К тому же он ведь на посту стоит — вряд ли ему захочется хватать нас и тащить через полгорода в Дом-с-синей-крышей. Нужно просто подобрать правильные слова...

— Что еще за слова?

— Ну, слова для облизывания... вернее, подлизывания. Нужно просто обратиться с почтением.

— Ты не умеешь быть почтительным. Ты только рот раскроешь, он тут же пристукнет тебя дубинкой. Я не понимаю: зачем самим навлекать на себя беду?!

— Я, вообще-то, думаю навлечь беду на того типа, который за нами следит. Ну и заодно узнаю дорогу. Ты хочешь сегодня выбраться из Тремпл-Толл, или нет?

Фортт лихорадочно закачал головой.

— Если для этого нужно подходить к флику, то мне плевать — я и в парке переночую.

— Зато Брекенбоку не плевать, — напомнил Манера Улыбаться. — Он же грозился нам головы оторвать, если мы пропустим репетицию. Нужно перебраться через канал и попасть в «Балаганчик» как можно скорее. Или ты хочешь оказаться в Фли после третьего звонка?

Со стороны могло бы показаться, что речь шла о старой театральной традиции, но в данном случае к театру это не имело никакого отношения. Здесь, по эту сторону канала, мало кто знал, что в тот миг, как вечер заканчивается и начинается ночь, по всему Фли из ржавых рупоров на столбах звучат три звонка, словно оповещая всю тамошнюю шушеру, что пора выбираться из своих нор. Это напоминало сигнал кормежки в тюрьме, и после звонков на улицах Блошиного района лучше было не оставаться.

Фортт молчал. Гуффин покосился на него и продолжил:

— Вижу, что не хочешь. Поэтому я пойду и узнаю у флика дорогу.

— Ты? — с надеждой уточнил Фортт.

— Я, — кивнул Гуффин. — Я ведь хороший друг. Можешь спрятаться и подождать меня.

— Спасибо, Манера Улыбаться, — с горячностью произнес Фортт. — Ты действительно хороший друг.

— Не смей благодарить, — рявкнул Гуффин. — Шуты не благодарят.

— Прости.

— И не извиняются! Проклятье!

Не прибавив больше ни слова, Гуффин направился напрямиком к констеблю.

Фортт бросил ему вслед:

— Может, оставишь мешок мне?!

— Нет уж, я его не оставлю, — злобно процедил Манера Улыбаться.

Фортт этого уже не слышал. Пару мгновений постояв на месте в раздумьях, он сорвался с места, перебежал мостовую и спрятался в ближайшем подъезде. Почувствовав себя в относительной безопасности, шут выглянул из-за двери. Наблюдая за тем, как Гуффин топает напрямиком к фигуре, замершей у фонарного столба, он очень не вовремя вспомнил сказку про девочку Молли, которая вот так же беспечно шагала прямо в волчью пасть, и ему стало не по себе...

Пустое Место отчаянно попытался придумать, что делать, если все вдруг закончится плохо и Манеру Улыбаться схватят, но все мысли сводились лишь к одному:

«Что я скажу Брекенбоку?..»

Оставалось надеяться, что Гуффин как следует пороется в своем несносном характере и откопает там, на дне, хотя бы щепотку почтительности. Но надежды эти были зыбкими, как «Туманные конфеты Фогги», которые продавались в Фли, — Пустое Место слишком хорошо знал своего друга...

...Сабрина слушала перепалку шутов с тревогой и волнением.

Еще как только эти двое вышли из трамвая и двинулись вдоль парка, она вдруг поймала себя на том, что первый испуг — тот, который она испытала, когда пришла в себя, а затем поняла, что ее похитили, отступил. Лихорадочные мысли прекратили кавардак, поправили костюмчики и расселись по спичечным коробкам в ее голове. Нет, Сабрина не смирилась со своим положением, но где-то внутри словно разгорелась искорка. Ее утешала мысль, что рядом нет Хозяина. Мало, кто мог понять облегчение, которое она чувствовала, — лишь тот, кто знает, что это такое, когда твоя жизнь представляет собой страх без начала и без конца, когда ты вслушиваешься в каждый шорох, пытаешься понять: это ветер поскреб водосток, или ключ скрипнул в замочной скважине...

И все же она напонила себе, что эту искорку раздувать не стоит: куклы и искры — не друзья, от искры может начаться пожар, и ее волосы снова сгорят... Сабрина поймала себя на этом «снова»; к нему прицепилась уверенность в том, что в прошлый раз ее волосы загорелись не случайно — наказание... одно из бесконечных наказаний, которым подвергал ее Хозяин...

Хозяин... она почти ничего не помнила, но его забыть попросту не смогла бы, хоть и неистово этого желала. И все же Сабрина понимала, что это невозможно: вся ее прежняя жизнь связана с Хозяином. Что же случилось в лавке игрушек? Куда Хозяин исчез?..

За весь путь, что шуты проделали в шатком дребезжащем вагоне и после того, как покинули его, ничего так и не прояснилось. Единственное, Сабрина поняла, что эти двое ничего не знают ни о том, кто она, ни куда исчез ее Хозяин.

Краем уха она слушала болтовню своих похитителей и попутно пыталась подобрать ключик к собственным воспоминаниям. Трудность заключалась в том, что у нее не было ни одного ключа, а заглядывая в замочную скважину, она видела за ней лишь темноту. Темноту памяти и... темный подвал... подвал лавки игрушек и себя саму там — себя, которая сидит в центре этого подвала на стуле...

«Я вспомнила!» — обрадовалась было Сабрина, и тут ее захлестнул ужас. Но не

нынешний ужас, а старый — ужас, который она испытывала совсем недавно, сидя в том подвале. Хозяин... там был Хозяин! Он что-то говорил ей и...

И тут то, что сказал идущий рядом Фортт, будто за шиворот, вытащило ее из черного тумана не до конца оформившихся воспоминаний. Что же он сказал?! Они с Гуффином обсуждали каких-то пассажиров из трамвая и затем он упомянул... нескладного тихого мистера в грязном костюме, будто пошитом из обивки старого кресла...

«Костюм, будто пошитый из обивки старого кресла... Откуда мне это знакомо?»

Сабрина старалась изо всех сил, но никак не могла вспомнить. Она поняла лишь, что это как-то связано с подвалом лавки игрушек.

Шуты больше не упоминали обладателя странного костюма и говорили о разных непонятных вещах.

Мысли Сабрины с окутанного мраком прошлого переключились на не менее непроглядное будущее.

«Шуты... они несут меня этому Брекенбоку. Что со мной будет?»

Все говорило о том, что ничего хорошего. Впереди была лишь пугающая неизвестность. Сабрина вдруг почувствовала себя стоящей за кулисами перед занавесом, который вел на сцену. Что за ним? Глубокий бездонный провал? Скалящиеся хищными зубьями капканы? Бушующее пламя?

Она со страхом думала о том мгновении, когда шуты вернутся в «Балаганчик» и отдадут ее Брекенбоку. То, как похитители говорили об этом Брекенбоке, подсказывало, что ее нынешнее бедственно положение ни в какое сравнение не идет с тем, что ее ожидало. Сабрине отчетливо представились длинные пальцы, ломающие ее хрупкое тельце. На ум приходили пилы, сверла и каминный огонь.

«Я не могу попасть к нему в лапы! — в отчаянии думала Сабрина. — Нужно сбежать! Но вот как? Увеличить дыру в мешке и выбраться, пока я трясусь за спиной Гуффина, не выйдет... Думай! Ты что-нибудь придумаешь!»

А потом они... пришли. Фортт и Гуффин принялись спорить — речь шла о полицейском констебле, который стоял неподалеку.

«Констебли ловят злодеев, — это Сабрина знала. — Бесстрашные констебли, они приходят на помощь к тем, кто оказался в беде, спасают их, вызволяют... Добрые и честные, они — настоящие джентльмены, и ни за что не бросят несчастную, которую похитили...»

Если бы кто-то подслушал сейчас ее мысли, он бы лишь тяжело вздохнул или посоветовал бы принять лекарство в виде билета из этой гадкой дыры, в которой полицейские — вовсе не такие, как о них думала наивная кукла, видимо, почерпнувшая свои сведения из детской книжки о храбром констебле Бертроне Боне.

Впрочем, мыслей ее никто не слышал и дать совет не мог, поэтому Сабрина в мешке подобралась и сжала в волнении кулачки, не в силах поверить своему счастью и глупости шута. Гуффин не оставил мешок с ней Фортту! Он нес ее прямо к констеблю! Это ее шанс! Это возможность спастись, вырваться от этих злыдней и избежать еще худшей судьбы!

Когда до столба с констеблем оставалось всего несколько футов, Сабрина принялась вырываться и биться в мешке. И завопила, зовя на помощь:

— Помогите! Спасите! Это я! Я здесь! Меня похитили! Помогите!

Любой другой на месте Манеры Улыбаться в этот миг бросил бы мешок и бросился бы бежать, но шут в зеленом пальто даже не остановился.

— Замолчи, иначе худо будет, — в ярости прошипел он и встряхнул мешок. — Тебе

никто не поможет...

Как бы ни хотела Сабрина верить в обратное, она вдруг поняла, что Гуффин прав. Констебль никак не отреагировал на призывы о помощи и, судя по всему, даже не оторвался от чтения газеты. Подобное жестокое равнодушие убило в Сабрине любую надежду. Ее охватила безысходность, и она прекратила дергаться.

Подойдя к столбу, шут стащил со спины мешок и, поставив его на тротуар, потянулся, с хрустом разминая шею, спину и плечи. После чего сказал, напустив в голос липкого, как варенье, лизоблюдства:

— Мое нижайшее почтение, господин констебль! Добрый вечер, сэр!

— Да-да... — проскрипел в ответ полицейский, даже не подумав опускать свою газету.

— У меня возникло... кхм... затрудненьце, сэр, — продолжил Манера Улыбаться. — Дело в том, что я ищу некоего мистера Баллуни. Он часто бывает в этих местах. Вы его знаете?

Перевернув страницу, констебль отчеканил:

— Продавец воздушных шаров? Разумеется, знаю. Он весь день стоял у входа в парк, но недавно отправился домой.

— А не будете ли вы столь любезны, чтобы сказать мне, где мистер Баллуни живет?

— Пройдете через туннель Уир — за ним будет улица Пчел. Вам нужен подъезд номер восемь, квартира номер... хррм... без номера — это птичник под самой крышей.

— О, благодарю, господин констебль! — пролебезил Гуффин. — Вы мне очень помогли. Правду говорят, что доблестные констебли из Дома-с-синей-крышей — лучшие друзья тех, кто попал в затруднительное положение.

— Помогите... — едва слышно прошептала Сабрина. Нашарив край дыры в мешке, она в отчаянии выглянула наружу. — Спасите... похитили... шуты... похитили...

Полицейский, как и прежде, ничего не замечал. Зато Сабрина заметила. Что-то в этом высоченном широкоплечем человеке, скрывающим лицо за разворотом газеты, было странным. Вот только что?

Констебль перевернул последнюю страницу — газета закончилась, но он не собирался прекращать чтение — раскрыл ее заново и снова погрузился в статьи да заметки, будто запустил на граммофоне пластинку по второму кругу.

И тут Гуффин сказал такое, от чего его спутник (Пустое Место, прячущийся неподалеку и, видимо, сейчас искренне недоумевающий, как это Манера Улыбаться до сих пор не схвачен) пришел бы в еще большее недоумение:

— Он уже здесь?

— У почтового окна в туннеле Уир.

Сабрина с ужасом поняла, что констебль и шут связаны друг с другом. И тут она неожиданно осознала, что именно ей показалось странным в этом полицейском.

Нет, сам представитель закона выглядел, как обычный констебль, а все детали его формы и обмундирования соответствовали уставу Дома-с-синей-крышей: шлем, перчатки, свисток и фонарь — все на месте. Но кое-чего все же не хватало. На боку у полицейского отсутствовала дубинка — излюбленная компаньонка каждого констебля. Но вовсе не это привлекло внимание куклы.

Как и говорилось, господин в синей форме стоял на посту у фонарного столба, но дело в том, что фонарные столбы не являлись полицейскими постами в Тремпл-Толл. Хозяин часто жаловался на «пучеглазых рыб в мундирах, приклеенных к своим... тумбам...»

И то верно: полицейские посты в Саквояжном районе представляли собой темно-синие паровые тумбы с торчащими во все стороны сигнальными трубами. С этих тумб констебли связывались с Полицейской площадью или запрашивали подмогу с ближайших постов, но чаще всего из труб раздавалось понятное каждому и четкое в своей лаконичности оповещение: «Все прочь! Работает полиция!»

Что касается этого конкретного констебля и этого конкретного «поста», то полицейский совершенно точно присутствовал, а сигнальная тумба — совершенно точно нет.

«Это не настоящий констебль! — догадалась Сабрина. — Здесь готовится какое-то темное дело!»

Шут между тем продолжал:

— Также, почтенный господин констебль, — сказал он, — я считаю своим долгом сообщить вам о некоей подозрительной персоне, которая преследует меня по этой улице. Она затаилась где-то в ближайших подворотнях — выжидает. Намерения, смею вас заверить, у нее не самые добрые или, вернее, самые недобрые.

— Про-ве-рю, — пропечатал констебль, механическим жестом сложил газету, поправил тесемку шлема под подбородком и, раскачиваясь, словно он не по улице идет, а по палубе корабля, направился в сторону аптеки и трамвайной станции.

Гуффин же, дождавшись, когда полицейский растворится в темноте улицы, снова взгромоздил мешок на плечо, развернулся и пошагал туда, где его ждал Фортт.

— Ну как? — спросил Пустое Место, выбравшись из своего укрытия, когда приятель подошел. — Ты все узнал? Куда пошел этот флик?

Манера Улыбаться не ответил. Его лицо исказилось, и он сбросил мешок на землю.

Сабрина ударилась руками о камни брусчатки и взвыла от боли. Кажется, она сломала кисть. Но Гуффину этого было мало.

— Ах ты, мерзавка!

Он набросился на мешок и принялся бить его ногами и зонтиком. Кукла закричала. Она пыталась закрывать лицо руками, хоть как-то защититься, но удары проходили через них. Безжалостные башмаки топтали и пинали ее в мешке, зонтик раз за разом опускался на ее голову. Крик Сабрины заполонил улицу, но ее мучителю было все равно. Он впал в настоящее исступление, и не собирался останавливаться.

— Что... ты... делаешь? — потрясенно прошептал Джейкоб Фортт, не в силах сдвинуться с места или хоть что-то предпринять. Он ничего не понимал. В Манеру Улыбаться будто что-то вселилось...

Гуффин, ничего не замечая кругом, продолжал избивать куклу. Она кричала от боли и ужаса, ее лицо покрылось зелеными слезами, но ее крик лишь раззадоривал злобного шута.

— Думаешь, ты самая умная?! Думаешь, самая умная?!

Фортт вздрогнул и сбросил оцепенение.

— Что ты делаешь?! — закричал он. — Остановись!

Но удары не прекращались. Сабрина ощущала каждый. А еще она почувствовала, что вот-вот умрет...

Возможно, кто-то думает, что куклу нельзя убить, но он ошибается. Некоторые куклы, такие как Сабрина, нежнее и чувствительнее, чем большинство живых людей. Кукольники намеренно их такими делают, чтобы... воспитывать. Не обязательно пилить этих бедолаг пилой или тесать рубанком, если хочешь причинить им боль.

Фортт схватил Гуффина за лацканы пальто и оттащил от мешка.

— Оставь ее!

— Она пыталась выдать нас! — в ярости проревел Гуффин, вырываясь.

— Ты не должен ее бить! Не смей трогать ее, ты, проклятый злыдень!

— Что? — гаркнул Гуффин. — Ты слюняй! Я всегда знал, что ты тряпка, Пустое Место! Тебе жалко эту уродливую деревяшку?!

— Нет, — солгал Фортт. — Но ты подумай, что скажет Брекенбок, если кукла будет сломана! Хочешь, чтобы он не засчитал ее, как возврат долга? Что тогда станем делать?

Манера Улыбаться тяжело дышал. Его глаза налились кровью. Он весь взмок и, кажется, сломал зонт. О зонте он и сожалел.

Гуффин попытался дотянуться и еще раз ударить стонущую избитую и искалеченную куклу, но Фортт не позволил ему этого сделать:

— Я сказал, не трогай ее!

Гуффин застыл и глянул на друга с ненавистью. Фортт не узнавал его: в серых глазах Манеры Улыбаться читалось вполне оформившееся и будто бы пытающееся вырваться наружу алчущим крови вороном, безумие.

— Отпусти меня... — процедил он. — Быстро. Или тебе тоже не поздоровится.

Но Пустое Место и не подумал слушаться. Он был решителен, как никогда... как никогда в жизни. И глядел на Гуффина не мигая.

— Нет. Это тебе не поздоровится, если ты ее еще раз хоть пальцем тронешь.

Манера Улыбаться оскалил кривые бурые зубы.

— Больно надо! Думаю, она усвоила урок. И если тебе так уж жалко эту дрянь, Пустое Место, можешь сам волочить ее дальше.

Убедившись, что Манера Улыбаться успокоился, Фортт медленно разжал пальцы.

Гуффин оттолкнул его и, демонстративно обойдя мешок, шагнул прочь, в сторону чернеющей арки, проделанной прямо в стене дома.

Джейкоб Фортт опустил взгляд и проглотил вставший в горле ком. Его решительность вдруг исчезла, словно провалилась в дыру в кармане. Он не смог заставить себя заглянуть внутрь дрожащего мешка.

— Ну-ну, — тихо проговорил шут. — Не плачь, бедненькая, все будет хорошо. Не плачь... потерпи немного. Мы доберемся до «Балаганчика», и там тебя починят. Не плачь, не надо...

Он аккуратно взял мешок за ворот и осторожно поднял его себе на плечо. Коротко вскрикнув, кукла продолжила скулить и завывать на одной ноте.

— Джейкоб защитит тебя, — заверил ее Фортт. — Не бойся. Я никому не позволю еще раз сделать тебе больно. Он к тебе больше не прикоснется. Никто не прикоснется.

Тяжело вздохнув, Фортт последовал за Гуффином, который уже скрылся в проходе...

...Туннель Уир представлял собой одну из так называемых «внутренних улочек», которые были проложены прямо сквозь дома и в конечном итоге выводили к каналу. Эти вымощенные кирпичом проходы имели форму трубы и больше походили на коридоры.

Что касалось, в частности, туннеля Уир, то он был узок, как бутылочное горлышко, и из него исторгалась жуткая вонь, будто где-то в глубине разлагалось что-то огромное и мертвое. Единственный фонарь висел так далеко от входа, что напоминал жалкого дрожащего светлячка. Что ж, это определенно было одно из тех мест, куда в ночное время

лучше не попадать.

И все же у шута Пустое Место не было выбора. Шаги Фортта и приглушенный плач куклы эхом разносились по туннелю. Фортт понуро шел все дальше и дальше, ступая по грязным кирпичам и ожидая неприятностей. Вскоре нечто, на них похожее, его и встретило.

Фигура Гуффина в глубине туннеля выглядела зловещей — еще более зловещей, чем пару минут назад. Он замер под свисающим из-под сводов фонарем, при этом выглядывающая из-за его плеча тень на кирпичной стене дрожала, словно в безумном танце, а зонтик в руках шута походил на стройную мисс, которую затащили в танец против воли. У ног Манеры Улыбаться стоял неизвестно откуда взявшийся деревянный ящик.

— Чей это ящик? — спросил Фортт, подойдя.

— Мой, — ответил Гуффин.

— А был чей?

— Жертвы обстоятельств.

— Твоей жертвы?

— Нет.

— То есть обстоятельства никак с тобой не связаны?

— Никак.

— Но ящик с тобой связан?

— О, еще бы.

— Каким же образом?

— Он принадлежит мне.

— И мы вернулись к началу, — вздохнул Фортт. — С каких пор он тебе принадлежит?

— С недавних.

— Да ты уже скажешь, откуда он здесь взялся, или нет? — потеряв терпение, прорычал Фортт, отчего по туннелю Уир пронеслось эхо.

— Эй, злиться — это часть моей роли, — напомнил Гуффин. — Ты что, забыл, как в театре относятся к похитителям чужих ролей и реплик?

Фортт глянул на него волком. Ему уже давно было не до смеха.

— Хватит нести чепуху — ты не в театре, ты никакой не персонаж и не играешь роль.

— Ты уверен?

На самом деле Фортт был уверен в обратном, но сказал лишь:

— Откуда ящик?

Вместо ответа Гуффин отодвинулся в сторону, и Фортту предстало то, что его друг до этого скрывал своей спиной, — окошко в стене туннеля, над которой ржавые кованые буквы выстроились аркой, образуя: «Почта Габена». Окошко было закрыто, на ставнях висел замок.

— Быть не может! — изумленно выдохнул Фортт. — Он пришел тебе по почте?

— Пришел. Я собирался забрать его на днях, но раз уж мы здесь...

«Неправда», — подумал Джейкоб Фортт.

«Неправда», — подумала кукла в мешке.

Сабрина приглушенно стонала и сотрясалась в рыданиях. Она не могла пошевелить левой кистью, запястье было свернуто под неправильным углом, острые обломки дерева торчали во все стороны. Указательный и безымянный пальцы на правой руке были и вовсе отломаны — она сжимала их тремя оставшимися. Через лицо прошла жуткая трещина, шарнир шеи заклинил. Кукле было невероятно больно, но даже она поняла, что Гуффин

лжет: поддельный констебль сообщил ему об этом ящике, они не случайно здесь оказались, и соответственно поломка на мосту Ржавых Скрепок, из-за которой трамвай сюда свернул, тоже была запланирована. А уже это значило, что и кукла Сабрина, и шут Пустое Место втянуты в какую-то мрачную игру. Им стоило опасаться того, что в ящике, и того, куда они направляются. Кукла терялась в догадках, почему Джейкоб Фортт этого не понимает.

Но Джейкоб Фортт понимал. Более того, он видел больше, чем Сабрина, ведь он был не в мешке, ведь он увяз в этой истории намного раньше нее.

— Что у тебя в ящике? — спросил Фортт напрямую.

— Канифоль для скрипсенхарма, — зло бросил в ответ Гуффин. Даже стенам туннеля Уир и замку на почтовом окошке было ясно, что в ящике отнюдь не канифоль.

— Зачем так много? И... ты ведь не играешь на скрипсенхарме.

— Хватит болтать, — прервал приятеля Манера Улыбаться. Он обхватил ящик и, крикнув от натуги, поднял его. — Нам нужно найти продавца воздушных шаров.

— Зачем нам воздушный шарик?

— О, какой грубый диминутив, — проворчал Гуффин и, развернувшись, направился к выходу из туннеля.

— Я не знаю, что за мотив или сколько там минут, — ответил Фортт, последовав за ним. — У меня нет часов.

— Я не о том... Не нужно преуменьшать.

Пустое Место все равно ничего не понял — видимо, это было как-то связано с тем, что он не образован. Но он считал также, что и Манера Улыбаться — не умнее его. Это была его ошибка.

Они вышли из туннеля Уир и оказались на улочке, которая больше напоминала большой двор-колодец. В центре этого «двора» располагался огороженный низенькой кованой решеткой каштановый скверик, и хмурые дома (или, вернее, стены одного дома) напирали на него со всех сторон. В некоторых окнах горел свет, где-то звучала музыка, до шутов доносились визги и мелодично-немелодичный грохот — кого-то лупили по пальцам крышкой пианино. На бронзовом указателе значилось: «Улица Пчел».

Шуты двинулись через двор. Ветер трепал кроны деревьев, срывая с них каштаны: скверик был сплошь засыпан колючей зеленой кожурой — дворник здесь если и имелся, то подметание его явно не заботило. Завидев чужаков, тощий кот соскочил со скамеечки, на которой до того с удовольствием умывался, и, взлетев по трубе водостока, забрался на карниз.

Фортт с подозрением оглядывался по сторонам. Он был готов к любой неожиданности. Хотя... если уж совсем начистоту, все обстояло ровно наоборот — он не был готов к неожиданностям: шут устал, продрог и проголодался, к тому же этот вечер принес ему слишком много волнений и страхов. У него просто не осталось сил сопротивляться любым напастьям, которым вздумалось бы с ним приключиться. И все же Фортт неотступно следовал за Гуффином и его ящиком. В его наивном сердце жила робкая надежда: «Да, Гуффин странно и пугающе себя ведет, он что-то задумал, но я ведь знаю его не первый день, он не раз меня выручал, он мой друг... Все обойдется...»

Пройдя через скверик, Пустое Место и Манера Улыбаться подошли к подъезду с табличкой «№ 8».

— Нам сюда, — сказал Гуффин.

Фортт кивнул. Шуты зашли в дом и направились к лестнице.

В подъезде горела керосиновая лампа, но лучше бы не горела — любая, даже самая крошечная тьма, была бы всяко лучше этого отвратного тошнотворного света, еще и покачивающегося из стороны в сторону, как мышь на проволоке.

Шуты миновали первый этаж, второй... А Фортт все не мог выбросить из головы этот внезапно появившийся ящик, который тащил идущий впереди Гуффин.

— Что у тебя в ящике? — спросил он снова.

— Карлик, сложенный в три погребели, — заявил Манера Улыбаться. Даже надколотым грязным ступеням лестницы и обитым коричневой тканью стенам было ясно, что в ящике отнюдь не карлик.

— Карлик бы там не поместился, если только он еще и не гимнаст. И... зачем тебе карлик?

— Хватит болтать, — повторил Гуффин то, что сказал в туннеле. — Нам нужно найти продавца воздушных шаров.

— Я до сих пор не понимаю, как он нам поможет вернуться в «Балаганчик».

— Скоро поймешь...

Пустое Место и Манера Улыбаться оставляли за спиной лестничные площадки, шли мимо дверей квартир. За каждой из этих дверей что-то происходило: кто-то был мертв, и его еще не обнаружили, кто-то разбирал собственную грудную клетку, не понимая, чем подобные занятия могут закончиться, кто-то любил кого-то, а кто-то кого-то ненавидел. Но больше там было тех, кого ничто не волновало. Обычный габенский дом, обычный габенский подъезд. Не хватало только старушки, делающей вид, что моет лестницу. Ее действительно не хватало, учитывая, что на ступенях была свежая грязь, оставленная чьими-то ногами, судя по всему, совсем недавно.

Наконец, лестница закончилась, и шуты оказались под самой крышей — это был этаж эдак шестой-седьмой. На единственной двери некогда висела табличка с номером, но ныне проглядывали лишь впечатанный овальный след да дырки от гвоздей.

Гуффин, неловко удерживая ящик одной рукой, замахнулся зонтом, чтобы постучать, но тут из-за двери раздался короткий вскрик, за которым последовали хрипы...

— Чего ты ждешь? — спросил Фортт. Он стоял в некотором отдалении и не услышал звуков, донесшихся из квартиры.

Гуффин никак не отреагировал, его губы шевелились — казалось, он считал, будто бы давая кому-то время.

— Мы ведь пришли? — поинтересовался Фортт. — Это наша дверь?

Гуффин хмыкнул и наконец соизволил постучать.

— Мистер Баллуни?! — позвал Манера Улыбаться. — Это Финн Гуффин, ваш старый друг. Пришел к вам по срочному, как пожар, делу. Открывайте!

Никто в здравом уме не стал бы открывать, услышь он такое из-за двери, но мистер Баллуни, судя по всему, был не совсем в своем уме.

Дверь распахнулась, и на пороге возник хозяин квартиры. Это был мужчина в возрасте — не тощий и не толстый, скорее, грушевидной формы. Его лицо напоминало грубо почищенную угловатую репу, поросшую щетиной, глаза продавца воздушных шаров прятались под круглыми защитными очками с мутными стеклами. На мистере Баллуни были старенький клетчатый костюм и засаленный бурый котелок, в руке он держал пальто — судя по всему, хозяин только что вернулся домой.

— Заходите, мистер Гуффин, — сказал он голосом, который напоминал перезвон

расстроенной шарманки. Голос этот был неприятен, как будто у продавца воздушных шаров что-то застряло в горле. Фортт представил себе, как этот тип визжит: «Купи шарик, деточка! Купи шарик!» — и ему стало не по себе.

Хозяин отошел в сторону, и шуты один за другим нырнули в полутьму квартиры мистера Баллуни.

Фортт осмотрелся. Это и не квартира была вовсе — скорее, большой чердак, заставленный различным хламом. Свет одинокой лампы вырывал из мрака очертания трухлявых чемоданов и ящиков, повсюду громоздились прохудившиеся чайники, ржавые баллоны и груды каких-то механизмов, назначение которых распознать не представлялось возможным.

На чердаке было холодно и сыро, как на улице, и Фортт быстро понял, почему. В крыше зияло огромное круглое отверстие, через которое внутрь проникали морось и ветер: кто-то будто бы собирался строить здесь стеклянный купол, но так его и не построил.

Прямо под отверстием разместилась здоровенная бесформенная конструкция, накрытая отсыревшим полотнищем; из-под полотнища проглядывали натянутые веревки, блоки и шкивы — все эти снасти крепились к ввинченным в дощатый пол крюкам.

Над головой раздался шорох, и Фортт вздрогнул от неожиданности. Птица... просто птица...

И тут Пустое Место обратил внимание на то, сколько здесь этих птиц: на стенах висели полки, на которых в несколько ярусов были устроены сделанные из старых коробок голубиные жилища, такие же ящики свисали и из-под балок, даже огромный гардероб, расположенный в простенке между двумя большими окнами, то и дело вздрагивал, как будто там была заперта парочка птиц.

Голуби... чердак заполнили серые, как грязная вата, Саквояжные голуби — со всех сторон раздавалось нестройное курлыканье...

Фортт не любил голубей. Они вызывали у него оторопь одним своим видом. Страх перед этими птицами у Пустого Места появился еще в детстве, когда одна из его тетюшек поперхнулась жареным голубем и умерла. Дядюшка Милтон говорил, что эти несносные птицы шпионят за людьми, собирают сведения, а потом доносят... кому, он и сам не знал, но был искренне убежден, что городские голуби состоят в тайном заговоре. Глядя на этих подозрительно ошивающихся повсюду птиц, Джейкоб Фортт был склонен с ним согласиться.

Почувствовав шевеление внизу, Пустое Место опустил взгляд и похолодел: один из пернатых крался к нему с таким видом, будто что-то задумал.

Фортт всерьез задался вопросом, что за чудовищный в своем коварстве план живет в маленькой трясущейся голубиной голове, и не заметил того, что, без сомнения, должно было вызвать у него куда более важные и насущные вопросы.

На полу чернели следы, оставленные грязными башмаками, которые явно не принадлежали хозяину чердака с его здоровенными башмаками: начинались они у входной двери, вели через все жилище продавца воздушных шаров, огибая затянутую полотнищем конструкцию, и обрывались у гардероба...

Но Фортт на следы не обратил внимания — его заботил лишь пугающий интерес к нему приближающегося голубя.

— Мистер Баллуни, — сказал Манера Улыбаться, поставив ящик на загаженный птицами пол; попутно он попытался придавить и голубя, но птица, к облегчению Фортта,

вспорхнула и уселась на одну из балок под крышей, — нам с другом требуется в самые короткие сроки оказаться в Фли. Это возможно?

Хозяин чердака кивнул. Скупые и лаконичные движения мистера Баллуни не отличались экспрессивностью, в его фигуре и будто застывшем лице проглядывала легко читаемая напряженность. Фортт его понимал: он и сам был бы напряжен, заявись к нему под вечер двое тяжело груженных шутов.

Пустое Место многозначительно кашлянул.

Манера Улыбаться понял намек и, тяжело вздохнув, спросил:

— И сколько нам это будет стоить? Если не тянуть кота за хвост?

— Двадцать фунтов, — ответил мистер Баллуни, глядя на Манеру Улыбаться сквозь свои мутные очки. Голова его чуть покачивалась, как у одного из здешних голубей.

— А если еще раз хорошенько подумать и все переподсчитать, так сказать? Может быть, у вас есть скидочка? Как для старого друга.

— Я могу сделать для вас скидку, мистер Гуффин. Как для старого друга.

Фортт поморщился: Гуффин снова занимался вымогательством. Пустому Месту не нравилось, когда Манера Улыбаться так поступал, но что он мог поделаться: это ведь Габен, здесь так принято...

И все же этот странный мистер Баллуни был что-то уж чересчур покладист — даже для человека испуганного и желающего избавиться от незваных гостей как можно скорее...

— Начинайте готовиться к вылету, мистер Баллуни. А пока что я бы у вас попросил кое-что...

Шут выразительно глянул на стоявшую в углу тележку с компрессором для надувания шариков.

— Она — ваша. У меня есть еще одна.

Натянув пальто, мистер Баллуни подошел к сооружению под проемом в крыше и начал отвязывать полотнище. Гуффин, в свою очередь, без жалости стащил компрессор на пол и взгромоздил на тележку свой ящик.

Огромное полотнище тем временем сползло, и Фортт распахнул рот, во все глаза глядя на то, что под ним прежде скрывалось. Его посетила мысль: «Кажется, Гуффин был прав: зря я преуменьшал».

Теперь шут понял, о чем говорил его друг в туннеле Уир. Перед ним был вовсе не шарик, а самый настоящий воздушный шар для полетов. Шар этот между тем особо надежным не выглядел: бордовая потертая и во множестве залатанная оболочка сохранила на себе следы дождей и пыльных ветров, в бортах корзины чернели дыры, а разлохмаченные канаты стропов не использовал бы для своих целей даже обреченный, решивший вздернуться.

При этом шар был готов к немедленному вылету: в топке, облизывая уголь, глухо рокотало пламя, над соплом горелки подрагивал огонек.

«Как будто нас ждали...» — подумал Фортт.

— Нет уж, это не про нашу честь, — сказал Гуффин, прочитав на лице друга все его мысли, и пояснил: — С наступлением темноты мистер Баллуни частенько развозит кое-какие... гм... товары. Он всегда наготове, чтобы получателям не приходилось ждать. За один перелет он заколачивает больше, чем за целый день прозябания у входа в парк Элмз со своими шариками для детей.

— Что еще за «кое-какие... гм... товары»?

— А ты догадайся. Мы не произносим вслух слово на «К», забыл?

Пустое Место не забыл. Он не понаслышке знал о запрещенных грузах, которые переправляют через канал Брилли-Моу в обоих направлениях. Многочисленные банды Фли, Подкладочники (подпольные организации из Тремпл-Толл), Дымные Кольца (дурманный синдикат из Гари) и прочие участвовали в незаконной торговле так называемыми теневыми товарами, список которых был столь же длинным, как и меню обжоры в праздничный день.

Брекенбок запрещал своим актерам пособствовать контрабанде (то самое слово на «К») и принимать в ней участие, но время от времени едва ли не каждый из них злостно нарушал этот запрет: на пьесках много не заработаешь...

Глядя, как мистер Баллуни возится с вентилями и топкой, Фортт вдруг подумал: «На этот раз теневой товар — это бедная кукла, а мы с Гуффином — самые настоящие контрабандисты». И хоть живые куклы не входили в список запрещенных товаров и грузов, все же шута не отпускало ощущение неправильности всего происходящего.

— Прощу на борт, — сказал продавец воздушных шаров, усевшись в кресло и схватившись за рычаги. На стоящей у двери вешалке остались висеть его лётное дождевое пальто и кожаный шлем, но он будто забыл о том, что их нужно надеть.

Шуты со своим грузом забрались в корзину, и, когда за ними закрылась дверца в борту, мистер Баллуни дернул рукоятку под сиденьем — тут же один за другим начали клацать размыкающиеся замки, а удерживавшие шар канаты попадали на пол.

Гардероб снова вздрогнул, дверца приоткрылась, и из-за нее вывалилась чья-то бледная рука. В следующее же мгновение руку затащили обратно, а дверца закрылась.

Шуты ничего не заметили, поскольку последний канат наконец был отвязан и днище корзины оторвалось от пола. Начался подъем. В какой-то момент летательный аппарат дернулся и подался назад, будто кто-то зацепился за корзину крюком и принялся тащить ее вниз. Фортту уж было показалось, что полет их окончится, не начавшись, но уже через пару секунд тряска прекратилась, и мистер Баллуни выровнял свою махину.

Аэронавт увеличил огонь на горелке, и шар уверенно продолжил подъем. Вскоре старенькое летательное средство выбралось через проем в крыше, и его мягко подхватил ветер.

— Полный вперед! — каркнул Мистер Баллуни и толкнул рычаги. Из выхлопных труб с грохотом револьверного выстрела выбились облачка черного дыма, винты пропеллеров пришли в движение и затарахтели...

Дрожащими пальцами кукла раздвинула края мешковины и выглянула наружу. Через щель в обмотке корзины она увидела отдаляющуюся крышу с темнеющим отверстием люка, увидела крыши других домов: черепичные скаты и трубы, желоба водостоков и дымоходы, птичники и погодные тумбы. Далеко внизу были двор-колодец и каштановый сквер...

Полет не произвел на Сабрину никакого впечатления: ей вдруг показалось, что она уже летала, причем много раз. Когда-то давно, будто бы в другой жизни.

У Фортта, в свою очередь, полет вызвал *определенные* чувства, и самым сильным среди них было чувство легкой пульсирующей в основании горла тошноты. Прежде он поднимался в воздух лишь пару раз, когда дядюшка Гэри брал его с собой на Набережные, но тогда они сидели во вполне уютном салоне дирижабля «Воблиш», а не стояли в продуваемой всеми ветрами корзине, которую удерживают скрипящие и грозящие порваться в любой момент тросы.

Вскоре шар мистера Баллуни преодолел двор и, оставив позади как улицу Пчел, так и

окружавший ее дом, оказался над Брилли-Моу. Канал не зря называли Грязным: вода в нем походила на густые чернила, по берегам высились кучи мусора — там располагались самые большие в городе свалки. По Брилли-Моу ползли крохотные паровые суденышки; их гребные колеса вздымали воду и грязь, взбивая их, словно яйцо для омлета.

На другом берегу канала виднелись кучно застроенные кварталы, состоящие из невысоких двух- и трехэтажных домиков, — это был Фли, или по-простому — Блошиный район. С шара также были прекрасно различимы остовы нескольких мостов, некогда соединявших Тремпл-Толл и Фли. По единственному целому мосту как раз ползла туча дыма — трамвайный вагончик следовал, как ни странно, в Блошиный район.

Фортт прищурился. Если трамвай идет по мосту Ржавых Скрепок, то ни о какой поломке речи быть не могло. Уж навряд ли городские ремонтники все так быстро починили. Это ведь Габен: здесь если что-то и чинят, то лишь для того, чтобы придать развалюхе хотя бы какое-то подобие товарного вида и сбегрить поскорее.

Кукла в мешке снова начала плакать. Сердце Джейкоба Фортта сжалось. Он бросил взгляд на приятеля: тот что-то негромко обсуждал с мистером Баллуни.

Пустое Место облокотился на бортик, вроде как, чтобы просто передохнуть, но на деле он наклонился к мешку.

— Не плачь, — прошептал шут, — и я расскажу тебе тайну...

Плач в мешке стих, и Фортт, проверив, не подслушивает ли Гуффин, продолжил:

— Ну, не то, чтобы тайну, а, скорее, план. Мой план... Кажется, Гуффин готовит что-то плохое. Ты нужна ему зачем-то... Но не бойся: Джейкоб не позволит ему тебя мучить...

— Ты ничего не сможешь сделать... — раздалось приглушенное из мешка. — Ты не помешаешь ему...

— Помешаю. Послушай... я ведь сказал, что у меня есть план. Так вот. Когда шар приземлится, мы пойдем через Слякоть, а там... там ничего не стоит *потеряться*. Если ты понимаешь, о чем я.

— Не понимаю...

— Я знаю одну кривую дорожку через топи, о которой никто другой не знает. Мы с тобой чуть отстанем, а потом я незаметно сверну на эту дорожку. Дом моего дядюшки Хэмиша стоит в Слякоти. Я отнесу тебя к нему, и он о тебе позаботится... А Брекенбоку я скажу, что заблудился и на меня напали — и что куклу эти жуткие злодеи, которых я совсем не рассмотрел, забрали с собой.

— Ничего не выйдет, — прошептала Сабрина. — Гуффин хитрый... он все поймет.

— Он-то хитрый, но я неплохо умею проводить хитрецов. Не бойся... В Фли живет старый кукольник Папаша Луткар — он починит тебя, а мой дядюшка Хэмиш кому хочешь нос узлом завяжет — он на войне был и многое повидал.

Сабрина боялась верить. Ей вспомнилось, как Хозяин обманывал ее, раз за разом обещая отпустить, а потом в самый последний момент, когда она уже была в одном шаге от долгожданной свободы, хватал ее и запирали в подвале. Он любил поиграть с ее чувствами, давая ей ложную надежду, а потом заставляя пережить настоящее отчаяние. И все же что-то в голосе этого человека... Джейкоба... заставило ее поверить, что он не обманывает.

— Зачем ты мне помогаешь? — спросила кукла. — Ты ведь тоже шут...

— Джейкоб Фортт — честный шут. И пусть я — Пустое Место на сцене, но я не хочу быть пустым местом и в жизни. Мои дядюшки с самого детства учили меня, что нельзя обижать беззащитных, что нужно защищать тех, кто слабее. До сегодняшнего дня я думал,

что самый слабый — это я.

Кукла молчала, и Фортт испугался, что она потеряла сознание — он не знал, склонны ли куклы к обморокам.

— Ты там? — шепотом позвал Фортт.

— Спасибо... спасибо тебе, Джейкоб... — дрожащим от слез голосом проговорила Сабрина. Да, она боялась поверить, но все же надежда крошечной мышкой пробралась внутрь ее головы: неужели мучения скоро закончатся? Неужели Джейкоб и правда спасет ее? Шут с добрым сердцем — что может быть удивительнее?!

— Как тебя зовут? — спросил Фортт. — У тебя ведь есть имя?

— Сабрина, — чуть слышно представилась кукла.

— Скоро все будет хорошо, Сабрина. Просто потерпи немного. Что бы он ни задумал, я...

— О чем шепчетесь? — прозвучало вдруг сзади.

Фортт вздрогнул и обернулся. Гуффин стоял прямо за его спиной. Что он слышал?!

«Играй роль! — велел себе Пустое Место. — Просто играй...»

— Ни о чем... — не моргнув глазом, солгал он. — Пытался узнать что-то об исчезновении кукольника.

— И как? Узнал?

— Она не говорит... Думаю, ничего не знает.

— Жалость-то какая! — пожал плечами Манера Улыбаться и подошел к другу. — Но теперь-то уж плевать, куда этот хмырь исчез, верно?

Фортт неуверенно кивнул, ожидая продолжения.

— Ненавижу Тремпл-Толл, — сказал Гуффин, повернувшись и задумчиво уставившись на отдаляющийся Саквояжный район. — Рад, что мы его наконец покинули...

— И я рад.

— Тремпл-Толл и Фли, вроде бы, части одного города, но саквояжники не похожи на нас, они... другие. Дерганые, нервные... все из-за этого треклятого вокзала: поезда прибывают в Габен и привозят с собой толпы чужаков, привозят новые веяния и иноземные привычки, аккуратненько разложенные в чемоданчиках да ковриковых сумках. В Тремпл-Толл все другое: эти вечно торопящиеся прохожие, эти рассеянные обыватели, которые постоянно что-то забывают. Важные саквояжники со своими почтальонами и констеблями, со своими адвокатами и докторами, они презирают тех, кто живет в Фли. По их улочкам, видите ли, ездят кэбы, а над кварталами летают пассажирские дирижабли, у них есть часы на цепочках и трости. Они слушают радиофоры, а о погоде узнают из метеокарточек. Они пьют кофе, приготовленный в варителях, и шлют друг другу письма по пневмопочте. Мерзость! Ненавижу Тремпл-Толл!

Фортт не понимал, к чему его друг ведет. Обычно Гуффин не был склонен к подобным рассуждениям, и ему хватало простого «Мерзость!», чтобы выразить собственное отношение к чему-либо.

— Тремпл-Толл... все мы оттуда когда-то сбежали — каждый в свое время и по своим причинам. Все сбежали от своей прошлой жизни и нашли пристанище в Фли...

Это была правда. Каждый в труппе Талли Брекенбока, включая самого хозяина балагана, хранил свою мрачную тайну о том, что было до «Балаганчика».

— Ну а ты, Фортти, — сказал Гуффин, не поворачивая к другу головы. — Я ведь помню ту ночь, когда мы с Брекенбоком и Бульдогом выловили тебя из этого самого канала. Ты

сказал, что случайно упал с моста, но я-то знаю, что ты прыгнул, не в силах вынести боль утраты. Разбитое сердце...

— Откуда... откуда ты знаешь? — пересохшими губами прохрипел Фортт.

— Ты так ее любил, ту миленькую мисс... так любил... Ты не понимал, как можно жить после того, что с ней случилось. После того, как она попала под трамвай.

— Я никому об этом не рассказывал! Откуда ты знаешь?

— Каким бы я был лучшим другом, если бы не знал? Мы все понимали, что ты не «случайно упал с моста в канал». Брекенбок запретил нам признавать у тебя, что произошло на самом деле, но я... понимаешь, я слишком любопытен. Ну а у пилюль от мигрени есть замечательный побочный эффект: принявший их во сне делится самым сокровенным.

— Но я не принимал никаких пилюль!

— Принимал, просто не знал об этом. Но я о другом... Твое доброе, вдребезги разбитое сердце, которое однажды привело тебя к этому каналу. Ты ведь сказал ей о своих чувствах в тот день, когда произошла трагедия... Как это... безысходно...

Гуффин говорил на удивление спокойно: вся его привычная злость развеялась, словно дымное облако на ветру, не осталось и следа также и от бывшего помешательства, охватившего его на улице Слив.

— Ну давай! — в ярости сжав кулаки, прорычал Фортт. — Насмехайся! Унижай меня! Придумай какую-то шуточку! Оскорби ту, которой больше нет! Уверен, это потешит твою гадкую душонку!

Гуффин покачал головой.

— И не подумай. Знаешь, шуты не извиняются, не благодарят и не делают еще кое-чего. Они не сочувствуют. Но мы оба с тобой понимаем, что все правила можно нарушать, если очень хочется. И я... я сочувствую тебе, Фортти.

В голосе Гуффина вдруг прозвучала не свойственная ему тоска, и Фортт решил, что ослышался: злобный и лживый Манера Улыбаться действительно ему сочувствовал.

— И можешь не бояться: я никому не выдам твою тайну. Ты же мой друг, как-никак. Мой лучший друг. Мне будет не хватать наших веселых перепалок.

— Что это значит? — волосы Фортта под котелком встали дыбом.

Манера Улыбаться повернул к приятелю голову и заглянул в его глаза. На лице Гуффина проступили черты, которых прежде у него не было — на Фортта глядел сущий незнакомец.

— Я знаю, что все это время ты шпионил за мной для Брекенбока.

— Я тебя не понимаю...

— Ой, не нужно! — утомленно воскликнул Манера Улыбаться. — Если я и вел себя подозрительно, то ты вел себя в сотню раз подозрительнее. Не спускал с меня взгляд, все пытался разнюхать да разведать. Настоящий шпик!

— Что? — возмутился Фортт. — А ну возьми свои слова обратно! Никакой я не шпик!

Гуффин покивал своим мыслям.

— Вы совсем не умеете лгать, мистер Фортт. Поэтому и шут из вас вышел бездарным. Ложь — она течет у настоящего шута по венам вместо крови, обманом он завтракает, недомолвки — на ланч, привирательство — на обед, и интриги — на ужин. Вся жизнь шута — это надувательство, плутовство, жульничество и мошенничество. Честных шутов не бывает. Есть лишь те, кто чего-то стоят, и те, кто ничего из себя не представляют: посредственность, тривиальность, серость... пустое... место...

Фортт молчал и слушал. Гуффин продолжал:

— Неужели ты думал, что я не пойму, почему Брекенбок настоял, чтобы ты отправился со мной в лавку Гудвина? Или ты думал, я не узнаю, о чем вы там шептались в его фургончике? У меня по всему балагану есть уши.

Не имело смысла отпираться, как не имело и смысла продолжать играть роль. Кажется, спектакль и правда подошел к концу. Гуффин был прав: именно Брекенбок поручил Пустому Месту составить компанию Манере Улыбаться. И не просто, чтобы тому не было скучно, а чтобы за ним проследить. Гуффин вел себя очень странно: он увещевал и уговаривал Брекенбока вернуть старый, полузабытый долг с такими страстью и горячностью, будто лично был заинтересован в возврате этого долга.

— Отдаю должное твоей верности, — Гуффин хмыкнул. — Хозяин командует, и собачонка говорит: «Гав-гав». Послушная собачонка, исполнительная собачонка... И еще такая умненькая! Ты ведь уже давно все понял, не так ли? Когда именно?

— Как только увидел эту куклу в лавке Гудвина, — с вызовом ответил Фортт. — А потом ты достал мешок... Я сразу понял, что за мнимым долгом в лавку игрушек пришел лишь я. В то время как ты пришел именно за ней. Я был прав? Все дело в этой бедолаге, так ведь? Что ты сделал с кукольником?

Сабрина боялась шелохнуться. Вот-вот все раскроется! Вот-вот она получит ответы на свои вопросы! Но почему так громко работают винты, почему ветру вздумалось повить именно сейчас?! Почему так болит все ее тело, отчего кажется, будто в любой момент потеряешь сознание?!

— Я сделал с Гудвином из переулка Фейр то же, что сделал и с другими, — сказал Гуффин.

— С другими? — Фортт ничего не понял. — Кукольниками?

— Милый мой, наивненький Фортти, ты так и не смог стать злыднем, ты остался добряком, а с добряками вечно приключаются какие-то напасти. Эх, знал бы ты только, что происходит...

— Что происходит? — Фортт почувствовал, как от страха онемели руки. — Зачем... зачем ты все это делаешь?

— Чтобы ты не рассказал ничего Брекенбоку, — ответил Гуффин.

— Что? — Пустое Место недоуменно округлил глаза — это был никакой не ответ на его вопрос.

Вместо разъяснений Гуффин вдруг сделал то, чего Фортт от него уж никак не ждал — он... улыбнулся. Широко, самодовольно улыбнулся, за одно мгновение разрушив тем самым не только выстроенный за годы образ, но и будто бы всю свою личность.

Фортт потрясенно застыл — он вдруг понял, что улыбка (или ее отсутствие) на губах этого человека — это просто маска, под которой пряталось подлинное чудовище, играя роль его друга, соседа по фургончику, его сценического партнера — того, кого, как он думал, он хорошо знает. Эта улыбка все сломала. Пружина треснула, карточный домик развалился, волчок споткнулся на своей ножке...

Ветер разметывал длинные нечесанные волосы Гуффина, серые глаза сверкали — в них плясали отблески пламени из топки, меж тем все лицо шута утонуло в чернильной темноте, из которой торчал лишь кончик его острого носа.

— Ты всегда будешь мне другом, — негромко проговорил Манера Улыбаться и вскинул свой зеленый зонтик.

А затем, не прибавив больше ни слова, сделал им резкий выпад, целясь в грудь

оцепеневшего друга.

Все дальнейшее произошло за какой-то миг...

Толчок. Крик. Джейкоб Фортт переваливается через бортик и летит вниз...

Корзина качнулась, а шар слегка набрал высоту. Мистер Баллуни даже головы не повернул — он словно и не заметил, что у него на борту стало на одного пассажира меньше.

Крик оборвался. Ветер донес до Сабрины короткий всплеск воды.

Все произошло так быстро, что она не сразу осознала...

А когда осознала, с ее губ сорвался стон отчаяния.

Старый воздушный шар тем временем полз по темному небу все дальше в сторону Фли. Вращались винты, рычало пламя в топке, натужно скрипели стропы...

И только коричневая шляпа-котелок одиноко плыла по черной глади канала.

Глава 5. Слякоть

Небо над Габеном походило на залитую чернилами страницу рукописи. Кляксами на листе неаккуратно темнели давящие тучи. Порывистыми резкими строчками дул ветер, подхватывая потерянные буквы, опечатки и неуместные знаки препинания этой осени — опавшие листья. И где-то во всей этой унылой, как мысли писателя пост-пессимиста, мешанине затерялись слова о том, что *бордовый воздушный шар летел над кривыми улочками и худыми крышами Фли.*

Фли... Блошиным район в восточной части Габена назывался потому, что там все кишело блохами: и дома, и одежда, и сами люди. По улицам между тесно стоящих домов бегали стаи облезлых собак, а если постараться, то в самых глухих закоулках можно было встретить даже блох размером с собаку. В Фли многие считали, что все мосты через канал, кроме моста Ржавых Скрепок, разрушили намеренно, чтобы преградить блохам путь в Тремпл-Толл...

Издали Блошиный район казался покинутым — и это отчасти было правдой: с наступлением темноты жизнь по эту сторону канала будто бы впадала в некое подобие летаргического сна. Улочки постепенно вымирал. На дверях щелкали замки и лязгали засовы, ставни на окнах надежно запирались. Все дела под открытым небом откладывались до утра или, в случае закоренелых лентяев, так и вовсе до лучших времен. Впрочем, даже если бы местные и захотели, пойти они никуда не смогли бы: в Фли не было цирюлен и аптек, кафе и книжных магазинчиков. На старой Рыночной площади уже давно не торговали, ее называли теперь не иначе как «Балаганная площадь» — и продать там могли разве что пару тумачков да оплеух, еще накинув подзатыльник в довесок.

Темные кварталы простирались на многие мили, и лишь редкие уличные фонари, стоявшие в разных частях района, походили на крошечные островки во мраке. У фонарей отирались подозрительные стайки мотыльков в старых пальто, засаленных шляпах и дырявых перчатках. Да и мотыльки эти больше напоминали моль — того и гляди набросятся друг на друга, как на какую-нибудь меховую шубу. Кое-кто из этих типов сейчас хмуро глядел в небо, пытаясь понять, что это за огоньки ползут среди низких туч, и вслушивался в отдаленный рокот винтов; в окнах некоторых чердаков блеснули линзы биноклей и подзорных труб — прибыть в Блошиный район незамеченным было невозможно.

Бордовый воздушный шар летел над кривыми улочками и худыми крышами Фли. Двигался он со стороны Подметки, за рычагами сидел тип в пальто и котелке, а в корзине был, вроде как, один-единственный пассажир. При этом никто из местных, даже обладая он лучшим в городе биноклем или самой точной подзорной трубой, ни за что не смог бы увидеть того, кого там не хватало, или догадаться о том, что произошло на этом шаре каких-то пять минут назад. И уж точно никакое оптическое приспособление не передало бы атмосферу холодного вязкого ужаса, поселившуюся в корзине.

Шут Финн Гуффин по прозвищу «Манера Улыбаться», будто нарочно пытаясь напугать куклу Сабрину еще больше, надвигался на нее медленно и неотвратно, как простуда на промочившего ноги беднягу.

— Я ведь знаю, что ты подглядываешь, маленькая пронира! — сказал он с такой неподдельной радостью в голосе, словно впереди его ожидал чудесный вечер.

Кукла попыталась отпрянуть от дырки в мешке, но ударилась спиной о бортик корзины

и нечаянно выронила один из своих отломанных пальчиков.

— Можешь смотреть — мне плевать, — усмехнулся шут. — Это ничего не изменит.

Гуффин схватил мешок.

Сабрина завизжала: Джейкоб мертв — защитить ее было больше некому!

— Не-ет... — взмолилась Сабрина. — Только не это...

— Думаешь, я сброшу тебя с шара, как какое-то Пустое Место? — спросил Гуффин, расправив ворот мешка; из него показалась рыжая кукольная голова — щеки Сабрины были покрыты зеленой краской, натекающей из-под глаз-пуговиц. — О нет! Ты слишком важна, верно, мистер Баллуни?

— Так точно, мистер Гуффин, — ответил птичьим голосом аэронавт, не отвлекаясь от своих рычагов.

— Почему важна? — спросила кукла. — Потому что... — ей вспомнились слова Джейкоба Фортта, — все дело именно во мне, так ведь?

Гуффин недобро прищурился:

— Тебя разве не учили, что подслушивать нехорошо?

— Джейкоб сказал правду? Ты пришел в лавку игрушек именно за мной? Почему? Почему я важна?

Манера Улыбаться покачал головой и осторожно спросил, словно делая шаг в темноте и боясь наступить на торчащий острием кверху гвоздь:

— Что последнее ты помнишь перед тем, как очнулась в мешке?

Сабрина задумалась. Она помнила себя, сидящей на стуле в мрачном подвале лавки игрушек. В памяти вдруг всплыли метнувшаяся к выходу четырехрукая тень Хозяина, стук хлопнувшей двери, а еще... Рядом с ней кто-то сидел... Кто-то в костюме, будто бы пошитом из обивки старого кресла. Она что-то говорит... Из темноты раздается голос в ответ — обладатель странного костюма ей отвечает. Но что? О чем шел разговор? Почему она ничего не помнит?! Пустота...

— Вот и славненько, — кивнул шут. — Ты ничего не знаешь о моих делах. Кукольник Гудвин недурно покопался в твоей рыжей голове.

— Хозяин? — спросила Сабрина дрожащим голосом. — Куда он исчез? Ты знаешь, где он?

— О, я знаю, где он, — сказал Манера Улыбаться. — Гудвин из переулка Фейр думал, что он самый умный в этом городе. Но правда в том, что он даже не самый умный среди кукольников.

— Что это значит?

— Ты ведь не помнишь, для кого и для чего тебя сделали?

Сабрина молчала: до сего момента она и не предполагала, что кто-то заказал ее у Хозяина. Он никогда не говорил, что сделал ее для кого-то, и обращался с ней, как с собственной дочерью — обращался, как ужасный отец, получавший удовольствие от мучений своего ребенка. Но для кого он мог ее сделать? Для шута Гуффина?

— Нет, не для меня, — сказал Гуффин, и Сабрина поняла, что последние мысли она произнесла вслух. — Есть кое-кто намного хуже меня. Тот, кто велел Гудвину создать куклу, точь-в-точь похожую на... — он вдруг одернул себя: — Ой-йой, чуть не проговорился!

— Похожую на кого? Скажи!

— Не скажу. Меня эта история не касается. Не люблю море и корабли... фу... мерзость!

— Море и корабли?

— Забудь! — прикрикнул на Сабрину шут. — Суть в том, что я оказался хитрее. Я успел забрать тебя прежде, чем за тобой явился тот важный господин. Кукольник сейчас слишком занят своими Кукольными Войнами и, думаю, он не особо огорчится, если я использую одну глупую рыжую для своих шутовских дел.

Сабрина терялась в догадках. Шут наговорил столько всего странного и непонятного, что она просто не знала, за что ухватиться в первую очередь. И ухватилась за последнее, что он сказал:

— Я ничего не буду для тебя делать!

— О, глупенькая наивная кукла! Ты уже делаешь! И именно ты будешь виновата во всем, что случится. Ловко я придумал?

— Ничего не буду делать! — упрямо повторила Сабрина.

— Главное, чтобы ты помалкивала.

Гуффин засунул обе руки в мешок и грубо вытащил куклу из него наполовину. Сабрина закричала. Не обращая внимания на ее слабое сопротивление, одной рукой шут схватил куклу за ее тонкую шейку и сжал так крепко, что, казалось, та вот-вот треснет под его длинными бледными пальцами. Другой рукой он открыл потайной ящичек в ее груди и вытащил странный механизм, который Сабрина там прятала.

— Я ведь знаю, как тебе дорога эта штуковина. Она же дорога, верно, глупая кукла?

— Да-а... — простионала Сабрина. Она и сама не знала, что это за механизм и откуда он у нее взялся, но чувствовала, что просто не переживет, если с ним что-то случится.

Гуффин отпустил Сабрину, и та поспешно забралась обратно в мешок так, словно подобное могло хоть как-то ее защитить от этого ужасного человека.

— Тогда ты будешь держать свой кукольный рот на замке, тебе ясно? Иначе сломаю эту штуковину.

— На замке? — со страхом спросила Сабрина: неужели ей на рот наденут замок?!

— Это фигура речи.

— Фигура? — Сабрина попыталась представить фигуру речи, но у нее не вышло.

— Сломаю, — пригрозил Гуффин, пряча механизм в карман пальто. — Ты всегда была упертой. Ты всегда была неугомонной.

— Ты знаешь меня? Но откуда?

Шут поцокал языком и сказал:

— Мои дела давно связаны с лавкой игрушек в переулке Фейр, я там частый гость. И я видел тебя еще, когда ты была дурацким поленом и лежала на верстаке Гудвина. Все, хватит вопросов!

Гуффин завязал мешок. Вновь оказавшись в душной темноте, Сабрина попыталась упорядочить и связать обрывочные мысли, но они напоминали лоскуты, которые никак не желали друг с другом сшиваться, а мнимая игла с ниткой будто бы постоянно выпадала из ее пальцев.

— Сэр, мы подлетаем! — доложил между тем мистер Баллуни. — Крысиный угол!

— Замечательно. Снижайся!

Гуффин подошел к бортику и глянул вниз. Они летели уже в нескольких футах над крышами, и шар то и дело погружался в тучи зловонного дыма из дымоходов: топили здесь самым дешевым углем — «коххом», от которого слезились глаза и горло сводило в приступах жуткого кашля. По зияющей прорехами черепичной кровле кто-то прыгал. Черные поджарые комки с шестью сильными ногами перепрыгивали с крыши на крышу,

разбуженные шумом винтов. Знаменитые местные блохи... Впрочем, шута они не волновали.

Гуффин всматривался в установленные на некоторых флюгерах указатели со стрелками — такие же ставили на углах улиц, но эти были предназначены сугубо для воздушного транспорта — они сохранились здесь еще с тех пор, как над Фли летали дирижабли и аэроекэбы. Слева, на одной из крыш, виднелся указатель: «*Улица Крысиная — Слякоть*».

— Мы почти на месте! — воскликнул Гуффин. — Правьте восточнее, к Слякоти.

Мистер Баллуни резко потянул на себя один из рычагов, и шар развернулся, а затем... вздрогнул и чуть подпрыгнул, когда корзина ударилась о внезапно возникший на пути дымоход.

— Осторожнее, мистер Баллуни! Только крушения нам сейчас и не хватало!

— Простите, сэр! Плохая видимость...

— Глаза протрите, — буркнул шут. — С видимостью все в порядке.

Аэронавт воспринял слова пассажира буквально и, подняв на лоб запотевшие лётные очки, и в самом деле принялся протирать глаза.

Гуффин тем временем наклонился и открыл люк в днище корзины.

Сабрина выглянула через дырку в мешке и с надеждой уставилась в его спину: неужели он сейчас прыгнет? Но нет, шут всего лишь разглядывал что-то внизу.

— Тебе там не холодно?

Сабрина ничего не понимала: к кому он обращается?

Откуда-то из-под корзины, тем не менее, последовал ответ:

— Нет.

— Еще бы, болван! — раздраженно бросил шут. — Это риторический вопрос! Можно не отвечать на риторические вопросы. Не потерял Машину?

Ответа не было, и Гуффин гневно прорычал:

— Это уже не риторический вопрос. Не потерял Машину?

— Нет. Не потерял.

— Это твоя станция, — сказал шут, внимательно оглядывая крышу, над которой проплывал шар.

— Я понял, — ответил тот, кто был под корзиной, и в следующий миг шар, покачнувшись, слегка набрал высоту, как будто сбросили балласт.

Сабрина замерла. Она уже слышала этот голос раньше! Неоднократно.

Кукла будто вернулась в темный подвал лавки игрушек:

«Я знаю, — прошептал обладатель этого голоса — он сидел рядом с ней. — Но это ненадолго...»

Она не помнила, что сказала на это, но его ответ будто выбрался сквозь прореху в пелене, затянувшую ее память старым полотнищем:

«Не бойся, милая Сабрина, — ласково проговорил он. — Я вернусь...»

Слезы — капли зеленой краски — снова потекли у нее из-под пуговиц-глаз: она все чувствовала, прямо как тогда.

«Как ты не понимаешь, — отчаянно сказал ее собеседник, пытаясь ей объяснить, убедить ее, — я должен. Это плохие люди...»

Она впервые вспомнила свой ответ:

«Это он тебе так сказал?»

Голос в темноте был неумолим:

«Он обещал отпустить нас, когда я все сделаю... на этот раз он сдержит слово, я уверен:

он обещал...»

И он замолк, голос постепенно исчез из ее памяти, становясь все тише. Последнее, что осталось, это ее ответ. Ее собственный голос прозвучал в подвале так одиноко, как будто это и не голос был вовсе, а звук шагов обездоленных на мосту в грозу. Она прошептала:

— Он уже обещал... Он уже обещал... обещал...

Гуффин захлопнул крышку люка и повернулся к кукле в такой ярости, как будто она плюнула ему в спину.

— Что ты сказала?!

Сабрина дернулась и вернулась в настоящее:

— Ничего... я н-не... ничего...

— Хватит мямлить. Помни, глупая кукла, что твой Механизм у меня, и даже не вздумай проболтаться о том, что случилось с Пустым Местом или еще о чем-то, связанном со мной, когда попадем в «Балаганчик», ясно тебе? Приземляйтесь, мистер Баллуни! Вон у тех камышей...

— Слушаюсь, мистер Гуффин. — Мистер Баллуни повернул голову, и Сабрина едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть. Продавец воздушных шаров оказался вовсе не человеком. Подняв на лоб очки, он полностью открыл свое желтоватое точеное лицо, но хуже того — стали видны его глаза. Вернее, то, что было на месте глаз. Две круглые черные лакированные пуговицы...

Сабрина поняла, отчего он говорил так странно — отчего скрипел, словно голос его звучал с граммофонной пластинки: мистер Баллуни был куклой!

Она не успела по-настоящему задуматься об этом неожиданном открытии, как шут снова протянул руки к ее мешку — но на этот раз только лишь для того, чтобы засунуть внутрь зонтик. После чего он взвалил мешок себе на плечо и схватился за ручку тележки с таинственным ящиком.

Шар плавно опустился на землю и чуть вздрогнул, когда днище корзины коснулось брусчатки.

Гуффин вытащил свою поклажу на грязную мостовую.

— Будете ждать дальнейших указаний на крыше «Цирка мадам Д.Оже», мистер Баллуни, — сказал Гуффин. — Все ясно?

— Так точно, сэр, — по-военному отчеканила кукла продавца воздушных шаров. И вновь повернула голову к своим рычагам.

Сабрина догадалась: эта кукла — солдат. Она находится на войне. Имел ли мистер Баллуни какое-то отношение к тем Кукольным Войнам, о которых говорил Гуффин, или же все намного серьезнее, и война самая что ни на есть настоящая? Единственное, в чем она была уверена, так это в том, что пока никто не знает, что война здесь, никто не знает, кто ее ведет и с кем. Пока что все еще спят мирным сном или совершенно мирно кого-то душат в подворотнях. Рутинка. Быт. Обыденность. Габен.

Бордовый шар снова поднялся в воздух...

Слякоть. Место это не просто напоминало грязную лужу, разросшуюся на несколько кварталов, затопившую подворотни и подступающую вплотную к лестницам подъездов — это было самое настоящее болото. Болото посреди города. Здесь росли камыши, водились комары, в илистой зеленоватой воде жили лягушки и пиявки. Поговаривали даже, что кое-где здесь можно отыскать настоящую топь. Лишь местные знали, как, почти не промолив

ноги, пробраться через Слякоть по тем узеньким тропам, где еще можно было обнаружить старую городскую брусчатку.

Судя по тому, как шут Финн Гуффин уверенно ступал по неровным булыжникам, еще и тянул за собой ящик на тележке, сам собой напрашивался вывод, что он принадлежал к числу тех самых местных. Более того: в своем зеленом пальто он напоминал долговязую тощую жабу, зачем-то собравшую чемоданы и решившую переселиться на другую кочку...

— Нужно преодолеть Слякоть как можно скорее, — бормотал Гуффин. — Здесь постоянно что-то происходит... всякая мерзость. Надеюсь, мы доберемся до «Балаганчика» без приключений.

По секрету будет сказано, что надеждам шута не суждено было осуществиться и чем глубже он заходил в болото, тем сильнее завязывался узел подстерегающих его и куклу в мешке невзгод.

По обе стороны узкой тропинки застыла гниlostная болотная вода, прямо из которой росли грибы и высился рогоз; порой тут и там с негромкими хлопками лопались пузыри. Кругом было темно, лишь кое-где рыжели искорки светлячков.

Слякоть считалась одним из самых опасных мест не только в Фли, но и в Габене в целом, и приземлиться здесь мог лишь настоящий безумец. На это Гуффин и рассчитывал: местные любители поживиться за чужой счет вряд ли могли ожидать, что кто-то добровольно, еще и в такую темень, высадится прямо посреди болота. И все же кое-кто из здешних обитателей уже подточил свой носик.

— Отвалите! — зло буркнул шут, обращаясь к комарам. — Знаете, кого вы кусаете? Я вас сам покусая...

Настроение у него с каждым шагом портилось все сильнее: проклятая кукла постоянно возилась в мешке и хныкала, ящик все норовил соскользнуть с тележки. Еще и колесики скрипели, отчего у самого шута начали ныть зубы.

«Слишком рано я отпустил Баллуни, — подумал Гуффин. — Можно было рискнуть и приземлиться поближе к переулку Гро. Хотя, — тут же напомнил он себе, — кварталы за Слякотью сплошь кишат соглядатаями, и любой из них был бы рад выклянчить у Брекенбока монетку за “ценные сведения”».

Болото постепенно будто бы все разрасталось, и в какой-то момент, кроме него кругом, уже ничего, вроде как, не осталось.

Тропинка петляла. Башмаки скользили на мшистой брусчатке, а тяготы пути уже почти победили хлипкую, как греmlinская сопля, волю шута. Хуже всего было то, что приходилось постоянно останавливаться, чтобы прихлопнуть очередного гада, покусившегося на его нос. Пару раз шут себе довольно ощутимо вмазал.

— Еще раз укусишь меня, ты, злобный кровосос, я тебе все крылышки повыдергаю. Никаких манер! Думаешь, что если я зашел в твое болото, то стану терпеть подобное...

Гуффин замолк, вдруг начисто позабыв о надоедливом комаре.

— Проклятье... — прошептал он и опустил мешок на землю. Внутри тут же просочилась отвратительная болотная жижа.

Пытаясь понять, что случилось, Сабрина выглянула через дыру и увидела пару подрагивающих огоньков, ползущих через Слякоть неподалеку. Огоньки эти были масляными фонарями, которые принадлежали двум долговязым типам. Типы тащили что-то через болото. Приглядевшись, она разобрала, что незнакомцы волокут свернутый в рулон ковер.

— Что? Что происходит? — спросила кукла, и Гуффин шикнул на нее.

— Молчи. Ничего не происходит. Просто кто-то очень некстати решил избавиться от трупа.

Сабрина вздрогнула.

— Болваны и любители... — процедил Гуффин, — аж руки чешутся подойти и втолковать им науку.

— Науку?

— Науку избавления от трупов, разве не ясно? Ну кто же так делает? Кто так заворачивает? Ковер же разматывается... Кто так несет? Можно же потянуть спину... Но самое главное! Кто надоумил этих болванов зажечь фонари? Свет ведь привлекает внимание!

Незнакомцы, разумеется, не могли его услышать. Не догадываясь ни о том, что их заметили, ни о том, что стали объектом очень едкой критики, эти двое как ни в чем не бывало продолжали брести через Слякоть, попутно выбирая место, куда можно сбросить ковер с трупом.

— Нет, не сюда... только не сюда, — прошипел шут.

Незнакомцы с ковром между тем приблизились уже настолько, что кукла разобрала их голоса.

Гуффин схватил мешок и затащил его в камыши, после чего заволок туда же тележку, а затем и себя самого.

— Только попробуй пикнуть, — едва слышно проговорил он.

Свет фонарей подполз ближе. Голоса стали различимее, до шута и куклы донесся разговор.

— Еще долго? — спросил один из незнакомцев. — Кажется, я потянул спину, да и ковер этот гадкий все время разматывается.

— Мы уже близко, — пыхтя ответил другой. — Я знаю одну трясины... там ее точно никто не найдет.

— Как бы мы сами там не сгнули.

— Не каркай, ворона! Если будем вести себя осторожно, тварь не проснется.

Подельника его ответ явно не устроил:

— Эй, о твари разговора не было!

— Только штанишки не намочи! Как убивать эту дамочку не тряся, а теперь — вылитый студень. Лучше бы ты боялся ее родственничков: что с нами сделают Хартли, если прознают?..

Незнакомцы прошли мимо шута и куклы, их голоса постепенно становились все тише, и вскоре уже было невозможно разобрать, о чем они спорят.

— Хартли, говорите?.. — задумчиво проговорил Гуффин, и в его голосе прозвучало нечто по-настоящему недоброе.

Выждав еще немного, шут выбрался из камышей и, кляня на чем свет стоит свои набравшие воды башмаки, затащил тележку и мешок обратно на брусчатку.

— Они ушли? — спросила кукла.

— А кто-то разрешал тебе раскрывать свой дурацкий кукольный рот? — прорычал Гуффин. — И вообще: важно не то, что они ушли, а то, куда они ушли.

Говоря это, шут разъяренно глядел на два отдаляющихся огонька.

— Куда они ушли? — спросила Сабрина.

— Туда, куда было нужно нам. Теперь придется идти по неверной тропе.

— Неверной?

— Которую могло затопить. Все, хватит вопросов, глупая кукла.

Взвалив мешок на плечо, Гуффин взялся за ручку тележки и, поругиваясь себе под нос, направился в ту сторону, откуда пришли люди с ковром, но в какой-то миг свернул вправо на неприметном перекрестке, спустился на пару ступенек (когда-то здесь была лестница) и пошагал по тропинке, которая оказалась вдвое уже, чем предыдущая, и к тому же втрое более скользкая.

И вот тогда началось то, чего шут Манера Улыбаться пытался избежать. Начались неприятности.

Но не сразу.

Поначалу все было спокойно, лишь в воде по сторонам тропинки порой раздавался плеск, когда какая-нибудь жаба, торопясь избежать безжалостных шутовских башмаков, упрыгивала и уквакивала прочь.

Началось все с того, что мигнул огонек. Гуффин не сразу обратил на него внимание. А между тем огонек загорелся снова. Уже ближе. А потом снова погас.

Слякоть словно замерла. На нее опустилась зловещая тишина. Ветер стих совсем, даже морось, раздражавшая шута весь день, прекратила сыпаться.

Вода застыла, кувшинки застыли. Кукла в мешке тоже застыла. Она вдруг почувствовала исходящий от шута страх.

Свет мигнул уже в какой-то сотне ярдов по левую руку.

— Что здесь творится, подерите вас...

Жуткий, нечеловеческий крик прервал шута. А затем к нему добавился не менее жуткий, но уже вполне человеческий крик.

А в следующий миг все стихло.

Мигнул фонарь. Он был так близко, что Гуффин даже различил руку, что его держала, и искаженное ужасом лицо.

А затем фонарь мигнул в последний раз. Послышался короткий вскрик, звякнуло разбившееся стекло, и все стихло.

— Так, самое время отсюда убираться... — Гуффин крепче сжал ручку тележки. Пускальзываясь и спотыкаясь, он поспешно пошлепал по дорожке.

— Нет уж! — бормотал он себе под нос. — Ни о каком пути в обход топей больше не может быть и речи. Переправа... только переправа...

За спиной вдруг раздался хруст, и шут замер. Медленно обернулся...

На дорожке никого не было или... Пойдите! Что это за темная фигура стоит по пояс в воде?!

Нет, это какая-то коряга... Слава бубенчикам на колпаке! Просто коряга...

Гуффин продолжил бормотать, успокаивая самого себя:

— Крики на болоте нас не касаются, так ведь? У нас свои дела...

Он потопал дальше, все приговаривая о том, как ему не страшно и какой он смелый. Но тут вдруг все повторилось: не прошел Манера Улыбаться и десяти шагов, как хруст за спиной раздался снова. На этот раз он прозвучал совсем близко, будто бы прямо над ухом.

Гуффин отпустил ручку тележки и выхватил из кармана пальто продолговатый зеленый цилиндр.

— Кто здесь? — дрогнувшим голосом спросил он темноту. — Я вас не боюсь!

И тут хрустнуло снова. Снова за спиной. Шут обернулся и... тут он все понял.

— Мерзавка, это ты там скрипишь?! — яростно прошипел он.

— Я пытаюсь починить ножку... — жалобно всхлипнула Сабрина в мешке.

— Да будь ты неладно, проклятое полено! Прекрати немедленно, или я тебе и вторую ногу сломаю!

Сабрина заплакала, а шут, обзывая куклу худшими словами, продолжил путь к переправе.

И все же за злобой ему не удалось скрыть то, как он напуган. Гуффин боялся так сильно, что уже не замечал вездесущих комаров и почти даже не проклинал все на свете, когда поскальзывался на мшистых камнях заболоченной мостовой.

Гуффин даже перестал оборачиваться, а все потому, что с определенного момента он перестал себе доверять: фантазия рисовала в каждом кусте, в каждой коряге или ржавой почтовой тумбе фигуру в черном, наблюдающую за ним. О, он прекрасно знал, кто здесь может таиться. И меньше всего хотел столкнуться с ним...

Наконец дорожка оборвалась, уйдя под затянутую кувшинками воду.

Шут остановился.

У края воды стоял высокий чугунный столб, на вершине которого расположились фонарь и колесо с натянутым на его обод тросом. Трос тянулся над болотом к очередному столбу, а оттуда — к еще одному, и так дальше, пока не терялся в темноте.

К тому столбу, что был на берегу, прислонилась небольшая тумба с вывеской «Переправа», под которой значилась приписка: «Зажги фонарь».

Грохнув мешок с ойкнувшей куклой на землю, Гуффин открыл дверцу на тумбе и переключил торчавший в ее глубине рычажок. Самовзводное огниво чиркнуло, и промасленный фитиль в плафоне над головой, фыркнув, загорелся; не прошло и минуты, как фонарь облепили стрекозы.

— Что дальше? — Гуффин шморгнул носом и взялся исследовать тумбу на предмет рычагов, которые он, видимо, должен был дернуть, чтобы переправа заработала. Впрочем, сломать он ничего не успел, так как тут колесо на столбе пришло в движение и начало вращаться; канат на ободе, в свою очередь, натужно заскрипел, будто старый каторжник, вознамерившийся рассказать случайному слушателю о своей горемычной судьбе.

— Подождем... — Шут поежился в своем пальто и огляделся по сторонам. Кругом, кроме темноты и вездесущего камыша, казалось, ничего было.

Гуффин всматривался в заросли у дорожки — ему померещилось, что они как-то уж подозрительно колышутся, и крепко сжал в кармане свое тайное оружие — не хотелось бы пускать его в ход.

Сабрина также наблюдала за болотом — из мешка. Она никого не видела, но это не значило, что поблизости никого нет. Ей стало страшно.

— Ну давай же... быстрее...

Над зеленоватой водой ползла серая дымка. Стрекозы с легким стуком бились о плафон фонаря, скрипел проворачиваемый трос.

И тут вдруг Гуффин издал булькающий звук, словно подавился — это он так выражал радость: над болотом появился огонек.

Вскоре огонек превратился в фонарь, который свисал с крыши небольшой ржавой кабинки, ползущей под протянутым над болотом тросом.

Кабинка приблизилась. Внутри сидел неприятного вида тип в потертом моряцком

бушлате; почти все его лицо было скрыто под нависающими мохнатыми бровями, плавно перетекающими в черную щетину. Высунув голову в вязаной шапке из окошка, он придирчиво оглядел будущего пассажира.

Между тем кабинка причалила. С невероятным скрежетом на двух распорках откинулась дверка-трап.

Гуффин уже собрался было подняться на борт, но здоровяк преградив ему путь, встал в проходе:

— Не так быстро! — рявкнул он. — Оплата вперед.

Кислое лицо Гуффина выдавало, что он намеревался пересечь Слякоть в кабине канатной дороги бесплатно, а потом что-нибудь придумать, чтобы увильнуть от оплаты. Но это был Фли — здешним, так сказать, *городским служащим* палец в рот не клади.

Шут нехотя полез в карман пальто.

— У меня есть огрызок мыла, мышеловка и дохлая кошка.

— Три фунта.

— Что?! — вскинулся Гуффин. — Это обдираловка!

— Тедди и Тодди Гриммсоны не катают никого за так!

— А где Тедди? — Гуффин привстал на носочки, пытаясь разглядеть в кабине еще кого-то, но там был лишь этот недоброжелательный тип.

— Тедди Гриммсон — это я, — сказал неприветливый обладатель черного бушлата. — А мой брат Тодди — на том берегу, на улице Глухих Старух, кочегарит у топочки. Три фунта, или проваливай...

— Почему сразу три? Был же фунт когда-то!

— Ну да. Так фунт и есть. За одного. А ты добавь мешок и ящик. Кто его знает: вдруг у тебя в них еще парочка твоих приятелей горбится, и вы пытаетесь обмишулить братьев Гриммсон.

— Да никого там нет, клянусь своими пятками!

— Три фунта. — непоколебимо сказал мистер Гриммсон. — И без шуточек... — добавил он, многозначительно скосив взгляд на ржавый револьвер, торчащий у него из кармана бушлата.

— Цены, как в Саквояжне какой-то, — проворчал Гуффин и достал из дыры под подкладкой пальто три фунта.

— Осторожнее с оскорблениями. — Мистер Гриммсон выхватил денежки у шута из руки и отодвинулся в сторону, пропуская пассажира.

Гуффин заволок в кабинку тележку с ящиком и мешок. При этом из мешка раздался жалобный всхлип.

Гриммсон хохотнул.

— Я так и знал! С тебя пятки! Кто там у тебя, приятель?

— Да ворчливая женушка, — огрызнулся Гуффин. — Везу на рынок продавать: всю плешь проела — куплю себе новый парик...

Смеясь, мистер Гриммсон поднял дверку-трап и дернул за ручку сигнального троса. Спустя минуту колесо на столбе вновь начало вращаться. Канатная дорога пришла в движение.

— Болотной болезнью не страдаешь? — спросил здоровяк. — Кое-кого укачивает.

Гуффин лишь поморщился...

...Кабинка, чуть покачиваясь, ползла в футе над гнилостной зеленой водой.

Облокотившись на бортик, Гуффин глядел вниз и угрюмо наблюдал за отражением своего носатого лица, которое ползло меж кувшинками и торчащими над поверхностью корягами.

Переправщик, усевшись в единственное кресло, закурил трубку — кабинка тут же наполнилась зловонным черным дымом. Шут закашлялся.

— Только комаров морить... — негромко сказал он, не подозревая, что Гриммсон как раз для этого и использует табачный дым.

— Тихий вечерок, — проронил переправщик — по всей видимости, он был настроен скоротать путь за разговором.

— Да уж, — буркнул шут. Он, в свою очередь, был не особо расположен к задушевым беседам, но Гриммсон уже завел свою шарманку:

— Я так понимаю, ты путь держишь на пустырь Торгашей. Ящик тоже туда везешь?

Гуффин в ответ издал нечто неопределенное, и переправщик продолжил:

— Бродить по Слякоти с наступлением темноты — затея беспечная. Особенно для чужаков.

— Встречу чужака — передам.

— Ты же, вроде, не из местных будешь?

— Из местных.

— Что-то не видел тебя прежде, приятель. Да и в целом... — Гриммсон шумно втянул носом воздух, — несет от тебя саквояжником.

— Никакой я не саквояжник, — с оскорбленным видом вскинулся Гуффин. — Я, вообще, ненавижу Тремпл-Толл, если хочешь знать! Глаза протри — я из Фли!

— Ладно-ладно, — примирительно поднял руки здоровяк. — Просто я тут всех знаю, а тебя уж точно запомнил бы.

— Я, может, тоже многих тут знаю, а тебя не помню! — ответил Гуффин и тут же сам понял, насколько странно это прозвучало, учитывая, что в Слякоти есть лишь одна переправа, и все в Блошинном районе знают, кто на ней работает.

Гриммсон залился лающим смехом.

— Забавный ты, мистер. Так откуда будешь: из Крысиного угла или из Трущоб-сквера?

— Из Трущоб-сквера.

— О, захаживаю туда изредка. Что, Бабуля Терпин все еще выгуливает своих крыс у моста Гротта? Хорошо помню эту ворчливую старую дрянь. Чтобы тебя ненавидел весь квартал — это надо постараться.

— Ну да. Вчера только видел ее. Пожелал ей сломать себе ногу.

— Вчера? — удивленно поднял бровь мистер Гриммсон.

— Ну, или позавчера... — осторожно ответил Гуффин, почуяв неладное.

— И как тебе это удалось, скажи на милость, если старуха померла еще прошлой зимой? — Гриммсон выразительно глянул на пассажира, и тот принялся клясть себя на чем свет стоит: попасться на такую простую уловку! — Ее загрызли собственные крысы. Она даже их умудрилась вывести из себя.

— И что? — Хоть шут и понимал, как сглупил, но идти на попятную — это значило признаться во лжи. — Тоже мне новость! Как будто я не видел, как ее хоронили. Да я был одним из тех, кто подложил Бабуле Терпин трупных червей в гроб! Я ж не про нее саму говорил...

— Это как? — округлил глаза переправщик.

— Ты же помнишь, какой она была злобной? — Мистер Гриммсон кивнул, и шут продолжил: — Так вот, на третий день после похорон она вернулась. Ну, не сама, ясное дело, а ее... призрак.

Гуффин и Гриммсон одновременно суеверно сплюнули через плечо.

— Призрак? — пораженно повторил перевозчик, и они с шутком снова сплюнули.

— Ну да. Ее злобный дух бродит по мосту Гротта ночами, ворчит, стонет и выгуливает дохлых крыс — волочит их за собой на поводках.

— Ну надо же! Вот ведь невидаль!

Шут попытался угадать, понял ли Тедди Гриммсон, что он лжет: любой здравомыслящий человек ни за что бы не поверил в подобные рассказы. И перевозчик, разумеется, не поверил ни единому слову.

— Мертвая старуха бродит по мосту... жуть! — сказал он тем не менее. — Если кто и вернулся бы с того света, чтобы портить жизнь соседям, то это была бы Бабуля Терпин. Я тебе верю. Сразу видно, что ты из местных, приятель...

Шут самодовольно кивнул и отвернулся.

Гриммсон высунулся из окна и перещелкнул рычажок на фонаре — тот мигнул пару раз. Гуффин не заметил, как в ответ мигнул далекий огонек на берегу, к которому ползла кабинка.

Гуффина его подозрительные манипуляции не волновали. Он глядел на воду и раздумывал о своем.

Кувшинки покачивались и расползались в стороны. Но ведь кабинка не плыла по воде... что же их тогда разгоняло?! Шуту вдруг показалось, что их что-то преследует. Его страхи вернулись.

«Что это там такое в воде?» — подумал он, наклонившись ниже и пытаясь рассмотреть что-то, но ничего так и не увидел, кроме своего раздраженного отражения.

— Это не он. — Мистер Гриммсон усмехнулся и выдохнул очередное облако дыма.

— Что? — Гуффин повернул к нему голову.

— Ты, верно, думаешь, что это там в воде?

— Ничего такого я не думаю, — поморщившись, солгал шут.

— Все слышали о том, кто живет в Слякоти, — продолжил Гриммсон, пристально глядя на пассажира. — И я говорю не о жабах да лягушках.

— Блютэгель, — кивнул Гуффин и вновь высунул голову из кабинки.

— Мистер Блютэгель, мистер Слякоть, Папаша Личчи — у него много имен.

Гуффин задумчиво сказал:

— Один мой приятель рассказывал, что его кузен однажды забрел сюда ночью и...

— Дай угадаю: его сожрали?

Гуффин закашлялся, пытаясь протолкнуть вставший в горле ком, а Гриммсон добавил:

— Это все досужие рассказы. Замшелая городская легенда. Мы с братом на переправе уже почти два десятка лет, и ни разу его не видели. Поверь, если бы мистер Блютэгель существовал, мы бы его заметили. Скорее всего, кузен твоего приятеля просто застрял в топях. Или... — переправщик мрачно глянул на шута и ненавязчиво коснулся рукоятки револьвера, — наткнулся на тех, кого встречать не стоило...

Его слова прервал скрежет. Кабинка вдруг остановилась и закачалась на пружинящем тросе.

Гуффин недоуменно обернулся к Гриммсону — тот выглядел не менее удивленным.

— Что стряслось? — спросил шут. — Мы ведь еще не прибыли.

Гриммсон достал из кармана бинокль.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он, уставившись в него.

— Поломка? — скривился Гуффин. — Поломки преследуют меня весь день.

— Трос остановился. Видимо, уголь выгорел. Странно... Тодди ведь должен кочегарить топку...

Гриммсон дернул за ручку сигнального троса, но без толку: ответа не последовало, и кабинка не сдвинулась с места. Тогда он свесился из окошка и несколько раз погасил-зажег фонарь. Снова глянул в бинокль. Далекая искорка на берегу мерцала, как и прежде.

— Не отвечает...

— Мы застряли?

Вместо ответа Гриммсон открыл люк в днище кабинки. Он дернул установленный там рычаг, переводя кабинку в ручное, или, вернее, ножное управление. Из-под днища выдвинулись спаренные лопасти — с всплеском они погрузились в воду. Переправщик уселся в кресло и принялся крутить педали. Кабинка неуверенно поползла вперед.

— Не нравится мне это... Неладное что-то...

Остаток пути прошел в напряженном молчании...

...Сумбурное и непонятное «неладное», о котором говорил Гриммсон, обрело плоть, когда кабинка со скрежетом вгрызлась днищем в землю.

Гуффин выглянул из окошка, и открывшаяся картина вызвала у него оторопь. Что-то здесь произошло...

На этом берегу стоял точно такой же столб с колесом, как и на том, с которого они отчалили. Возле столба разместилась паровая машина, управляющая канатной дорогой: дым из труб не шел, топка уже почти остыла. Рядом с машиной одиноко примостился пустующий стульчик, а из кучи угля торчала лопата. Кочегара нигде не было. Лишь шляпа-котелок валялась на земле возле стула.

— Эй, Тодди! — позвал переправщик. — Ты куда подевался?

Не дождавшись ответа, Гриммсон откинул дверцу-трап.

— Вылезай! — велел он, но Гуффину отчего-то совершенно не хотелось следовать его приказу.

— Я уж как-то тут обожду.

— Не обождешь! Выполз на берег, я сказал...

Больше переправщик не был похож на того душевного, хохотливого человека, каким казался все время в пути. Сейчас он выглядел, как тот, кто запросто может содрать с вас три шкуры.

Желание ответить плохой шуткой на этот раз могло обернуться настоящими неприятностями, и Гуффину ничего не оставалось, кроме как послушаться — взвалив мешок на плечо, он выкатил из кабинки свой ящик.

— Эй, Тодди! — вновь позвал переправщик, ступив на берег следом за пассажиром. Но, как и в прошлый раз, Слякоть ответила молчанием. — Ты где?!

Шут решил, что сейчас наилучшее время удалиться, пока он не встрял в нечто по-настоящему мерзкое.

— А ты куда направился? — Гриммсон схватил его за рукав.

— Мне вообще-то пора, — промямлил Гуффин. — Чаепитие у тетушки Маклур. Смертельно опаздываю...

— Никуда ты не пойдешь, — прошипел переправщик и выхватил из кармана револьвер.

— Но я же заплатил... — заныл Гуффин. — Я не хочу...

Но что именно он не хотел, так и осталось тайной. В стороне, у камышей, раздалось хлюпанье.

Гриммсон повернул голову на звук.

— Тодди...

Гуффин попытался разглядеть, что там такое. Не сразу он различил распростертое на земле тело с раскинутыми в стороны руками. Над телом склонилось нечто бесформенное, похожее на ком, слепленный из ила, листьев и коряг. Это нечто будто обнимало кочегара Тодди Гриммсона, обволакивало его и... поглощало. Приглядевшись, Гуффин увидел лоснящуюся черную шею, сморщенную и похожую на гармошку. Шея плавно переходила в покатуую голову в плесневелом цилиндре.

Существо слилось смертельным поцелуем с головой мертвеца. Скула, ухо, щека и правый глаз Тодди Гриммсона исчезли в присосавшейся пасти, а левый глаз незряче уставился на свидетелей этого кошмара. Тело кочегара дергалось в такт пульсации твари, уродливая туша которого раз за разом сокращалась и расширялась, высасывая из него кровь.

Переправщик, пораженный увиденным, распахнул рот.

— Нет! Папа! Что ты делаешь?!

У шута глаза на лоб полезли: «Папа? Это страшилище — отец братьев Гриммсон?»

Монстр с мерзким хлюпаньем оторвался от головы мертвеца и повернулся к переправщику и его пассажиру. Фонарь высветил занимавшую почти все лицо круглую пасть. Огромная пиявка в изодранном пальто и цилиндре колыхалась из стороны в сторону над мертвецом.

Это был тот, о ком в Фли ходили жуткие истории, — мистер Слякоть, Блютэгель.

В отличие от Гуффина, Тедди Гриммсона вид монстра несколько не испугал — лицо переправщика исказилось от негодования:

— Ты должен пожирать чужаков! Болванов, которых мы к тебе приводим! Ты сожрал Тодди! Плохой... плохой папа!

Гуффин неожиданно понял, к чему были вопросы переправщика: тот узнавал, можно ли скормить пассажира этой твари, чтобы потом они с братцем поживились тем, что он везет. Вот такое у них семейное дело: местных провозят, а чужаков грабят. Вернее, их обескровленные трупы.

Но на этот раз что-то явно пошло не так.

Пиявка поднялась, выдвинула вперед голову. Гуффин отшатнулся — тварь своим ростом превышала даже здоровяка-переправщика.

— Не подходи!

Гриммсон отпустил шута и вскинул револьвер.

— Я выстрелю! Клянусь!

Но монстр, видимо, не понимал или же ему было все равно. Он шагнул к переправщику и его пассажиру так уверенно и бесстрашно, словно револьверное дуло и не глядело ему в голову.

Воспользовавшись тем, что Гриммсон отвлекся, шут начал медленно отодвигаться в сторону.

Блютэгель все приближался, неотступно и неотвратно; его воронкоподобная пасть то чуть сужалась, то расширялась, словно он пытался ухватить воздух...

Переправщик медлил, револьвер в его руке дрожал.

— Н-не п-подходи...

Когда тварь оказалась в шаге от Тедди Гриммсона, тот все же не выдержал и нажал на спусковой крючок. Раздался глухой стук курка, и... никакого выстрела не последовало.

Гриммсон раз за разом жал на спусковой крючок, но результат был все тем же — оружие насквозь проржавело.

Гуффин меж тем пятился к дорожке, ведущей прочь с переправы, при этом он всем своим существом надеялся, что тварь сожрет коварного переправщика, и тогда он сможет ускользнуть...

Гриммсон яростно постучал по револьверу, пытаясь таким странным образом привести оружие в чувство, и этих мгновений пиявке хватило, чтобы приблизиться к нему.

Переправщик поднял голову...

Пиявка нависла над ним. Ее складчатая шея исходила мелкой дрожью, из круглой черной глотки, расположенной сразу за похожей на рукав пальто пасти, исторглось утробное ворчание.

— Нет! — закричал переправщик, и в следующий миг пиявка набросилась на него. Пасть охватила голову Гриммсона. Какое-то время тот еще дергался и пытался отбиваться, но прошло мгновение, другое, и он затих. Из руки выскользнул револьвер. Тело обвисло и рухнуло на землю.

Блютэгель склонился над ним. Его черная склизкая туша запульсировала и начала раздуваться.

Тем временем Гуффин, не отрывая взгляда от пиявки, пожирающей своего уже второго сына, отходил все дальше и дальше. Он двигался с максимальной осторожностью, чтобы не привлечь внимание твари каким-нибудь неосторожным звуком, и вскоре оказался на мощеной булыжником дорожке, за которой уже виднелись очертания домов на улице Глухих Старух.

И тут колеса его тележки предательски скрипнули...

Блютэгель поднял голову.

— Проклятье...

Пиявка, видимо, решила устроить себе настоящий пир.

Шут бросил мешок на землю; из него тут же раздался треск и плач, но ему сейчас до этого не было дела.

— Ну не надо... — попросил Гуффин. — Давай обойдемся без третьего блюда...

Блютэгель распрямился. Покачиваясь, он направился к застывшему шуту. Напившись крови, пиявка разрослась до невероятных размеров. Монстр вырос еще минимум на три-четыре головы, его кольшущееся, исходящее волнами брюхо обвисло почти до самой земли.

Гуффин в отчаянии рылся в кармане.

— Где же ты?! Где?!

Шут до последнего не планировал использовать свое тайное оружие, но, если он сейчас будет тянуть и медлить, следующим сожрут его.

О, вот и оно!

Гуффин выхватил из кармана тонкий зеленый цилиндр. Тот не выглядел хоть сколько-нибудь опасным.

— Спички! Куда же я засунул спички?!

Спички обнаружили в кармане штанов.

Блютэгель приближался, роняя с пальто обрывки ила и листья...

Гуффин, чиркая одну за другой спички о свою щетинистую щеку и ломая их (щека отсырела), попятился, и тут под ногу попала подлая коряга, которая, вне всякого сомнения, была в сговоре с жуткой тварью.

С визгом шут упал и выронил спичку. Из руки выкатился зеленый цилиндрик...

Сабрина ворочалась в мешке. Она пыталась найти дыру, хотела увидеть, что там происходит, но мешковина перепуталась — кукла хваталась за нее, торопливо перебирала ее пальцами, но все не могла отыскать свое импровизированное окошко...

Она не видела того, что Блютэгель уже нависает над Гуффином. Не видела, как черная голова склоняется к своей жертве...

Гуффин скреб пальцами по земле в попытках дотянуться к своему зеленому цилиндру...

Тень твари наползла на него, огромная фигура закрыла собой фонарь...

Спичка!

Шут схватил цилиндр и зашарил по земле, пытаясь нащупать оброненную спичку, а тварь наклонялась над ним все ниже...

— Нет! — истошно завопил Гуффин. — Оставь меня!

Пиявка навалилась на него, он ощутил исходящую от нее вонь прелости и гнилостной затхлости...

«Все не может закончиться так! — пронзил Гуффина отчаянная мысль. — Не может...»

А в следующее мгновение началось настоящее светопреставление. Раздался пронзительный вой. Берег залил красный свет. У переправы появились люди.

Кто-то кричал:

— Оставь его, пиявка!

Чьи-то руки оттащили шута прочь.

Между ним и Блютэгелем возникла здоровенная фигура.

Незнакомец держал в руках странное устройство — с виду оно походило на обычный керосиновый фонарь, но свет из него выбивался короткими резкими толчками. Из фонаря торчали три медных раструба. Именно они издавали этот пронзительный вой.

— Пошел прочь! — закричал нежданный спаситель. — Убирайся!

Рядом с ним появился еще один мужчина, он был вооружен длинным багром.

Сабрина наконец нашла дыру в мешке и со смесью страха и любопытства выглянула наружу.

Пиявка застыла.

Один из знакомцев ткнул в нее багром, другой направил свою сирену монстру прямо в рожу.

Перепуганный ярким бьющим светом и воем, вырывающимся из труб, Блютэгель попятился. Человек с фонарем и второй, с багром, наступали на него.

Пиявка отползала, раскачиваясь, из стороны в сторону, ее голова в цилиндре ходила ходуном.

Незнакомцы шаг за шагом теснили тварь к воде — секли ее красным светом вспышек, заливали ее воем из труб, тыкали в нее багром.

В какой-то момент Блютэгель не выдержал. Развернувшись, он бросился к болоту. Всплеск! И буро-зеленая вода поглотила его.

— Ты видишь пиявку?! — один из незнакомцев пытался перекричать вой труб.

— Ушла! — ответил другой. — Она ушла! Выключай!

Рычажок щелкнул, фонарь медленно, словно нехотя, погас, трубы заглохли.

Оба спасителя еще какое-то время глядели на воду, но пиявку видно не было. Волнение на поверхности болота улеглось и даже побеспокоенные кувшинки замерли.

Сидящий на мостовой шут пальцами ковырял в ушах, но в них все еще стоял вой, и лихорадочно моргал — в глазах по-прежнему рябило от вспышек.

Вскоре и слух, и зрение вернулись в норму, Гуффин оперся руками о камни брусчатки и, пошатываясь, поднялся на ноги. Оба незнакомца подошли к нему.

— Жив, приятель? Кажется, сегодня твой счастливый день, — сказал один из них.

— Да уж, — добавил второй. — Чуть не сожрали...

Гуффин кивнул. Испуганно глянув туда, где скрылся Блютэгель, он попытался унять дрожь. Шут был все еще огорошен происходящим и не верил, что все закончилось.

— Вы подоспели как нельзя вовремя. Эта тварь уже пускала на меня слюни. Если бы вы ее не прогнали...

Гуффин замолчал.

Незнакомцы с самодовольным видом переглянулись. Гуффин многое знал о самодовольстве и начал догадываться, что здесь происходит. По лицам этих весьма отталкивающих типов шут понял, что спасением здесь и не пахнет.

Он подался назад, но тут за его спиной возникла юркая тень. Гуффин повернул было к ней голову, но слишком поздно. В затылок ему врезалась дубинка. В глазах потемнело, и он упал на землю как подкошенный.

— Да, мы подоспели очень вовремя. Хи-хи...

Один из незнакомцев, крихтя, взвалил на плечо бессознательного шута, другой схватил мешок, ну а третий, коротышка, который исподтишка ударил Гуффина, подобрал с земли зеленый цилиндр и взялся за ручку тележки.

— От нас не ускользнешь, — сказал громила с мешком.

— Да уж, — согласился второй, похлопав Гуффина по спине. — Мы — что та тряпина — затащим обратно...

Ну а третий, поволокший тележку к воде и причаленной там лодке, добавил:

— Обратно в Слякоть...

***

В сердце Слякоти, на одиноком островке посреди болота, стоял кривобокий двухэтажный дом с зеленой крышей. Это была харчевня «Мокрица» — известное и уважаемое среди местных заведение.

Парадные двери харчевни выходили прямо на дощатые мостки, у которых всегда теснились лодчонки жителей Слякоти. Почти в любое время в окнах «Мокрицы» горел свет, и по округе разлетались отзвуки музыки, нетрезвые крики да нескладные песни. Часто можно было услышать ругань, оканчивающуюся всплеском, когда местные громилы выбрасывали кого-то из перебравших завсегдатаев прямо в воду, к пиявкам.

Заправлял всем здесь Карл Боттом, которого местные называли не иначе как «Безносый Карл». Человек это был жестокий, черствосердый, обладающий тяжелым, как наковальня за пазухой, характером. С ним не стоило спорить, да и в долг он не наливал. И все же многие

жители Фли были только рады отдавать ему последние гроши за кружку «Дурбадура», пошла, состоящего в основном из машинного масла и камышовой настойки, щедро разбавленной болотной водой. Местные готовы были мать родную продать за лишний глоточек «Дурбадура», и кое-кто даже пытался.

Обо всем этом Сабрина узнала из разговоров типов, которые схватили их с Гуффином...

Как и до того, она сидела в своем мешке и боялась шелохнуться. Весла взрывали воду, разгоняя жаб и кувшинки. В лодке, помимо пребывающего без сознания шута и куклы, находились трое: два здоровенных уродливых громилы и мальчишка лет десяти.

В какой-то момент Сабрина все же решилась выглянуть через дыру, чтобы рассмотреть похитителей. Один из громил обладал шишковатой короткостриженной головой, черные мешки под его глазами отвисали едва ли не до подбородка. Другой громила, с редкими залезанными назад волосами, мог похвастаться закрученным кверху едва ли не спиралью кончиком носа. У обоих типов уши представляли собой крошечные сморщенные комочки. Все это было следствием «Дурбадура», к бутылке которого то один, то другой регулярно прикладывались, умудряясь одновременно и грести, и обсасывать горлышко зеленоватой бутылки.

— Мне тоже! — пищал мальчишка. — Тоже хочу глоточек!

— Ну нет, — хохотнул курносый. — Твой дядя запретил тебя напаивать.

— А мне плевать! — раздраженно бросил капризный мальчишка. — Хочу!

— Не раскачивай лодку, Пиглет, можешь свалиться за борт, — проворчал громила с мешками под глазами.

Но мальчишка так просто сдаваться был не намерен:

— Я скажу дяде, что вы меня побили, если не дадите сделать глоточек из бутылки!

Громилы переглянулись и расхохотались.

— Да он нас только похвалит.

— Ну да, надо же, чтобы кто-то воспитывал кроху Пиглета, пока он готовит вечер боев.

Долго Сабрине, что это за бои такие, гадать не пришлось: громилы тут же завели о них речь.

Оказалось, что три раза в неделю Безносый Карл, упомянутый дядя Пиглета, проводил в подвале харчевни бои канавных сомов, и различные любопытствующие прибывали поглазеть на них даже из Тремпл-Толл.

«Что в этих рыбах может быть такого интересного?» — спросил бы кто-то, тут же выдав собственное невежество. Начать с того, что габенские канавные сомы — это не совсем рыбы: хоть они и обитают в воде, им ничего не стоит выбраться на землю, чтобы поймать неосторожную собаку, или ребенка, или решившего прикорнуть возле канавы пьяницу. Сомы эти — злобные прожорливые твари, которым только волю дай — схарчат тебя, а ты и не заметишь. Ну а Безносый Карл, хозяин «Мокрицы», для своих боев отбирал лишь самых больших и зловредных. Он морил их голодом, натирал им усы перцем и подрезал плавники, отчего сомы становились настоящими монстрами, которые знали лишь две вещи: разрывать и пожирать.

Оба громилы и даже мальчишка были большими поклонниками боев. У каждого из них даже имелся свой фаворит. За обсуждением, кто кого бы разорвал и сожрал, оставшаяся часть пути и прошла.

Вскоре лодка пристала к ветхому причалу. Мальчишка спрыгнул на мостки и умело привязал ее к торчащему из воды пню. Громилы достали из уключин весла, очистили их от

налипших пиявок, а затем выбрались следом. Мешок, ящик и их (пока еще) владелец в зеленом пальто оказались на берегу.

Сабрина выглянула наружу, и открывшаяся картина вызвала у нее оторопь.

Задний двор «Мокрицы» был похож на свалку: у облезлых, покрытых мхом кирпичных стен громоздились груды башмаков и плесневелых чемоданов. В углу, неподалеку от черного входа в харчевню горел костер, на вертеле жарилась здоровенная жаба. Рядком у стен стояли огромные бочки, которые то и дело сотрясались — именно там были заперты сомы.

Из харчевни доносились хриплые, спитые голоса. Разнося по болотам нескладную мелодию, громыхал граммофон, и из открытой настежь двери на землю лился дрожащий рыжий свет. Весь задний двор был заставлен стеклянными банками, в которых сидели болотные светлячки — хозяин харчевни использовал их вместо фонарей. Такие банки стояли и на подоконниках самой «Мокрицы», слегка подсвечивая лица и фигуры завсегдатаев. Те были слишком заняты своими делами, чтобы обращать внимание на то, что происходит на заднем дворе. Ну, или же похищения были здесь чем-то обыденным, и никого ими не удивишь.

Бессознательного Гуффина, который сейчас напоминал потрепанное ветром поникшее огородное пугало, приспешники Безносого усадили на стул у костра. Мешок и ящик поставили рядом.

— Пиглет, приведи босса, — велел один из громил, и мальчишка, сорвавшись с места, опрометью ринулся ко входу в харчевню.

Сабрина ждала и прислушивалась. Громилы стояли поблизости и обсуждали, на какую долю от добытого в болотах могут рассчитывать.

«Если они узнают, что я живая, они начнут меня мучить, — испуганно подумала она. — Нужно прикинуться простой куклой! Нельзя шевелиться! Ни в коем случае нельзя шевелиться!»

До нее донесся взбудораженный голос мальчишки:

— ...А потом я как огрел его дубинкой, дядя! А он рухнул прямо в лужу мордой! Ты бы видел! Хи-хи!

— Надеюсь, вы догадались его связать, — ответил, видимо, «дядя».

— Ну да, связали ему ручонки, чтобы не было, как с тем хмырем в прошлый раз.

— Говоришь, он был один? Вы убедились в этом?

Голоса приблизились. Разговор происходил уже прямо над головой Сабрины.

— Ну да. Только он и... кхррм... пиявка.

— Все сделали, как вы велели, босс, — добавил один из громил.

— Ну что ж, — сказал хозяин харчевни, — давайте-ка глянем, что нам принес этот вечер. Начнем с мешка...

Сабрина с ужасом ждала, что же будет.

Громилы развязали мешок и заглянули внутрь.

— Эй, гляньте-ка, босс!

Над мешком склонилось уродливое лицо. Сабрина поняла, почему этого человека называют Безносом: на месте носа у него сидел деревянный протез на проволочных дужках, закрепленных за ушами. Мистер Карл Боттом являл собой лучшую афишу для боев злобных сомов, которые проводились в «Мокрице», — именно один из этих сомов и подарил ему однажды его прозвище.

Сабрина продолжала прикидываться обычной деревяшкой, хотя не отвернуться, когда к

самому твоему лицу вплотную приближается настолько обрюзгшая, нелицеприятная рожа, было довольно трудно.

— Кукла в мешке? — с разочарованием в голосе протянул хозяин харчевни. — Негусто... — он ткнул узловатым пальцем в ее волосы: — Прическа, как... как огонек свечи. — Он обернулся к своим громилам. — Не знал, что Свечники стали набирать в банду кукол.

— Думаешь, этот хмырь в пальто как-то связан с рыжими, дядя? — спросил племянник Безносого.

— Не исключено, Пиглет. Хотя никого из рыжих в Слякоти давненько не видали... В любом случае пора бы вскрыть ящик. Надеюсь, там нас ждет что-то посущественнее.

Послышался треск досок — один из громил взялся за ломик.

— Ну вот... — огорченно выдохнул трактирщик, когда крышка упала в сторону.

— Что это, босс? — удивленно спросил курносый.

Сабрина наострила уши. Сейчас тайна содержимого Гуффиновского ящика откроется! Жаль, Джейкоб ее уже не узнает...

— Ты не знаешь, что это, Гоббс? Ну ты и бестолочь!

— А я знаю, что это, дядя! — вставил Пиглет. — Только чего ж оно такое маленькое?!

— А мне почем знать? — проворчал Безносый. — Может, денег не хватило на большое...

«Ну давайте же! — отчаянно подумала Сабрина. — Скажите, что там!»

Но эти типы не спешили пускаться в разъяснения специально для нее. По раздраженному фырканью Безносого, она поняла лишь то, что хозяин «Мокрицы» явно ожидал увидеть внутри нечто другое. Содержимое ящика, очевидно, не представляло для него никакой ценности.

Трактирщик повернулся к шуту.

— Эй, плесните в него чем-нибудь, — велел он. — Пора потолковать и узнать, где чужак прячет самое ценное. Должно же у этого хмыря что-то быть! Нищие доходяги на воздушных шарах не летают! Обдайте его как следует из ведра с помоями!

В тот же миг Гуффин открыл глаза, и стало ясно, что он какое-то время назад уже пришел в себя и просто прикидывался, подслушивая разговоры Безносого и его прихвостней.

— Только попробуйте плеснуть! — воскликнул он. — Я сам на вас плесну, если вы понимаете, о чем я!

Громила с мешками под глазами уже начал было примеряться, чтобы опустошить дощатое ведро, полное зеленой слизи, но хозяин его остановил, вскинув руку.

— Мы можем обойтись без купания, приятель, — ехидно заметил он. — Если ты скажешь нам, где шмуггель.

— Что еще за «шмуггель»? — соорил невинные глазки Гуффин и тут же сам разоблачил свое мнимое неведение: — И, вообще-то, правильно говорить «шмуггер».

— Это где ж так принято? — встрял курносый громила. — В Блошине все говорят «шмуггель».

— А вот и нет. В той части Блошиного района, откуда я, говорят «шмуггер», и только так правильно...

— У вас там все языка что ль не знают? Не «шмуггер», а «шмуггель», у нас тут любая жаба это знает.

— А вот и нет!

Терпение Безносого лопнуло, как пузырь на глади болота.

— А ну, заткнулись! Оба! Ты, хмырь, что-то слишком уж языкаст! Думаешь, можно меня отвлечь своей болтовней? Где контрабанда?

— Какая еще контрабанда? Я ни в чем таком замечен не был...

— Как и остальные шмугглеры, пока их не схватили за жабры. Но мы прекрасно знаем, что возят сюда на воздушных шарах. Дурман, желудевые карты, газ «Эйрин» и тому подобное. Где ты прячешь шмуг... свой груз?

— Я не шмугглер. И ничего у меня нет.

— Так мы и поверили. Не заставляй меня отправлять тебя в погреб к Финчеру!

— Что еще за Финчер? — удивился Гуффин.

— Это один из старейших обитателей «Мокрицы», — ответил хозяин харчевни. — Будешь строить угря и изворачиваться — познакомишься с ним.

— Зря вы меня схватили, — злобно прошипел шут. — И лучше бы вам меня отпустить, пока не стряслось с вашими головешками чего...

— Он еще и угрожает, — ухмыльнулся хозяин харчевни. — И с чего же нам бояться такого жалкого типчика?

— Вам стоит не меня бояться, а того, кому я везу эту куклу.

— И кому же?

— Его шутовской темности Талли Брекенбоку. Слыхали о таком?

О, эти типы слыхали. Они тут же, не сговариваясь, изменились в лице. Громилы испуганно переглянулись, а мальчишка шумно сглотнул. И все же Безносый был не робкого десятка.

— Если мы скормим тебя сомам, Брекенбок ничего не узнает, так ведь? Общайте его, парни.

Двое громил схватили Гуффина и профессионально полезли в карманы пальто шута. Раздался щелчок, и курносый тут же с визгом выдернул руку — на его пальцах висела мышеловка. Типа с мешками под глазами ждал сюрприз ненамного лучше. Он с отвращением извлек руку из шутовского кармана — та вся была покрыта зелеными соплями: Гуффин, считая, что носовыми платками пользуются лишь дурачье да снобы, сморкался в руку, а потом складировал сопли в карман.

Шут самодовольно скривился.

Обиженные громилы вцепились в ворот его пальто.

— Босс, может, просто выпотрошим его?

— Да, позвольте нам выбить из него всю дурь!

Но Гуффин угроз не боялся. Его больше интересовал мальчишка или, вернее, то, что тот сжимал в руке.

— Эй ты, карлик! — завопил шут. — А ну, положи, пока пальчики не обжег. Это вообще-то не игрушка для глупых детей!

— Никакой я не глупый! — оскорбленно ответил Пиглет. — Это, вообще-то, я заметил, как ты прилетел на шаре! Так что мне тоже причитается доля от шмуггеля. Это теперь моя шутиха! И я ее зажгу!

— Не смей!

— А вот и зажгу!

— У тебя даже не выйдет! Ты слишком глупый ребенок для этого!

— А вот и нет!

Мальчишка выхватил из кармана пиджачка спички.

— Не делай этого, Пиглет! — закричал Безносый, догадавшись, что задумал пленник, но было слишком поздно: мальчишка поджег фитиль.

Огонек с шипением пополз по бечевке, а затем... в воздух вырвался искрящийся столб спящего зеленого пламени.

Все присутствующие заворуженно уставились на фейерверк. Изумрудные искры разлетались снопами, закручивались спиралями, а затем собрались в небе над харчевней в виде скалящейся шутовской рожи в колпаке.

Безносый ожидал взрыва, но тот так и не последовал. Это была просто шутовская шутиха. Зеленая рожа исчезла, фейерверк отгорел довольно быстро. Искры рассыпались дождем и осели на заднем дворе, с шипением погасли на поверхности луж, на растущих повсюду грибах и на сваленных грудями чемоданах.

Карл Боттом залился смехом. Прихвостни последовали его примеру, а племянник так и вовсе согнулся пополам.

— И ты этим собираешься отогнать Блютэгеля? — хохотал курносый громила.

— Да его подобное лишь раззадорило бы сильнее, — добавил обладатель мешков под глазами.

Безносый резко вскинул руку, и всеобщее веселье мгновенно умерло.

— Вернемся к нашим делам. Берг, принеси-ка мне мои ножницы.

— Соминые которые? Для плавников?

— Эти самые. Отчекрыжим нашему приятелю пару пальчиков. Думаю, он сразу станет сговорчивее...

Громила направился к черному ходу харчевни.

— Да говорю же, нет у меня никакого шмутгера! — Лицо Гуффина исказилось — тут уж он испугался по-настоящему. — Я просто должен доставить куклу в переулок Гро. Мы ставим новую пьесу! Если отпустите, я раздобуду для вас пару билетиков...

— Нам и без Брекенбоковских затей неплохо живется.

— Ну же, мистер Безносый, будьте благоразумны!

Куда только делась вся шутовская спесь. Пальцы ему, видимо, еще были нужны.

Громила тем временем вернулся с ножницами.

— С какого пальца прикажете начать, босс?

— Выбери сам, — великодушно махнул рукой хозяин харчевни.

Курносый схватил шута, а его приятель, плотоядно ухмыляясь, клацнул ножницами у самого Гуффиновского носа.

— Ладно! — воскликнул шут. — Я все расскажу! И о картах, и о газе «Эйрин»!

— Так бы сразу, — кивнул Карл. — Спрятал груз в болотах?

— Да! Все спрятал!

— Кому вез? Меррику? Или Кроу?

— Мамаше Горбин.

Громилы с недоуменным видом повернулись к боссу.

— Так что советую вам меня отпустить, — добавил Гуффин, но хозяин харчевни лишь покачал головой.

— Если мы тебя выпотрошим и скормим сомам, Мамаша Горбин даже не узнает, что ты здесь был...

— Она точно узнает! Лучше вам с ней не связываться!

— Берг! Мизинец! Начнем с него!

Курносый громила повернулся к шуту, клацнул ножницами, но отрезать шутовской палец ему не удалось...

— Лучше бы вам отпустить его! — раздался вдруг хриплый голос.

Безносый, Пиглет и двое громил недоуменно обернулись. На дощатом причале стояли двое. И эти двое выглядели крайне угрожающе. Оба были одеты в мешковатые штаны и кашлатые вязаные свитера, на головах у обоих сидели черные собачьи маски.

— Откуда вы здесь взялись? — пробормотал перепуганный трактирщик и тут же заметил у причала еще одну лодку — и как они так тихо подплыли?!

— Это наш пленник! — неуверенно сказал Безносый. — Вас это не касается!

Но песьеголовые явно не были настроены спорить. В руке у одного появился тяжелый черный шар, у другого — горящая спичка.

— Лучше бы вам отпустить его! — повторил кто-то из этих двоих (из-за масок было неясно, кто именно). Один из песьеголовых поднес спичку к фитилю бомбы.

— Да! — воскликнул Гуффин. — Поскорее развяжите меня, а то у моих друзей плохо с терпением!

Громилы Безносого нерешительно перетаптывались на месте.

— Босс, что нам делать?

Безносый нехотя кивнул им.

— Развяжите его. Сегодня не лучший день затевать свару со Сворой.

Громилы последовали приказу, и Гуффин, лишь только освободившись от пут, вскочил на ноги, потирая запястья.

— Умное решение! — усмехнулся он. — А теперь, с вашего позволения, я откланиваюсь. Спасибо за гостеприимство. Буду советовать ваше заведение друзьям.

С этими словами он вернул на место крышку ящика, взвалил мешок на плечо и, взявшись за ручку тележки, потопал к причалу.

Безносому Карлу оставалось лишь досадливо скрипеть зубами.

Вскоре Гуффин и его груз оказались в лодке. Оба типа в собачьих масках присоединились к нему. Весла опустились на воду. Лодка отчалила...

Гуффин обернулся и крикнул хозяину «Мокрицы»:

— Зря вы зажгли фейерверк и очень напрасно отказались от билетиков! Теперь грызите локти!

Безносый глядел вслед отдаляющейся лодке и в бессилии сжимал кулаки. До него дошло, что типов в собачьих масках привел сюда свет шутовской шутихи. Он в ярости повернулся к племяннику.

— А ну, иди сюда, Пиглет! — прорычал Безносый. Мальчишка испуганно попятился... Трактирщик схватил племянника за волосы и принялся его избивать. К нему присоединились оба громилы.

Лодка уплывала все дальше, и вслед ей неслись крики Пиглета.

— Не бей, дядя! А-а-а!

Постепенно они стихли.

— Вы появились как нельзя вовремя, — сказал Гуффин типам в собачьих масках. — Подстраховка пригодилась...

— Услуга за услугу, — ответил один из бандитов Своры.

— Мы в расчете, — глухо добавил второй.

Весла негромко хлюпали по воде, лодка ползла через Слякоть. Огни «Мокрицы» вскоре превратились в крохотные искорки, а после и вовсе исчезли.

Сабрину в мешке вдруг посетила пугающая мысль: «Что же еще случится прежде, чем я, наконец, попаду в “Балаганчик Талли Брекенбока”?»»

Глава 6. Собачье общество и другие передраги

Не добро пожаловать в Фли. Здесь вас не ждут, здесь вам не рады, здесь вас обуют и тут же разуют — вот такой парадокс.

Если вам казалось, что Тремпл-Толл — не очень-то гостеприимное место, то выходит, вы ничего не знаете о по-настоящему неблагополучных районах.

Заплутать в Фли проще простого: улочки здесь тесные и извилистые, номера домов не различить из-за ржавчины. Разумеется, вы можете спросить дорогу у констебля, сидящего на прогнившем стуле у тухлявой сигнальной тумбы, но вряд ли он вам ответит — мистер Скергин, скелет в синей форме и спавшем на глазницы шлеме, не особо-то разговорчив.

Даже в лучшее время Фли тонет в сером тумане и навеивает своим видом лишь угрюмые, дурные мысли. Ну а если вам не посчастливилось оказаться здесь после того, как сгустились сумерки... что ж, вас можно лишь пожалеть.

Около восьми часов вечера начинается самое веселенькое время. Из рупоров, развешанных по всему району, с перерывом в десять минут начинают звучать пронзительные трескучие звонки. Свет в окнах и переносные фонари в руках редких прохожих гаснут, но тут же зажигаются другие огни.

Первые искры появляются на Балаганной площади, где находится самый большой в Фли, с позволения сказать, действующий театр «Прекрасная жизнь Фенвика Смоукимиррорбрима». Следом загораются зеленые фонари на канале — там заправляет банда Меррика, отъявленные головорезы и контрабандисты. Дальше в ночной тьме расцветают рыжие огни в моряцких кварталах у Плешивого взморья — члены банды Адмирала потягиваются и вылезают из своих гамаков. Одновременно с ними начинают работать притон Блошинников дядюшки Фобба и заведение Мамаши Горбин на пустыре Мосс-Уилл. После чего огни загораются у Механистов Доберга на черном рынке краденых автоматов, рядом с механическими свалками, и окна Конуры, логова Своры. Не стоит забывать и о Захолустье, где на полях господина Кроу оживают свечные глаза пугал. Ну а более мелких банд в Фли и не перечесать: Крысятники, Душителю Дрю, Старичье, Конвертчики и прочие...

Ночь после трех звонков — это их время: они занимаются «промыслом», торгуют друг с другом, но чаще грызут друг другу глотки. И вся эта мушиная возня заканчивается примерно за час до рассвета, когда различные неблагонадежные личности, только что пересчитывавшие друг другу ребра и зубы, отправляются по домам и становятся довольно приличными (по меркам Фли, разумеется) горожанами. Утром многие из них открывают лавки, мастерские и гардероб-будки (здесь даже есть своя трущобная мода), кто-то садится на трамвай до Тремпл-Толл, а кто-то переправляется у Керосинной заводи, чтобы попасть на фабрики Гари или к железнодорожникам.

Саквояжники считают, что в Фли живут лишь бандиты и прочее отребье, но это не совсем так — может, народ здесь и грубее, чернее и зловоннее жителей Тремпл-Толл, но по сути мало, чем отличается от тех, кто обитает по ту сторону канала. В Блошином районе еще остались старики, которые помнят времена, когда все в Габене считали, что Фли станет вторым Старым центром. Когда это место еще звалось «Флиттон», или «Флиттон-Толл», здесь даже возвели несколько домов-башен, которые местные прозвали «Антресолями», а от

берега Пыльного моря на юг, до старой ветки железной дороги, за которой уже начинаются Пустоши, протянулась редкая цепь опор монорельса, который так и не был запущен.

Фли так и не суждено было стать ни вторым Старым центром, ни даже вторым Тремпл-Толл. Вместо этого он стал местом, где лужа способна превратиться в настоящее болото, где обитают громадные блохи, где темные помыслы можно легко обнаружить как в тесно застроенных кварталчиках, так и на поросших бурьяном пустырях. Он стал местом, где каждую ночь раздаются три жутких звонка, и никто — совершенно никто! — не представляет, кто и зачем их включает.

Три звонка застали шута в зеленом пальто и двух его спутников, обладателей зловещих собачьих масок, на берегу, где они как раз прятали лодку под ворохом старых сетей.

Никто из этой троицы никак не отреагировал на трескучие, царапающие уши и души звуки, но Сабрина в мешке застыла от внезапно охватившего ее ужаса. Ей вдруг почудилось, будто она оказалась посреди бушующего штормового моря, и далекий маяк оповещает о том, что жить ей осталось недолго, ведь безжалостные волны несут ее на прибрежные скалы.

Между тем эхо от последнего звонка растаяло, и страх постепенно отступил. И все же рыжая кукла поняла, что не так уж она и была далека от истины: она потеряна, и неизвестность тянет ее, будто бы волочит за волосы по земле к чему-то жуткому и непоправимому. Что ее ждало впереди? Она не знала. И, честно говоря, даже боялась загадывать.

Спрятав лодку, Гуффин и его спутники оставили Слякоть за спиной и углубились в Грязные кварталы, место, где метла дворника не касалась мостовой много-много пыльных лет.

Они уверенно и довольно быстро шагали по неровной брусчатке улицы Глухих Старух. Один из типов в собачьих масках нес мешок с куклой, закинув его на плечо, другой волочил за ручку скрипучую тележку, а Гуффин, пританцовывая и спотыкаясь, фланировал следом, не отрывая ехидного взгляда от дыры в мешке, в темноте которой прятался круглый пуговичный глаз.

Сабрина боялась спутников Гуффина. Еще сильнее, чем она боялась самого шута. Молчаливые, скрывающие лица и эмоции под собачьими масками... Ох уж эти жуткие маски! Они были грубо сшиты из неровных лоскутов кожи, меха и замши и будто бы вышли из-под пальцев сумасшедшего таксидермиста. Появление человека в подобном головном уборе в каком-нибудь благопристойном обществе, вне всяких сомнений, вызвало бы парочку обмороков и тройку сердечных приступов. Что ж, собачников из Своры редко можно было встретить в благопристойном обществе.

Сабрина догадалась о том, что спутники Гуффина — плохие люди: хорошие не носят на себе собачьи головы, а в карманах — начиненные порохом чугунные бомбы-шары, хорошие не якшаются с такими, как Манера Улыбаться. А еще кукле казалось, что эти мрачные типы злятся. И злятся они как раз-таки на шута.

Ну а Гуффин, словно ничего не замечая, всю дорогу от «Мокрицы» не замолкал ни на мгновение. Сперва он потешался над глупым Пиглетом, который зажег шутиху, потом рассуждал, что бы он делал, если бы «его близкие друзья из Своры» не подоспели вовремя — сильнее всего он сокрушался о том, что не смог бы показывать раздражающим его людям «чайку», если бы ему отрезали пальцы. Затем он пустился в пространные размышления о супе с пивками и о том, каков был бы на вкус Блютэгель, если засунуть его в котел некоей

мадам Бджи. При этом он постоянно рассыпался шуточками разной степени непотребства, и Сабрина могла бы поклясться, что слышит скрип щетины несущего ее мешок человека, когда тот морщится.

Собачники почти всю дорогу молчали, и лишь изредка что-то бормотали в ответ, когда шутовской треп становился совсем уж навязчивым, порой перебрасывались друг с другом короткими неразборчивыми замечаниями, в которых явно проскальзывало нетерпение. Сабрина прямо сквозь мешок чувствовала их неприкрытое желание как можно скорее избавиться от докучливого спутника.

А потом вдруг все изменилось. Сабрина насторожилась сразу, как шут неожиданно замолчал на полуслове. Ей не нужно было высовываться из мешка, чтобы понять: они куда-то пришли.

Гуффин и его спутники остановились.

Один из собачников подкрался к нависающему над улицей дому. Оглядевшись по сторонам, он принялся возиться у старого водостока, рядом с которым обнаружилась дверь черного хода, замаскированная ветошью и заставленная трухлявыми ящиками. Освободив проход, он первым зашел внутрь, остальные последовали за ним.

Оказавшись в доме, Гуффин зажег спичку, и та начала фыркать и шипеть, разбрызгивая кругом пятна рыжего света.

Сабрина осторожно выглянула из дырки в мешке.

Место, в котором она оказалась, выглядело заброшенным. В первый миг кукла решила, что это — тот самый «Балаганчик Талли Брекенбока», о котором было столько разговоров. Впрочем, представляла она себе его уж точно не так. Сабрина полагала, что ее ожидает уличный театр — с пестрыми фургончиками, самодельными афишами и залатанным занавесом, а на деле она попала в... довольно тесное вытянутое помещение с низким потолком, которое больше было похоже на какую-то контору.

На этажи вела лестница, но подняться по ней вряд ли представилось бы возможным: большинство ступеней прогнило и обрушилось. Окна в комнате отсутствовали, а стен не было видно из-за растущей из пола ржавой батареи труб. Каждый из этих проклепанных металлических рукавов изгибался и нависал воронкообразным раструбом над длинным узким столом, что опоясывал все помещение. У стола стояло около дюжины покосившихся крутящихся стульев: войлок на спинках висел клочьями, из дырявых сидений торчали пружины. Повсюду властвовали пыль и запустение — судя по всему, здесь давно никого не было.

И тут Сабрина увидела кого-то в углу! Кто же это?! Жилец? Сторож? Очередной Гуффиновский подельник? В похожем на сгорбленного старика буром коме, который врос колесом в тонкую, проложенную в полу вдоль стола рельсу, смутно угадывались очертания служебного автомата в полуистлевшей форме.

Кукла успокоила себя: от механоида не стоило ждать неприятностей, поскольку голова его склонилась долу, линза моноглаза треснула, скрюченные, покрытые пылью, конечности вжимали в грудь продолговатый ржавый цилиндр-капсулу.

«Любопытно, что в нем?» — успела подумать Сабрина, и тут ее мешок внезапно закачался. Собачник снял его с плеча и грубо опустил на пол, не особо церемонясь о сохранности содержимого.

— Старая пересыльная станция, — сказал он, повернув голову к обладателю зеленого пальто. — Здесь мы прощаемся.

Шут глянул на него с легким прищуром.

— Нет, мой клыкастый друг, — ответил он. — Есть еще одно дело.

— Что? Дело?

— Очень важное дело... — кивнул Гуффин. — Свора должна мне еще кое-что.

Собеседник ответил хрипло и резко — его голос из-под маски вдруг действительно начал походить на раздраженное собачье рычание:

— Мы должны были освободить Блютэгеля — мы освободили. Мы должны были провести тебя через Слякоть — мы провели.

Шут кивнул — он не выглядел испуганным. Или пытался показать, что ему не страшно.

— А сейчас ведите меня в Конуру, — дерзко потребовал он.

Сабрина мало что поняла. Люди в собачьих масках освободили ту жуткую пиявку?! Но зачем? И что же это выходило? Нападение монстра было не случайным?! Гуффин сам его запланировал?!

Обладатели собачьих масок между тем уже начали закипать. А Манера Улыбаться по-прежнему глядел на них насмешливо и с изрядной долей пренебрежения.

— Мы закончили наши с тобой дела, — прорычал человек, который нес Сабрину. — Я, скорее, перегрызу тебе глотку, чем приведу в Конуру...

В угрозе песьеголового прозвучала такая жгучая ярость, что шут дрогнул и чуть подался назад. И все же он не утратил самообладания:

— Не стоит показывать зубы, Деррик, — осклабился Гуффин. — Не забывай, что я сделал для тебя и Красотки Дит.

— Аххррр... ты угрожаешь мне, шут?

Деррик попытался было схватить болтуна в зеленом пальто за горло, но спутник остановил его, положив руку ему на плечо. Шут между тем лихорадочно закачал головой:

— И в мыслях не было! Какие угрозы?! Я вообще милейший человек!

Деррик дернулся в попытке дотянуться до Манеры Улыбаться, но тяжелая рука товарища не пустила его.

— Тише-тише, Джон, — едва слышно прошептал тот, пытаясь успокоить спутника. И, как ни странно, его слова подействовали: яростный зубовой скрежет наполнил собой помещение старой пересыльной станции, и все же пока что Джон Деррик повременил с тем, чтобы наброситься на шута.

— Ай-уф! — Спичка, которую держал Гуффин, обожгла его пальцы. Шут выронил ее и зажег новую.

Но когда свет загорелся вновь, оказалось, что за те пару коротких мгновений, что в старой пересыльной станции властвовала темнота, оба песьеголовых беззвучно подкрались к Гуффину. Его лицо едва ли не уперлось в два собачьих носа и в две оскаленные пасти.

— Ты думаешь, нами можно вертеть, как вздумается? — прорычал Джон. — Мы с Дит доверились тебе. Ты ждал ответной услуги — и мы с братом оказали ее. На этом всё.

— Едва ли, — ответил Гуффин, глядя на клыки, замершие почти у самых его глаз, — ведь наш уговор с Угрюмым все еще в силе...

— Что? — Деррик отшатнулся.

Его брат залился разъяренным смехом.

— Я тебе говорил, Джон, — сказал он, — этой падали нельзя доверять. От него не стоит ждать чего-то, кроме удара в спину.

— И ты был прав, Дик, — с ненавистью в голосе ответил Джон Деррик.

— Эй, повежливее! — деланно оскорбился Гуффин. — Никакого удара в спину. Просто две, почти никак не связанные между собой, сделки: одна — с вами, другая — с вашим жожаком. Мне нужно то, с чем ни ты, ни твой брат, уж простите, не можете мне помочь.

— Подлая тварь... — рыкнул Джон Деррик.

— Возможно, подлая, — сказал шут. — Возможно, тварь. Но не бойся, друг мой я сохраню твою тайну. Я не для того изворачивался и потел для вас с Дит, чтобы сразу же выдать вас ее отцу.

— Не верь ему, Джон, — глухо проговорил Дик Деррик. — Давай просто перережем ему глотку.

— Я за, Дик, — ответил Джон и выхватил из-за пояса здоровенный нож; его брат проделал то же самое.

Сабрина распахнула рот: сейчас что-то будет!

Гуффин уже не выглядел таким развязным, а вся его показная веселость словно выгорела, как очередная спичка. Он понимал, что сейчас не время шутить и зубоскалить. Впрочем, в том, что касалось последнего, тут он в любом случае проигрывал оскалам братьев Деррик.

— Я не так глуп, чтобы связываться со Сворой и при этом не подстраховаться, — злобно сказал шут. — Думаете, я не знал, чем дело может обернуться, когда вы все узнаете?

— Что ты сделал, пададь?.. — прошептал Джон. Теперь в его голосе звучало больше страха, чем злости.

— Кое-кто в вашей Своре знает твою тайну. И если я не появлюсь в Конуре этим вечером, этот «кто-то» все разболтает Угрюмому.

Братья не проронили ни звука. Они понимали, что их переиграли. И все же гордость или, скорее, яростное желание все изменить, сбросить ошейник этого изворотливого типа, не позволяли им сейчас опустить ножи.

Гуффин между тем пустился увещевать да уговаривать:

— Мне, вообще-то, тоже не особо выгодно, чтобы Угрюмый прознал о моем участии в некоей тайной женитьбе. Вряд ли он будет благосклонен ко всем причастным, включая вашего покорного слугу. Думаю, его доверие к моей персоне несколько пошатнется. А мне бы этого очень не хотелось. Но если я не появлюсь в Конуре, Угрюмый все узнает, поэтому для всех будет лучше, если я там появлюсь...

Запустив руку в карман, Гуффин принялся в нем неистово рыться.

Братья Деррик глядели на него настороженно, но шут даже не думал искать оружие.

Наконец шут извлек серебряный хронометр на цепочке и, откинув крышку, уставил пристальный взгляд в циферблат.

— Времени не так уж много, — сказал он. — Мой друг появится в небе над Фли меньше, чем через сорок минут.

— В небе? — удивленно спросил Джон. — Значит, «Старуха»...

Гуффин кивнул.

— Мы и так потратили слишком много времени, но, если выдвинемся через... — он вскинул палец и начал водить им из стороны в сторону, имитируя маятник, — три... два... сейчас, то как раз успеем. Я должен встретить своего друга. Так что, думаю, нам не стоит здесь задерживаться...

Братья Деррик нехотя убрали ножи, шут многозначительно кивнул им на мешок и на ящик, и те, издав парочку тяжелых вздохов, вновь взялись за шутовскую поклажу. Гуффин

погасил почти догоревшую спичку о язык, после чего с видом важного командира направился к выходу, песьеголовые, мрачно переглянувшись, покинули заброшенную станцию пневматической почты следом за ним.

А Сабрину в мешке мучили вопросы. Что еще за «Старуха»? Что за сделку заключил Гуффин с этим Угрюмым, которого так боятся братья Деррик? Но самое главное: что еще за таинственный друг, который будет лететь над Фли меньше, чем через сорок минут? Это ведь не Баллуни — у продавца воздушных шаров были четкие инструкции. Тогда кто?

Сабрине оставалось лишь строить догадки.

***

Рядом с Сабриной раздавался посвистывающий храп, она слушала его и дрожащими пальцами разрывала мешковину, пытаясь увеличить дыру.

Кукла была здесь уже почти полчаса. Она не знала, где именно находится это «здесь», куда подевался Гуффин и что вообще происходит.

Около сорока минут назад шут в сопровождении братьев Деррик прибыл в Конуру. Сабрина из своего мешка успела увидеть лишь черный провал подъезда и висящий над ним фонарь...

Почти одновременно с тем, как они приблизились к дому, из дверей один за другим вышли пятеро высоких мужчин в собачьих масках и длинных кожаных пальто с пелеринами. Четверо из них несли пару больших дощатых ящиков, а один, обладатель трости с рукоятью в виде собачьей головы, глухо поругивался и все выглядывал что-то над головой, в окнах ближайших домов, на карнизах крыш и в темном вечернем небе.

— Бойррок, — кивнул ему Джон Деррик, и обладатель трости опустил голову.

— Все ясно, — раздраженно сказал он, глядя на шута. — Это из-за него мы должны волочиться в Саквояжню по земле, оббивая себе кости по брусчатке моста Ржавых Скрепок.

— Добрейший вечерочек, — Гуффин отвесил шутовской поклон и снял несуществующую шляпу.

— Для Свечников? — спросил Джон, кивнув на ящики.

— Мы должны доставить рыжим два ящика «фитильков», — разъяренно прохрипел Бойррок, — и не можем отправиться на «Старухе». Угрюмый велел Кройкку снарядить ее... как он это назвал?

— «Для своего дела», — подсказал один из подручных.

— Для своего дела, — кивнул Бойррок. — Чего встали? — Он повернулся к спутникам. — Грузите!

Члены Своры двинулись с ящиками к стоящему неподалеку экипажу-«Горбину», который выглядел так плачевно, что при одном только взгляде на него возникало желание накрыть его пледом и напоить чаем, или просто взорвать, чтобы он не мучился.

Бойррок снова задрал голову, и Дик Деррик хмыкнул:

— Кого высматриваешь? Зубную Фею? Так говорят, Меррик утопил ее в канале.

Бойррок гневно ткнул в Дика тростью.

— Я бы на твоём месте следил за словами. И вообще... по Фли ползут слухи. Что-то творится... Конвертчик Билл сказал, что видел фургон фликов возле Дыры-в-мешке.

— Флики по эту сторону канала? — с сомнением в голосе проговорил Джон.

— Да Конвертчики все поголовно лжецы, а Билл среди них — самый лживый! —

добавил Дик.

— Это верно! — хохотнул Гуффин. — Конвертчикам точно нельзя верить!

Бойррок снова повернул к нему собачью голову.

— Лучше бы у тебя было, чем порадовать Угрюмого. Он с утра не в настроении. Ходят слухи, что кто-то из местных начал заглядываться на Красотку Дит.

— Не может быть! — пораженно воскликнул Дик. — Видать, этому идиоту, кем бы он ни был, совсем жить надоело.

Бойррок на это лишь кивнул.

Ящики между тем уже погрузили в экипаж. На крыше-гармошке и на покатых передних крыльях над колесами зажглись фонари, заурчал двигатель, и из выхлопных труб пополз темно-красный дым.

— Не злите его, — посоветовал Бойррок напоследок и, развернувшись, проследовал к «Горбину». Не прошло и мгновения, как он исчез внутри, дверца захлопнулась, и экипаж тронулся в путь.

Джон и Дик переглянулись, после чего направились к двери подъезда.

Гуффин чуть отстал.

Здрав голову, он пристально осмотрел карнизы ближайших домов. Там никого не было. Кажется...

Шуту вдруг стало зябко и неуютно. Он передернул плечами, после чего торопливым шагом последовал за братьями Деррик.

Над входом разместились кривобокая вывеска: «*Конура*»; к покосившейся двери были приколочены таблички, на которых значилось: «*Поворачивай!*», «*Не суй свой нос!*» и «*Осторожно! Злые собаки!*»

...Сабрина не боялась злых собак. Намного больше ее пугали злые люди.

И такие люди им вскоре встретились: они сидели на стульях возле лестницы, ведущей на этажи, и играли в карты. Лестница до самого потолка была загромождена разломанными гардеробами, ржавыми канделябрами, чемоданами и картинными рамами. Эта импровизированная баррикада перекрывала путь наверх, но в глубине освещенного парой керосиновых ламп холла темнела кабинка лифта.

Гуффин и его спутники кивнули молчаливым караульным и уверенным шагом направились напрямик к нему.

Сабрина удивилась: «Лифт в Фли?! Где же я оказалась?!»

Ее недоумение было понятным, учитывая, что даже в Тремпл-Толл здания с лифтами можно было пересчитать по пальцам одной руки. Более того, по ту сторону канала жило множество людей, которые даже не знали такого слова — «лифт».

Между тем Гуффин первым проник в кабинку, словно боялся, что его оставят внизу. Дик Деррик затащил внутрь тележку с ящиком, а Джон, зайдя последним, закрыл решетку и толкнул рычаг.

Где-то внизу, в подвалах, загудела паровая машина, а сверху раздался скрежет наматывающихся на барабаны цепей. Кабинка начала подъем.

— Следи за языком, шут, — негромко прорычал Джон. — Только заикнись о нашем деле в присутствии Угрюмого, и я вырву твое сердце. И пусть это будет последнее, что я успею сделать в своей жизни.

— Я вообще не умею заикаться! — вскинулся Гуффин. — Я оттачивал свое

изумительное произношение скороговорками, а матушка резала меня бумагой всякий раз, как я запинаясь. К слову, отчасти поэтому я и стал известным мастером монологов.

— Советую тебе сейчас приглушить монолог, — велел Дик, угрожающе склонив голову к самому лицу шута, и тот, шумно сглотнув, кивнул.

Сабрина вслушивалась в разговор этих типов. Она уже достаточно знала Манеру Улыбаться, чтобы различить нервозность в его хвастливой отповеди, и сейчас дело заключалось явно не в посетивших его неприятных воспоминаниях о матери, которых в действительности, возможно, даже не было.

Кабинка меж тем ползла все выше...

Сабрина не хотела даже задумываться о том, что находится там, наверху, и какие ужасы ее ждут — она велела себе быть храброй. А потом вдруг будто бы осталась наедине с единственной мыслью: «А зачем?»

И именно это «зачем» словно открыло в ней ржавую скрипучую дверку под вывеской «Безысходность».

«Кто я такая? — подумала Сабрина. — Я даже себя не помню...»

До недавнего времени она полагала, что кукольник Гудвин, сделал ее для того, чтобы ему было, над кем издеваться. Она помнила свою жизнь фрагментами, да и то по большей части в память врезались лишь постоянные наказания, которым подвергал ее Хозяин. А потом она пришла в себя в переулке Фейр в мешке... и с того момента ее соседями в этом мешке были отчаяние, страх и боль. Черета невзгод даже и не думала заканчиваться, и впереди куклу Сабрину ждало лишь еще больше отчаяния, страха и боли.

«Зачем мне быть храброй? Что это изменит? Я перестану испытывать боль? Перестану испытывать страх? Нет. Я — просто безвольная щепка, которую несет дождевая вода в канаве после прошедшего ливня...»

Сабрина поняла, что это ложь, но вот, чего она не смогла понять, так это того, зачем лжет себе. Еще там, на шаре, Гуффин сказал, что она всегда была своевольной и упрямой — черты не слишком подходящие для щепки. Если шут не солгал, значит, Хозяин стер это из ее памяти. Зачем? Он хотел, чтобы она стала слабой, трусливой и... пустой?

Сжав кулачки, Сабрина попыталась отыскать внутри хотя бы кроху воли, хотя бы кроху упрямства и... не смогла. Она — просто маленькая, беззащитная кукла... глупая кукла, выброшенная на улицу в грозу. У нее ничего нет, кроме ее имени, воспоминаний о наказаниях и страха...

«Страх... — подумала она. — Почему ты боишься, Сабрина? Если тебе нечего терять, то какой смысл бояться?»

И все же, как ни логична была эта мысль, страх оказался сильнее. Сабрина боялась всего: Гуффина, собачников, неизвестности, своего будущего... она боялась, что ее снова побьют или что шут сломает Механизм, который забрал у нее.

Если Хозяин пытался сделать ее трусливой, слабой и безвольной, у него вышло. Знал ли Хозяин, что ей предстоит вынести? Что бы он сказал, глядя на нее сейчас, если бы не был занят своими непонятными Кукольными Войнами, о которых говорил Гуффин? Вероятно, лишь рассмеялся бы.

Копаясь в своей кукольной душе, Сабрина поняла, что именно пугает ее сильнее всего. Хозяин... Его рядом нет, а она больше не в переулке Фейр, и все же ее не покидало то, хорошо знакомое, ощущение, какое она испытывала, сидя на стуле и глядя на дверь в задней комнате лавки игрушек, вслушиваясь в скрип половиц, ожидая, что он вот-вот зайдет...

Хозяйина рядом не было, но она как будто чувствовала его присутствие, словно он стоял сейчас в шаге от нее или ждал ее наверху, или наблюдал с улицы за этим домом, или...

«Или все это чепуха, и я просто так привыкла к тому, что он всегда рядом, что сейчас придумываю?..»

За этими мыслями Сабрина и не заметила, как кабинка остановилась.

Джон Деррик отодвинул решетку.

Этаж был узким и темным, отдаленно он напоминал этаж гостиницы: по обе стороны от прохода чернели двери, между которыми висели газовые рожки с разбитыми плафонами — лампы, разумеется, не горели: в Фли уже больше двадцати лет не пускали по трубам газ.

Из-за дверей доносились голоса, а еще скулеж и звяканье цепей о пол и стены — в первое мгновение Сабрину посетила пугающая мысль: «Там сидят собачники, которые окончательно утратили человеческий вид и намертво срослись со своими масками», — но почти сразу кукла сама себя одернула: «Или же там обычные собаки».

Те, кто сидел в комнатах, мимо которых шли братья Деррик и шут, залились лаем, почувствовав приближение чужака...

Вскоре процессия оказалась у дверей в тупике коридора.

— Он ждет, — сообщил один из охранников, поворачивая ручку и отходя в сторону.

Гуффин и его спутники вошли.

Джон Деррик поставил мешок на пол, а шут отвесил поклон, и на сей раз в этом жесте не было и намека на его извечную жеманность.

— Мое почтение, мистер Угрюмый!

Любопытство перевесило страх и заставило Сабрину выглянуть из мешка.

Когда-то место, в котором она оказалась, очевидно, представляло собой гостиную, но сейчас его использовали, как бандитский притон и хранилище: у стен высились штабеля ящиков, заполненных, судя по штемпелям, бомбами (на каждом был изображен нарисованный белой краской шар с нитью фитиля и огоньком на его конце), отдельное место занимали ящики с другим штемпелем на дощатом боку — зеленой змеей, свитой из дыма. Сабрине этот знак ничего не сказал, а между тем его узнал бы любой по обе стороны канала: курительный дурман, ядовитое зелье, доставляемое в Габен из-за Пыльного моря и заслуженно занимающее первое место в списке запрещенных товаров.

Впрочем, ни ящики, ни их содержимое, куклу не волновали, ее больше заботили люди в собачьих масках, которых здесь было не меньше дюжины: они сидели на ветхих стульях и ступенях уходящей вверх, на галерею, лестницы, стояли у стен, караулили у двери. Свет развешанных на крюках керосиновых ламп отбрасывал на пол злое собачьи тени.

Неуютность этого места усугубляло огромное круглое окно, в переплете которого практически не осталось стекол — через него в комнату задувал промозглый ветер, приносящий с собой мелкий морозящий дождь, и тот оставлял черные пятна на вытоптанном, некогда красном, ковре. Темнеющий в одной из стен камин, засыпанный вместо дров птичьими костями, делал логово Своры еще более отталкивающим.

Рядом с камином расположились парочка потрепанных кресел и длинный полосатый диван. В одном из кресел, откинув на спинку седую собачью голову, спал старик.

Сабрина догадалась, что это не Угрюмый, о котором она столько слышала. Ошибиться было невозможно. Кукла поняла, кто из присутствующих — вожак Своры, как только его увидела.

У окна на треноге стоял телескоп. Над его окуляром склонился человек, который одним

своим видом одновременно вызывал у куклы оторопь и неверие: Сабрина прежде не видела настолько огромных людей. В нем было не меньше девяти-десяти футов роста, и даже громилы из «Мокрицы» в сравнении с ним могли показаться приболевшими оголодавшими сиротками.

В отличие от рядовых членов банды, Угрюмый был одет в дорогой черный костюм-тройку, и, если бы не собачья маска, его можно было бы принять за какого-нибудь почтенного господина из Сонн или даже из Старого центра. Галстук с перламутровой булавкой, золоченые запонки, в жилетный кармашек тянется цепочка часов — все это нечасто можно было увидеть в Фли.

Угрюмый не сразу повернул голову на приветствие Гуффина, и не потому, что не услышал его. С каждым уходящим мгновением, что он не отвечал, демонстративно *не замечая* шута, тот становился будто бы все более незначительным и в чем-то даже жалким.

Когда, наконец, Угрюмый обернулся, Сабрина отметила, что его маска пошита из гладкого черного бархата.

— Я уж думал, ты решил меня подвести, друг мой, — сказал Угрюмый с легкой усмешкой в голосе. Сам же его голос был похож на скрежет трубы, которую кто-то волочет по камням мостовой.

— Ни за что! — поспешно ответил Гуффин. — Чтобы я подвел почтенного мистера Угрюмого и Свору? Да я бы скорее оттяпал себе нос! Все, как и договаривались: Гриммсоны больше не заправляют на переправе — теперь она ваша.

— Это так, Деррик?

Джон кивнул, и Угрюмый повернулся к ожидавшим его приказа собачникам:

— Гавкин, Беззубый, вы знаете, что делать. Возьмите с собой пару псов.

— Будет исполнено.

Гуффин нетерпеливо перетаптывался на месте. Когда прихвостни Угрюмого вышли за дверь, шут с многозначительным видом достал хронометр и осторожно начал:

— Мистер Угрюмый, я выполнил свою часть...

Вожак Своры поднял руку, прерывая его. Оставив телескоп, он неспешно двинулся к Гуффину, которого устоять на месте заставило, судя по всему, лишь невероятное усилие воли... ну, или парализованные от страха ноги.

— Все верно, — сказал Угрюмый. — Ты выполнил свою часть. Не стоит так трястись, шут. Свора — это тебе не какие-то бушлатные отбросы безумного Адмирала, мы держим слово.

— Вот вы правильно все сказали! — подобострастно проговорил Гуффин. — Свору все уважают за надежность. А Адмирала презирают за ненадежность. Я, к слову, его тоже презираю. И вообще, можно даже сказать, ненавижу. Я искренне убежден, что ваш заклятый враг Адмирал с Гадкого берега еще поплатится за... за что-то...

Фантазия у шута закончилась крайне не вовремя. Эхо от его слов повисло в воздухе, словно вонь от протухшего яйца. Гуффин мучительно пытался понять, не перегнул ли он в своем лизоблюдстве.

Угрюмый молчал. Его собачники застыли в ожидании: не прикажет ли босс вышвырнуть этого наглеца?

Наконец вожак нарушил тишину:

— Ты должен был явиться еще полчаса назад. И тем не менее экипаж собран и ждет на крыше. «Старуха» готова к вылету. Мы можем отправляться...

— Вы... вы полетите с нами? — испуганно спросил шут.

— Чтобы я пропустил такую забаву? — усмехнулся Угрюмый. — Я буду руководить полетом. Время уже почти подошло, так ведь?

Гуффин опустил взгляд на циферблат хронометра и сдавленно кивнул.

— Можешь оставить свою поклажу здесь — ничего с ней не случится. Дед присмотрит за ней.

Собачники залились смехом — шутка босса показалась им смешной. Гуффин, в свою очередь, всеобщего веселья не разделял.

— Дед же все время спит, — проворчал он.

— Да, уже девять лет не просыпается, — усмехнулся Угрюмый. — Но не будем заставлять «Старуху» ждать — растопка нынче не дешевая. За мной!

Гуффин скорчил лицо от досады. Он не хотел оставлять Сабрину и свой тайный груз в Конуре, но спорить не решился.

Братья Деррик поставили мешок с ящиком в углу, у штабелей запрещенных товаров, которыми промышляла Свора. Собачники во главе с Угрюмым направились к лестнице, и Гуффин, бросив мрачный взгляд на куклу, выглядывающую через дыру, потопал следом.

Звук шагов стих. Остался лишь вой ветра и храп старика в кресле.

Сабрина, полагая, что все ушли, зашевелилась. Она не заметила, что кое-кто чуть отстал: шедший последним человек задержался и, дождавшись, когда все покинут комнату, беззвучно пошагал обратно, вниз по лестнице.

Низкая дверка в углу со скрипом приоткрылась, а спустя пару секунд раздался тихий женский голос:

— Джон?

Сабрина замерла.

— Что все это значит, Джон? — с неприкрытым страхом в голосе спросила женщина.

— Я не знаю, — проскрипел в ответ Джон Деррик.

— Вы с Диком сопроводили его через Слякоть. Ты выполнил условия сделки!

— Проклятый шут ведет свою игру...

— Думаешь, он нас выдаст?

Сабрина поняла, что слышит голос той самой Красотки Дит, о которой говорили Гуффин и братья Деррик. Она выглянула из мешка.

Хваленую красоту Дит кукла разобрать не смогла, так как голова женщины скрывалась под серой собачьей маской. Дит была одета в длинное темно-серое платье в клетку, на ее чуть ссутуленных плечах висела похожая на паутину шаль. Стройная и не высокая, она глядела на Джона Деррика, чуть задрав голову.

— Вряд ли он нас выдаст, — ответил между тем Джон. — Этот пройдоха слишком трясется за свою шкуру, но мне все равно не нравится то, что здесь происходит. Все это не к добру.

Разговор прервал рокошующий голос Угрюмого, раздавшийся откуда-то сверху:

— Деррик! Сколько еще тебя ждать!

Джон схватил руки Дит, крепко сжимал их какое-то мгновение.

— Мередит Гаррет, — прошептал он, — я...

— Я знаю... — прошептала она в ответ.

Руки разъединились, и Джон бросился к лестнице.

Дит какое-то время еще стояла, замерев и глядя ему в след, а потом скрылась за той

низкой дверкой, из-за которой и появилась.

Сабрина осталась одна. Если не считать храпящего Деда.

Она прислушалась. Здесь точно больше никого нет? Или в углах прячутся таинственные наблюдатели, которые только и ждут того момента, когда она попытается выбраться?

Но мгновение сменяло мгновение, и в логове Своры ничего не происходило.

«Здесь никого нет... Ни Гуффина, ни Угрюмого и никого из собачников... Никто за тобой не следит! Никто не... следит...»

Сабрина выглянула из мешка, осматривая полутемную комнату. Снова прислушалась... шагов слышно не было. Завывал ветер, капал на ковер дождь...

«Ты одна... Никто тебя не остановит... Это твой шанс! Беги!»

Но Сабрина медлила. Нет, она была не из храбрых кукол. Хозяин рассказывал ей истории о куклах, которые были смелее многих людей, которые даже сражались на войне. Ей вдруг вспомнилось странное прозвище... Ключник. Ключник с Пыльных пустошей. Он был бесстрашным и неунывающим — он не боялся ни злобных констеблей, ни продажных судей, ни злодеев любых мастей. Он неизменно выходил сухим из воды, оставляя недоброжелателей с носом, и всегда напоследок подшучивал над ними. Он не дал бы засунуть себя в мешок, не позволил бы никому избить себя.

Но Сабрина не чувствовала в себе даже крохи того бесстрашия, которым обладал Ключник. Ее посетили жалкие, дрожащие мыслишки, которые все начинались с преисполненного сомнений «А»: «А вдруг я не найду выход?», «А что если меня схватят?», «А если меня снова побьют?»

И все же сквозь всю боязнь и неуверенность пробился тихий, но настойчивый голос, который принадлежал будто бы какой-то незнакомке:

«Ты должна... ты пожалеешь, если сейчас трусишь! Подобной возможности может больше не представиться...»

— Я не могу попасть в лапы к Брекенбоку, — напомнила себе Сабрина. — Давай же глупая трусиха! Здесь никого нет! Здесь только Дед...

«Он не проснется... — подумала кукла. — Не проснется же, так?»

Сабрина принялась ворочаться в мешке, пытаясь выбраться, но тот был завязан. Впрочем, как следует отчаяться она не успела — почти сразу ее посетила мысль: «Нужно окошко превратить в дверь!»

Затаив дыхание и ежесекундно замирая, Сабрина начала разрывать дыру в мешке. Ей казалось, что треск мешковины настолько громок, что его слышно во всех концах Конуры. Но, несмотря ни на что, никто к ней пока не бежал, никто не кричал, лишь Дед, как и прежде, храпел в своем кресле.

Вскоре дырка оказалась достаточно большой, и кукла на четвереньках выбралась из мешка. Придерживаясь за стоящие рядом ящики, она поднялась.

— У-у-у... — Сабрина с горечью раскрыла ладонь — не ней лежали два ее отломанных пальца. Если бы она видела себя сейчас со стороны, то лишь сильнее отчаялась бы: волосы торчали нечесаными лохмами, через лицо проходила трещина, платье было порвано. Лодыжка ее подогнулась под неправильным углом, и кукла не могла на нее нормально встать. Не лучшее состояние для побега...

Сабрина выудила из мешка зеленый зонтик Гуффина и, уперев его в пол в качестве трости, сделала неуверенный шаг...

И тут ее остановила мысль: «Куда?!»

Сабрина огляделась по сторонам. Куда же податься? Выходов из сердца Конуры было ровно три: дверь на лестничной площадке, которая, вела на крышу (там, без сомнения, сейчас толпились собачники), дверь, через которую они сюда пришли вместе с братьями Деррик (за ней караулили охранники) и дверка в углу, за которой скрылась Красотка Дит. Выбор был очевиден...

Ковыляя и пошатываясь, Сабрина подошла к этой дверке. Из-за нее доносились голоса. Кукла склонилась к замочной скважине и увидела комнатку, заставленную трех-, четырех- и пятирусными кроватями. На каждой сидели дети: и мальчики, и девочки — все были в собачьих масках. Дрожащий фитиль керосинки на стене высвечивал застывшие черные глаза и клыки.

В темном углу на войлочной подстилке, обнимая мятую подушку, сидела девушка. Из присутствующих у нее единственной не было маски, но Сабрина не видела ее лица — вся фигура девушки тонула в темноте. Единственное, что кукле удалось разобрать, это бледную лодыжку, окованную железным браслетом; от браслета к трубе у стены тянулась ржавая цепь.

— Биззи! — гомонили дети, обращаясь к пленнице в темном углу. — Биззи, расскажи нам сказку!

Девушка ответила, и в ее голосе Сабрина различила всепоглощающую безнадежность и усталость:

— Но я ведь уже рассказывала... я не хочу...

— Сказку! Сказку! Или мы тебя покусает!

— Хорошо — только не кусайте! — со слезами в голосе согласилась Биззи. — Вы хотите ту сказку? Снова?

— Да! Сказку! Сказку!

Сабрина не собиралась слушать сказку, она уже было отвернулась от замочной скважины, но история, которую начала рассказывать прикованная к трубе Биззи, завладела ею с первых слов. Голос девушки, тихий и тягучий, обволакивал, не позволял кукле пошевелиться. И вместо того, чтобы искать выход, она стояла и слушала, замороженная и испуганная, жуткую сказку...

...Одной холодной зимней ночью в городе, где всегда идет снег, раздался крик.

Я убеждена, вы никогда не слышали такого крика. От него кровь стыла в жилах, а еще... в нем было нечто, похожее на собачий вой.

В доме у мистера и миссис Деррбоуз родился ребенок. Но это был крайне необычный ребенок. Дело в том, что вместо детской головы у него была голова собачья: вислые уши, мокрый треугольный нос и влажные черные глаза. Появившийся на свет ребенок был настолько отвратительным, что принимавший роды доктор недоуменно уставился на него и даже воскликнул: "Будь я проклят!"

Следом завопила няня. Когда доктор передал ей ребенка, она бросила его на пол и тут же рухнула в обморок — ей сейчас не помог бы и ящик нюхательной соли.

После чего раздался третий крик — это кричала сама миссис Деррбоуз. Ее тошнило от отвращения. "Я не хочу это видеть! — попыталась отпрянуть разгневанная и испуганная мать, но подушки не дали ей этого сделать. — Уберите его! Прочь! Прочь!"

Мистер Деррбоуз, в свою очередь, был более хладнокровен — он тут же озаботился тем, чтобы «эту мерзость» выбросили из его дома.

Доктор поинтересовался, может ли он забрать младенца для опытов: “Я проведу парочку экспериментов по живосечению, а потом заспиртую его в банке”, — сказал этот добрый доктор.

“На помойку! На помойку!” — кричала миссис Деррбоуз. Она была непреклонна, и младенца выбросили.

Покинув дом Деррбоузов, доктор попытался отыскать ребенка среди мусора, но тот исчез: “Наверное, его утащили крысы, — решил он. — Какая жалость! Пропал такой образец!”

Чета Деррбоуз быстро вернулась к своей обычной жизни. Они не горевали о пес-младенце, и даже не вспоминали о нем. О жутком происшествии вскоре забыли. Деррбоузы, их няня и доктор договорились держать все в тайне и отвечать каждому, кто станет любопытствовать, что ребенок родился мертвым. Тем более, полагали они, это было не так уж и далеко от правды.

Но на самом деле пес-младенец не умер. Он затаил обиду и решил поквитаться.

Одним вечером, когда за окном выла метель, няня сидела в своей крошечной квартирке у камина и вязала шерстяные носки. В какой-то момент нитка перепуталась. Она засунула руку в корзину с клубками, чтобы распутать пряжу, и вдруг ощутила что-то мокрое и скользкое, коснувшееся ее запястья. Она опустила взгляд и увидела в корзине пса-младенца. Откуда он там взялся?! Кто его принес?!

Но получить ответы на эти вопросы няне было не суждено. Пес-младенец вцепился клыками ей в руку и принялся ее грызть, а когда женщина, крича и плача, попыталась его отцепить, он разомкнул челюсти и набросился на нее, вгрызшись ей в лицо. Пряжу залило кровью, и вскоре жуткие крики потонули в метели.

Семейный врач четы Деррбоуз в тот вечер задержался в больнице допоздна. Когда он вышел на улицу, метель усилилась. Полеты отменили, и он не смог взять аэроэкз. Наземных экипажей также не наблюдалось, и тогда, чтобы совсем не околеть, он забрался в вагон трамвая. Усевшись у окна, он раскрыл газету и погрузился в чтение. Из рупоров в салоне раздалось требование пробить билеты — не отрываясь от чтения, доктор достал из кармана билет и потянулся к компостеру. Он до последнего не видел, что тянется рукой прямо в широко раскрытую пасть пса-младенца. Клыки сомкнулись, щелкнули, и пес-младенец откусил доктору кисть. Тот закричал, но его крика никто не услышал — кроме него, пассажиров в трамвае не было.

Когда трамвай подъехал к станции, в вагоне обнаружили тело доктора. Его правая кисть исчезла, горло было перегрызено, а рядом лежала окровавленная газета.

Мистер Деррбоуз об этом ничего не знал. Он работал в своем кабинете. Писал деловые письма, подводил учет прибыли и вычитал убытки — он был очень занятым джентльменом, знаете ли. В какой-то момент мистер Деррбоуз вдруг услышал странный шорох, раздающийся из ящика его стола.

«Вряд ли пресс-папье ожило» — подумал он. Решив, что там завелась мышь или поселился греmlin, мистер Деррбоуз вооружился ручкой и выдвинул ящик. На него своими черными глазами глядел пес-младенец. Мистер Деррбоуз не успел даже вскрикнуть, когда собачья пасть сомкнулась вокруг его шеи...

Миссис Деррбоуз позвала супруга из спальни. Книжка, которую она читала, была невероятно скучной, и мадам требовался десерт, чтобы сделать чтение приятнее. Вставать с кровати и идти за ним в кондитерскую самой, да еще и в метель, ей

решиительно не хотелось. Когда скрипнула дверь, она не глядя потребовала: «Дорогой, я хочу шоколадный мусс с черникой! Принеси мне его!»

Но никто ей не ответил, а потом вдруг раздался мерзкий звук. Что-то хлюпало и чвякало. Звук раздавался из спальни, и он все приближался...

Миссис Деррбоуз опустила книгу, приподнялась на кровати и увидела...

К ней по полу, оставляя след из розовой слизи, полз пес-младенец. Он глядел на нее своими черными глазами, его нос ходил ходуном, а оскаленные клыки были все в крови.

Миссис Деррбоуз застыла от ужаса, не в силах пошевелиться...

А он все полз и полз к ней на брюхе, подтягивая себя крошечными ручками и ножками.

Миссис Деррбоуз закричала, но метель пожрала ее крик — так же, как пес-младенец через минуту пожрал ее сердце...

Голос Биззи стих.

А Сабрина все стояла и вслушивалась. И хоть сказка про пса-младенца, вроде бы, была способна испугать лишь ребенка, но Сабрина боялась. В этой жуткой истории улавливалось нечто действительно пронизывающее, нечто... настоящее...

— Все! — раздался голос Красотки Дит. — Пора спать!

— Ну, Дит! — заспорили было дети. — Мы хотим еще раз послушать! Пусть Биззи снова расскажет! Нам так нравится пес-младенец!

— Нет. — Дит была строга и неумолима. — Послушаете завтра. Спать, я кому сказала! Не заставляйте меня жаловаться на вас Угрюмому!

Сабрина отшатнулась от двери. Упоминание Угрюмого встряхнуло ее и мгновенно вернуло в действительность. В ту действительность, в которой, если она будет медлить, ее тоже посадят на цепь, как Биззи, и заставят рассказывать сказки. А она ведь не знает ни одной сказки!

Сабрина снова оглядела гостиную. Что же делать? Куда бежать? За каждой из дверей ее поджидают собачники из Своры...

«Но здесь ведь не только двери!»

Она задумчиво глянула на окно: можно попытаться выбраться через него — это будет непросто в ее состоянии, но что ей еще остается? — вернуться в мешок?

Не отрывая опасливого взгляда от храпящего Деда, Сабрина направилась к окну. Оказавшись возле него, она выглянула на улицу и в отчаянии схватилась за раму.

— Только не это...

Открывшееся ей зрелище пугало — оно рушило любые надежды на спасение. Дом, в котором располагалась Конура, высился над Фли не меньше, чем на дюжину этажей — далеко внизу темнели черепичные крыши и дымоходы, узкие улочки были похожи на черные ленты. Перед Сабриной простирался весь Блошиный район. Вдаль, до самого моря, уходили тесные кварталы, тут и там светились редкие огоньки, но они были настолько крошечными, что, казалось, могли бы уместиться и в игольном ушке. Самые большие их скопления виднелись на Балаганной площади и на берегу, где среди домов торчал кривым пальцем старый маяк, фонарь которого лениво проворачивался, то затягивая ближайшие улицы белесым светом, то вновь погружая их в кромешную тьму. Весь же остальной район напоминал залитый чернилами кукольный город, который однажды привезли в Габен как одно из величайших чудес игрушечного дела: Хозяин часто с теплотой вспоминал то, как он его разломал из зависти, потому что не он его сделал...

В небе вдруг раздался прошедшийся раскатом, затухающий грохот. Что это было? Гром? И все же, хоть погода этим вечером отличалась довольно мизантропическим настроением, до грозы было далеко.

Сабрина попыталась разглядеть, что же стало причиной грохота.

Среди дырявых, как старое одеяло, низких туч что-то происходило. По небу полз светящийся жук — кажется, это он издал звук, который привлек внимание Сабрины. Звук, похожий на выстрел. На некотором расстоянии от него в небе дергалась рыжая искорка. Что же там такое? Не разглядеть...

Сабрина высунула голову из окна, и рука ее коснулась трубы телескопа.

Телескоп! Точно!

— Куда смотреть? — прошептала кукла.

Она припомнила, куда смотрел Угрюмый, и прильнула к окуляру. Труба забрала слишком вправо — там было лишь комковатое небо Фли. Машинально крутанув винт и повернув трубу, Сабрина вдруг поймала себя на том, что откуда-то знает, как управлять этой штуковиной, словно до сего момента не раз глядела в телескоп, что было весьма странно: откуда в лавке игрушек взяться телескопу...

Между тем линза выловила горящего «жука», и тот приобрел очертания небольшого дирижабля. Ржавая и потертая оболочка пестрела многочисленными заплатами, гондола представляла собой вытянутую кабину, борта которой были отброшены в стороны. Глядя на эту рухлядь, Сабрине померещилось, будто она даже слышит натужный стон, который та издает, когда хвостовые стабилизаторы поворачиваются.

Это ведь та самая «Старуха»! И правда, до полного сходства с какой-нибудь престарелой мадам дирижаблю не хватало подвитого седого парика да парочки облезлых котов.

На борту суетились люди. Двое обладателей собачьих масок что-то выкатывали из глубины кабины к открытому борту. Рядом мельтешила тощая фигура в зеленом пальто. Гуффин размахивал руками и что-то вопил. При этом он тыкал пальцем куда-то в небо.

Сабрина снова повернула трубу и навела объектив на искру, то появляющуюся, то исчезающую в фиолетовых облаках. Винты фокусирующего устройства провернулись под кукольными пальцами, и размытая клякса постепенно приобрела четкость очертаний. Сперва Сабрине показалось, будто она видит нечто похожее на глубоководную рыбу-удильщика (какое-то время у Хозяина стоял аквариум с этим жутким монстром), но постепенно рыжая искра превратилась в фонарь, свисающий на длинной тонкой цепи с черного плаща. Высокий воротник плаща скрывал лицо незнакомца почти полностью, и Сабрине удалось рассмотреть лишь длинный полосатый колпак, похожий на метеорологический конус-ветроуказатель, какие во множестве вывешивают на шестах аэростанций, и тонкий белый нос.

— Кто ты такой? — пораженно прошептала Сабрина. — Как ты это делаешь?..

Незнакомец летел по воздуху. Сам! Без дирижабля. Без воздушного шара. Без аэроекба. И летел он, держась за ручку устройства, которое — Сабрина не поверила своим глазам! — выглядело, как простой зонтик! Разве что на месте купола у этого зонтика был пропеллер.

Не успела Сабрина как следует рассмотреть летное приспособление незнакомца в полосатом колпаке, как небо прорезали ударившие с дирижабля лучи прожекторов. Они ползли по облакам, как длинные бледные пальцы, нашаривая добычу. Один из собачников принялся крутить ручку пулемета, и высоко над Фли расцвел цветок багряных вспышек. До

Сабрины донеслось отдаленное эхо раскатов.

Кукла ахнула от ужаса! Зонтичного летуна вот-вот подстрелят!

И все же она слишком рано списала его со счетов. Незнакомец начал маневрировать, отклоняясь то в одну сторону, то в другую, внезапно поднимаясь выше или же, наоборот, резко снижая высоту.

— Улетай! — взволнованно приговаривала Сабрина. — Спасайся!

Но как бы ни был ловок человек, летящий на зонтике, ему не удалось уклониться от града пуль со «Старухи» — собачники попали в винт.

Пропеллер заглох.

Незнакомца объяла черная дымная туча. Началось падение...

— Нет...

Летун пытался запустить винт, но все было без толку. Пропеллер то принимался вращаться, то выключался. Человека с зонтиком швыряло из стороны в сторону... он был все ниже...

Не в силах смотреть, Сабрина отпрянула от телескопа. В окно она увидела, как черная туча исчезла среди крыш Фли.

Кукла вновь приставила глаз к окуляру. Экипаж «Старухи» погасил прожектора. Пулемет закатили вглубь кабины. Борта начали сегмент за сегментом подниматься.

В одном из иллюминаторов торчала голова Гуффина. Шут глядел в бинокль, высматривая подбитого летуна. Вскоре он, очевидно, обнаружил его: опустив бинокль и ухмыляясь, Гуффин высунул в иллюминатор руку и показал земле «чайку», после чего исчез в кабине.

Дело, очевидно, было сделано. Рули повернулись, и дирижабль, описав дугу, пополз обратно к Конуре.

«Они скоро будут здесь! — испуганно подумала Сабрина. — Если я сейчас не сбегу, они меня схватят!»

Отчаяние и страх подсказали кукле единственный путь к спасению, в то время как ужасное происшествие с летуном подсказало ей метод. Сабрина высунулась в окно. Только так она сбежит из Конуры...

Кукла глянула вниз. Высота невероятная...

«Тебе страшно? А ты подумай, что с тобой будет, если ты останешься здесь!»

Она крепко сжимала ручку Гуффиновского зонтика. В голову полезли сомнения. А что если он не удержит ее? Падать все же очень страшно. А разбиваться, наверное, довольно больно...

— Что это ты удумала?! — раздалось вдруг за спиной.

Сабрина обернулась и увидела женщину в клетчатом сером платье и собачьей маске, стоящую у двери. Красотка Дит!

«Быстрее! Беги!»

Сабрина пролезла в проем между ребрами переплета, ее зеленое бархатное платье при этом зацепилось за стеклянные осколки, торчащие в раме. Ветер подхватил кукольные волосы.

— Стой! — Дит шагнула к окну, но Сабрина не могла позволить, чтобы ее затянули обратно — она раскрыла зонтик. Выглядел он очень ненадежным: в ткани были дыры, ножка треснула.

— Он тебе не поможет!

— Я улечу! — крикнула Сабрина. — Я сбегу отсюда!

— Нет. Ты разобьешься. Вернись в комнату!

Сабрина глянула вниз. Темнеющий провал пугал — она даже не могла различить мостовую.

— Я убегу... — прошептала она, — и он меня не найдет.

— Не делай этого! — Дит сделала еще один осторожный шаг. — Разве тебе незачем жить?

Сабрина не ответила. Она вдруг почувствовала, что ей очень хочется жить. И это чувство непостижимым образом заставило ее высунуться еще дальше...

— Ты упадешь!

— Мне все равно...

— А как же твоя вещь?

— Какая еще вещь?

— Вот эта.

Сабрина обернулась и... не поверила собственным глазам: Красотка Дит сжимала в руках ее Механизм, ту самую непонятную, но такую дорогую для нее штуковину, которую шут у нее забрал. Но как Механизм оказался у этой женщины?! Иметь дело с Финном Гуфффином — это как играть в наперстки, будучи слепым. Когда он успел поговорить с Дит?!

— Он сказал, что ты непременно попробуешь что-нибудь выкинуть, и попросил меня присмотреть за тобой.

С тонких зеленых губ Сабрины сорвался стон. Злобный шут перехитрил ее.

— Отдай мне... — попросила кукла.

— Боюсь, я не могу этого сделать, — сказала Красотка Дит. — Вернись. Ты должна забраться обратно в свой мешок, пока они не вернулись.

— Я не хочу... Я должна сбежать... Он снова будет меня бить. Он хочет отдать меня Брекенбоку.

— Мне очень жаль тебя, — ответила Дит. — Гуфффин из переулка Гро — плохой человек, а Брекенбок — и вовсе один из худших в Фли. Но ты должна вернуться. Если тебе дорога эта вещь...

Сабрина опустила голову. Дорога! Очень дорога... Она не представляет, что это такое, но ее буквально тянет к ней. И мысль о том, что этот непонятный Механизм останется у Гуфффина или у кого-то из его подельников, была невыносима.

— Отдай... — взмолилась она. — Пожалуйста.

Дит, казалось, устала ждать. Спрятав Механизм в складках шали, она решительно пошла к застывшей Сабрине. Подойдя к ней, она отобрала у куклы зонтик, а затем, схватив ее саму за руку, затащила обратно в комнату. Не тратя времени, Дит развернулась и направилась к штабелям ящиков, волоча растрепанную и спотыкающуюся куклу за собой.

Сабрина заплакала. Из-под пуговичных глаз потекли зеленые слезы.

— Ты плачешь? — Дит в недоумении остановилась и взяла Сабрину своими тонкими пальцами за подбородок, внимательно рассматривая ее. — Не знала, что куклы могут плакать...

Сабрина потянулась к Дит, пытаясь нашарить Механизм в ее шали.

Мимолетное замешательство дочери вожака Своры исчезло, она ударила Сабрину по руке.

— В мешок! Быстро!..

Вскоре Сабрина вновь оказалась в этом темном грязном мешке, который она ненавидела всей своей кукольной душой.

Вытащив из кармана платья толстую иглу и моток бечевки, Красотка Дит принялась зашивать дыру, стягивая между собой края мешковины.

— У меня тоже в детстве была кукла, — сказала женщина, делая стежок за стежком. — Не такая красивая, как ты, конечно. Я ее выловила в канале — чуть не утонула, пытаюсь ее достать. Я назвала ее Мисс Керосинна — она вся была в керосине, машинном масле и смоле, понимаешь? Она мне очень нравилась, хоть у нее и не было половины лица. Я заделала дырку картоном и нарисовала ей второй глазик углем. А потом я принесла ее домой и показала отцу, но он заставил меня сжечь Мисс Керосинну. «Мы не принимаем подачки из Тремпл-Толл», — сказал он. Он ненавидит Саквояжню — моя мама сбежала от него туда. Ты ведь тоже из Тремпл-Толл, так? Не отвечаешь... Я знаю, что ты боишься, но твой единственный шанс — это быть хитрее, играй роль, прикидывайся, подчиняйся... для вида. И когда ты усыпишь их бдительность, ты сбежишь и вернешь себе свою вещь...

— Моя вещь... — не переставая плакать, выдавила Сабрина. — Механизм... что это такое?

Кукла глядела через пока не зашитую крошечную дырочку на Дит.

— Я не знаю. Тебе с этим к Механистам с рынка краденных автоматов. Они должны знать — там полным-полно всяких пружин и шестеренок.

Сабрина предприняла попытку затронуть хоть одну из струн души этой женщины:

— Ты же хорошая... Ты добрая и красивая... помоги мне, прошу тебя.

Дит опустила голову, и до куклы донесся едва слышный смех. А уже в следующий миг женщина в собачьей маске вонзила иглу в мешковину, делая последний стежок. Она затянула узел, и Сабрина вновь оказалась в темноте.

***

Скрипели колеса тележки. Каблуки башмаков стучали по камням брусчатки и хлюпали по лужам.

Шут в зеленом пальто хныкал. Но не потому, что ему было страшно, больно или он проголодался. Манера Улыбаться передразнивал хныканье, раздававшееся из мешка за его спиной.

— Ничего, скоро ты перестанешь быть моей заботой, — сказал Гуффин.

Его слова прозвучали угрожающе, но Сабрина не слушала. За время пути от Конуры она уже привыкла к нескончаемому шутовскому брюзжанию. А еще она была занята тем, что проделывала в мешке новую дырку.

Шут шел уже, казалось, целую вечность. Темные улицы сменялись не менее темными переулками, а те, в свою очередь, проходными дворами и узкими дорожками, проложенными через свалки. Все тайные дела Манеры Улыбаться в Фли на сегодня были закончены. «Самое время отправляться домой!» — так он сказал, когда вернулся в Конуру, и прибавил: «Ха-ха!»

И вот они направлялись... домой.

Улицы были пусты — за все время пути им никто не встретился, и все же кукла с тревогой ожидала очередных неприятностей. В какой-то момент ее посетила мысль:

«Кажется, мы никогда не доберемся до этого проклятого «Балаганчика»!»

Сабрина принялась гадать, что же случится следом: из какой-нибудь подворотни вылезет злобный громила с ножом и дурными намереньями? Или их захочет для своих экспериментов заполучить какой-то безумный ученый? Или они перейдут дорогу тем, кто не любит, когда им переходят дорогу? Или на них покусятся огромные блохи? Что? Что же еще готовил для Сабрины этот зловредный вечер?..

Гуффин свернул на улицу Сонников, и новые неприятности были уже тут как тут — им предшествовал звук, который принес ветер.

Сперва звук этот напомнил Сабрине рычание собаки — ей уже повсюду мерещилось присутствие Своры, — но всего через пару гуффиновских шагов ей уже начало казаться, что это скрипит на ветру ржавая калитка. Вскоре кукла со страхом поняла, что ржавые калитки не умеют складывать скрипы в слова...

Гуффин, будто подслушав ее мысли, усмехнулся:

— Да-да, дорогуша, это он: хозяин и создатель нашего театра! Ты слышишь голос...

Сабрина в ужасе прошептала:

— Талли Брекенбока...

Что ж, боялась она не напрасно. От одного имени человека, к которому ее несли, веяло могильным холодом и банкой с кривыми ржавыми гвоздями. Даже Фортт и Гуффин отзывались о нем лишь с почтением и покладистостью. А еще она помнила, как отреагировали громилы из «Мокрицы» при одном только упоминании хозяина «Балаганчика». И уж точно ей было не забыть слов Красотки Дит.

Чем ближе шут подходил, тем разборчивее становились слова. Владелец хриплого голоса тянул, словно душу из тела, подцепив ее крючками, песню...

*...Сглушил наш Джек, зайдя в тупик,
Ведь кляп заглушит детский крик!
На голову мешок — и в люк:
Не вспомнит мать тех детских рук!
Пришел ты к нам, попал в страну
Зеркал, портьер и дыма!
Эй, усмехнись, отринь печаль!
«Не проходите мимо!»*

Помимо песни, Сабрина различила и музыку. Издалека казалось, что играет карнавальная каллиопа: крошечный взводный органчик — неременный атрибут всякого уважающего себя уличного театра. Но что-то со звучащей мелодией было не так. Она то и дело прерывалась помехами, подчас сменяясь шипением и отвратительным визгом, от которого начинала болеть голова, а руки сами тянулись к несуществующему шарфу или галстуку — затянуть потуже и избавить себя от мучений.

— Тебе кажется, что здесь что-то не так, мой неугомонный друг Фортт? — голосом, преисполненным презрения, спросил Гуффин у пустоты. — Ты прав: что-то не так. А вообще заткнись, ты ведь уже мертв, не так ли?

Сабрина всхлипнула. Ей было невероятно жаль Джейкоба Фортта. Он отнесся к ней с жалостью. Отнесся по-доброму. И именно поэтому сейчас его тело тащило по острым металлическим обломкам, усеявшим дно канала.

Чем ближе Гуффин подходил к «Балаганчику», тем тревожнее становилось кукле и тем

ожесточеннее она проделывала новую дырку в мешке. Вскоре та уже стала похожей на очередное окошко.

— Что-то-не-так, — напевно повторил Манера Улыбаться. — Что-то-не-так...

И действительно, что-то было не так.

Шут остановился. Из своего мешка Сабрина увидела довольно широкий переулочек, оканчивающийся тупиком. Глухие зеленоватые стены домов по обе стороны от него кренились друг к другу, и создавалось ощущение, будто они с минуты на минуту завалятся.

По переулочку полз дым. Гуффин поморщился от запаха гари и вони паленой резины. У одной из стен горел большой костер, сложенный из обломков стульев и прочей мебели, тут и там догорало несколько огней пожара.

«Балаганчик» был разрушен. Целым и нетронутым выглядел лишь один фургончик. Два других лежали на боку, их стены и крыши зияли проломами. От еще двух остались лишь обгоревшие остовы. Жалкие обрывки театрального занавеса, некогда перегораживавшего переулочек, валялись на земле, блеклые выгоревшие шнуры плавали в лужах, словно мертвые черви. Неподалеку на одном колесе стояла каллиопа — что-то ее нещадно покорежило: корпус был разломан, трубы помяты и погнуты. При этом она не выглядела так, будто способна выдавить из себя хоть звук.

«Но что же тогда играет?» — удивленно подумала Сабрина и тут же отыскивала ответ на свой вопрос. Источником заунывной мелодии оказался бордовый граммофон с треснувшим рогом. Пластинка крутилась, но у нее кусок был отломан — игла подчас сползала с нее и царапала подложку, после чего снова вгрызалась в пластинку, как нищий ребенок в заплесневелую краюху.

«Что же здесь произошло? Ураган? Землетрясение? Нападение?»

Только один человек мог рассказать...

Хозяин уличного театра обнаружился тут же — он сидел (или, точнее, валялся) на горе одновременно промокших и подпаленных костюмов. Колени его торчали в стороны, как у дохлого насекомого, а длинные-предлинные ноги попирали сорванный плакат с витиеватой надписью: «*Балаганчик Талли Брекенбока*». В первое мгновение Сабрине почудилось, что Брекенбок — вовсе не человек, а выбравшийся из кошмарных городских легенд про мистера Долговязого монстр, но затем она увидела резиновые нащепки на концах его ног и поняла, что это просто ходули.

И все же менее пугающим Талли Брекенбок не казался. Вот этот шут, в отличие от своих посыльных, прекрасно был похож на шута. Его лицо скрывалось под растрескавшимся белым гримом, на губах и до самых ушей расплзалась в широкую отталкивающую улыбку чернота, глаза тонули в двух залитых тушью колодцах. Отсветы костра плясали на лысине, отчего создавалось впечатление, будто голова хозяина балагана плавится.

Брекенбока и самого не миновала судьба его театра: рубашка с широкими рукавами, но узкими, как кандалы, манжетами и жилетка, одна половина которой была белой, а другая — черной, перепачкались в грязи, крови и копоту, алый бархатный галстук-бабочка висел на одной тесемке. Черно-белый колпак с двумя хвостами хозяин балагана надел на одну из коленок и, очевидно, использовал его (собственное колено в колпаке) в качестве собеседника. Не то, чтобы хозяин балагана не был безумен, но в данный момент он еще и был отчаянно пьян.

Талли Брекенбок держал в каждой руке по бутылке вина «*Не забывай мечтать обо мне*». Он поочередно прикладывался то к одному горлышку, то к другому с упорством

капитана дальнего плавания, приставляющего к глазу подзорную трубу в надежде увидеть далекий берег. Вот только заплыв Брекенбока был заведомо безнадежен: он и сам знал, что берега ему не отыскать. Единственное, что его ждало, — это еще полночи самоуничтожения, парочка сосудов сожалений и безжалостное, словно жена, выгоняющая на работу, полуденное похмелье.

— Сэр! — взволнованно воскликнул Гуффин, подкатив тележку к хозяину балагана и стащив мешок с плеча на землю. — Что здесь стряслось?!

Сейчас шут в зеленом пальто предстал перед Сабриной в новом свете: покорном и почтительном — он был похож на таракана, завидевшего башмак.

— О! — воскликнул нетрезвым голосом хозяин балагана. — Кого принесла к нам нелегкая на ночь глядя! Предшественник остывших ужинов, полуночных кошмаров и мокрых простыней! Сами его шутовская светлость и бродяжья церемонность Манера Улыбаться!

— Да, это я, сэр, — подтвердил очевидное Гуффин, все еще недоуменно оглядывая останки балаганчика.

— Где потерял Пустое Место?

— Трагичный несчастный случай, сэр, — вставил заготовленный ответ Гуффин, покосившись на мешок. — Пустого Места с нами больше нет: упал и умер. Ничего странного — такое сплошь и рядом бывает.

— Печально... Он мне не нравился меньше других. Было в нем что-то...

— Глупое?

— Искреннее.

— Сэр, забудьте о бестолковом Пустом Месте! Расскажите, что здесь случилось!

— Ненавижу синий цвет! Просто терпеть его не могу! — прорычал Талли Брекенбок, после чего, не в силах справиться с охватившей его трагическую душу драмой, приложился сперва к одной бутылке, а затем сразу к другой.

Гуффин все понял:

— Полиция.

Талли Брекенбок скривился от этого слова так сильно, что его лицо вдруг словно бы превратилось в картонку с чернильными пятнами в кабинете какого-нибудь доктора-психиатра.

— Фейд... нет! Шейд? Тоже нет. А, рейд! — сказал он. — Облава, в общем. Почему ты явился так поздно?

— Трамвай поехал не туда — какая-то поломка где-то.

Брекенбок залился судорожным кашлем. Сплюнув черную слюну в костер, он наделил подчиненного пристальным колючим взглядом.

— В общем, тебе повезло! Вернись ты на трамвае вовремя, тоже попал бы в сети!

— Вот ведь удача так удача! — согласился Гуффин. — Но как было дело, сэр? Расскажите мне все!

Хозяин балагана отпил из бутылок, булькая, прополоснул рот вином, проглотил и трагично начал:

— С третьим звонком нагрянули. Со стороны моста Ржавых Крепок появился фургон, набитый злющими фликами. Я ничего не успел сделать: флики выскочили из фургона и тут же разбежались по всему балагану, как блохи с дохлой собаки. А потом они начали хватать наших и крушить все, что под руку подворачивалось.

— И что, никого не осталось?

— Кроме меня? Где-то поблизости еще прячутся мадам Шмыга, Проныра и Заплата. Ну и Бульдог Джим отправился поискать, где бы украсть для меня ужин.

— А как же остальные?!

— Они забрали Громилу, близнецов Гарм и Фейерверочника, а Бонти сломали пальцы — и как он теперь будет играть на виолонтубе, а?

— А что Бенджи?

— А, — с досадой вспомнил Талли Брекенбок, — ему тоже сломали пальцы. Так что и скриппенхарма нам тоже не видать. Или, вернее, не слышать.

— Так что же это — почти все наши теперь в Доме-с-синей-крышей?

— Есть те, кому повезло меньше, — хмуро процедил Брекенбок. — Пискляк пытался палить по ним из игрушечного пистолета, так его изрешетили, как решетки решетки на фабрике решеток.

Талли Брекенбок явно не знал особенности процесса изготовления решеток, но суть была ясна. Хозяин балагана продолжил:

— Еще эти твари синемундирные прикончили Трухлявого Сиды. Старик пытался замахиваться на какого-то флика реквизитной саблей, так в нем самом открыли пару новых дырок. Все думали, что из него песок посыпется — нет, кровь потекла.

— А кто там лежит? У нашего с Пустым Местом фургона?

— Берта Бджи, — мрачно ответил хозяин балагана.

— И ее убили? — ужаснулся Гуффин. — Кто же теперь будет готовить ужин и штопать одежду?

— Нет, ее не убили. Она прикидывается мертвой.

— До сих пор?

— Да, просто заснула потом. Не кричи — разбудишь. — Брекенбок сделал еще два глотка и начал сокрушаться, вопя на весь переулочок, сразу же позабыв свои слова: — Как же так! Все ведь шло так хорошо! Я добился того, что сам Мистер-Бургомистер прилетит поглядеть новый спектакль! Репетиции проходили так ярко! Даже самые тупоголовые бестолочи, которые обычно не знают, что они делают на сцене, не так часто тупили! Фейерверочник напивался всего через день, а близнецы в последние дни почти прекратили драться. Так нет же!

— Треклятые флики, — подсказал Гуффин.

— Флики треклятые, — ответил Брекенбок и снова приложился к бутылке. — Уж я-то знаю, откуда ноги растут...

Гуффин на мгновение задумался, после чего неуверенно сказал:

— Э-э-э... сэр, я тоже знаю. Ну... ноги откуда растут...

Талли Брекенбок глянул на него одновременно и утомленно, и снисходительно:

— Я не буквально, Манера Улыбаться. Фликов подослал к нам не кто иной, как Фенвик Смоукимиррорбрим. Это его проделки, я их за милую душу! Вонючие проделки вонючего Смоукимиррорбрима...

— Но почему вы решили, что за облавой стоит Смоукимиррорбрим, сэр?

— Слишком все гладко вышло. Слишком подозрительное совпадение... Это ведь за два дня до премьеры «Замечательной и Невероятной Жертвы Убийства»! За два дня до того, как сам Мистер-Бургомистер должен явиться сюда! Как жесток этот мир и его треклятая полиция!

— Сэр! Но как связаны Фенвик и флики из Саквояжни?

Брекенбок снова поморщился, но уже от того, что его вынуждали все разжевывать.

— Мадам Шмыга прочитала в своих картах и увидела в хрустальном шаре семнадцать сорóк, отплясывавших джигу, что значит: «Опасность». А еще там был торт в сахарной глазури с начинкой из перетертых груш — это же обозначает обжору-толстяка! В Фли только один толстяк! Фенвик Смоукимиррорбрим, будь он тысячу раз проклят! Но и это не все! Мадам Шмыга увидела, как ее хрустальный шар затягивается синим дымом. А все мы знаем, что курят флики! Зловонного «Моржа», у которого синий дым! Вот и сопоставь! Семнадцать танцующих сорок, торт и синий дым. Сомнений быть не может.

Гуффин, тем не менее, полнился сомнениями:

— Э-э-э... это какое-то слишком уж абстрактное предсказание, сэр, чтобы можно было с достаточной...

— А еще Заплата видел толстяка, когда тот передавал взятку какому-то флику с бакенбардами у канала.

— А, ну тогда, вы правы. Сомнений быть не может.

— Я всегда прав, подери тебя Осень! — Ругательства Брекенбока были ему под стать — странные, странно-осенние. — Проклятый Смоукимиррорбрим и его душегубка «Прекрасная Жизнь Фенвика Смоукимиррорбрима»! Как же его грызло, что не все стали такими же злодейскими мерзавцами, как и он сам. А ведь мы, мой добрый Манера Улыбаться, пытались зарабатывать на жизнь честным трудом! Мы не жалели ни себя, ни тебя... Мы, Талли Брекенбок и вся его горечь, не встали вместе с другими уличными театрами на путь разбоя и грабежа. Мы продолжали показывать комедии о смерти и драмы о любви. Ну что за напасть?! Ну почему мерзавка-жизнь так подло обходится только с хорошими парнями?

— Сэр! Еще не все потеряно! Нельзя так просто забрасывать «Замечательную и Невероятную Жертву Убийства». Мы можем что-то придумать!

Брекенбок наделил своего актера тяжелым мутным взглядом.

— Эх, мой бестолковый, оптимистически настроенный друг, даже если бы мы стали что-то придумывать, а мы не станем, то все бессмысленно, потому что они забрали Подкованную Лысину!

— Они забрали Марго Треппл? — не веря собственным ушам, прошептал Гуффин.

Брекенбок кивнул и повернулся к огню.

— Да. Эти ублюдки выбили ей два зуба: они у меня в спичечном коробке хранятся на память. Посушили ей каторгу... Она ведь не переживет каторгу! — По щеке хозяина балагана прокатилась одинокая черная слеза, оставляя смоляной след на белом гриме. — Убийцы таланта!

— Сэр! Не стоит так сокрушаться и переживать! Еще не все потеряно...

— Я не пере, я еще, можно сказать, недоживаю, Манера Улыбаться! Вот еще немного из этой бутылочки, а потом — из вот этой, и как раз начну переживать.

— Вы не поняли, сэр! У меня кое-что есть для вас!

Талли Брекенбок презрительно пожевал губами:

— Выбили долг из Гудвина? Чем он нам сейчас поможет? Что, мы купим новую Марго Треппл?

Гуффин покачал головой.

— Намного лучше, сэр. В счет долга мы с Пустым Местом забрали у Гудвина его лучшую куклу: уж она сыграет Бедняжку просто превосходно. Вы бы только видели ее трагичное лицо! Мне кажется, она даст фору даже гению драмы Пьеро из Страны Дураков!

— Очень сомневаюсь, фыр-фыр-фыр... — Брекенбок горестно поплевал в огонь. — Кукла, тоже мне... слабое утешение.

— Прошу вас! Только поглядите на нее, сэр!

Гуффин развязал мешок и вытащил перепуганную куклу на свет. Взгляду Талли Брекенбока предстала изломанная и побитая Сабрина с растрепанной прической и в грязном порванном платье.

— Выглядит не очень-то, — проворчал хозяин балагана. — Что с ней случилось?

— Трудности доставки, — бесцеремонно сказал однобокую правду Гуффин. — Но вы ведь ее почините, сэр? Ваш отец...

— Не напоминай! — злобно рявкнул Талли Брекенбок. Он очень не любил, когда кто-то вспоминал о его родителях. — Извинись!

— Не буду извиняться, — нагло заявил Гуффин, — так как шуты не извиняются. Так что с куклой, сэр?

Талли Брекенбок не ответил. Он сейчас словно пребывал и вовсе не здесь. Хозяин балагана глядел на куклу и не мог оторвать от нее взгляд. Эта маленькая, хрупкая деревянная девушка выглядела действительно плачевно. Так, словно она пережила целую жизнь, полную боли и страха, словно ей были знакомы одни лишь мучения, словно в ней не осталось ничего, кроме горести. Настоящая... Бедняжка...

— Ты будто заранее знал, что произойдет, Манера Улыбаться, — отстраненно сказал Талли Брекенбок. — Словно знал, что наша главная актриса лишится возможности выступать и своих зубов.

— Рад услужить. — Гуффин сделал вид, что не уловил явного намека. Но, разумеется, это была всего лишь маска: он все прекрасно уловил. Его показная глупость тем не менее в очередной раз сослужила ему верную службу, и Талли Брекенбок, вроде бы, не придал совпадению никакого значения.

Хозяин балагана переменялся в лице. И сейчас это было не просто образное выражение, мол, кто-то всего лишь сменил одну эмоцию на другую, как грязные носки на не менее грязные носки. Прямо на глазах у пораженной куклы он неожиданно превратился в другого человека: не менее злого, не менее тщеславного и эгоистичного, просто к нему внезапно вернулась надежда, в его глазах зажглись огоньки предвкушения. И за какое-то мгновение тот, кто только что выглядел отталкивающе рухнувшим на самое безысходное из всех безысходных доньев, вдруг стал притягательно, маняще, отвратительно решителен и собран.

Одним неуловимым движением, что казалось просто невероятным, Талли Брекенбок поднялся на свои длинные ходульные ноги. Как скрюченная болезнью ива, он навис над бедной куклой, и его чернильные губы расплзлись гармошкой в еще более широкой улыбке, обнажив желтые зубы. Обе бутылки куда-то исчезли из его рук. А черно-белый колпак мгновенно оказался на голове, спрятав лысину и напомнив всем окружающим, что перед ними — шут, и не абы какой шут, вроде жалких посредственностей и серых банальностей Манеры Улыбаться и Пустого Места, а мастер своего дела и своего театра.

Сабрина застыла от ужаса.

— Таким образом, — возвестил Талли Брекенбок, в патетичном жесте вытянув руку и ткнув в нее пальцем, — ты, маленькая кукла в зеленом платье, становишься новой актрисой в «Балаганчике Талли Брекенбока»! Радуйся: ты получаешь главную роль в нашей новой пьесе «Замечательная и Невероятная Жертва Убийства»! Мы возвращаемся к работе! Мы все восстановим! Мы снова начнем репетиции! И мы еще поглядим, Фенвик

Смоукимиррорбрим, кто кого! Что? Что ты там лопочешь, гадкий толстяк? — Брекенбок приставил руку к уху. — У нас всего лишь два дня? У нас почти не осталось актеров и музыкантов? Наша каллиопа сломана? Декорации испорчены, сцена разрушена, а занавес подпален? Но мы сделаем невозможное! Мы поставим эту треклятую пьесу, будь она неладна! Мы соберем полный тупик зрителей, будь они неладны! Мы сразим в сердце самого Мистера-Бургомистра, будь он неладен! И мы отомстим тебе, уродец Смоукимиррорбрим, и покажем всем, кто считает, что шут в наши дни может лишь грабить прохожих в темной подворотне, что такое настоящий уличный театр! Эй ты! Манера Улыбаться, буди мадам Бджи, собирай всех, кто остался! Мы начинаем восстанавливать наш театр! Мы ставим «Замечательную и Невероятную Жертву Убийства»! Назло уродским фликам, назло нашим недругам из «Прекрасной Жизни Фенвика Смоукимиррорбрима», «Шитым-перешитым пугалам Скэри Кроу», «Дрессированным блохам дядюшки Фобба» и прочим! Мы сделаем это назло моим самоуничижению, лени и склонности к упадническим настроениям! Я им всем покажу, кто такой Талли Брекенбок...

Хозяин Балагана закончил свою речь, развернулся и пошагал вглубь переулка, жуткий, высоченный, как фонарный столб, и решительный, словно затягивающий узел самоубийца.

Когда он скрылся в темно-красном фургончике, Сабрина с отчаянием поняла, что в ее и без того печальную, полную злоключений и тревог жизнь, как ржавый нож в спину, медленно и мучительно вошла очередная напасть. И напасть эта была напрямую связана с тем, что замышлял шут Манера Улыбаться. Иначе он не стоял бы сейчас, глядя вслед Талли Брекенбоку, и не улыбался бы так широко, так самодовольно, так все-идуще-согласно-его-коварным-планам.

Конец Первого Действия.

От автора: Дорогой читатель! Вместе с куклой Сабриной ты только что перевернул последнюю страницу Первого Действия этой таинственной истории. В лавке игрушек Манера Улыбаться солгал: это не пьеска в одном действии. Впереди тебя ждет Второе Действие, в котором история Сабрины и ее злоключений продолжится. Возможно, там ты узнаешь, что же задумал Гуффин, кто такая Сабрина на самом деле, кем был таинственный господин в черном из трамвая и... да и все остальное. Впереди тебя ждет еще больше чудачков, интриг и коварства. Сабрина попадает в «Балаганчик Талли Брекенбока» и становится актрисой в новой пьесе. Что из этого выйдет? Прочитай, и узнаешь...